

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2013, № 2

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Кимерлинг А.С.** «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы 5
- Миронова А.В.** Экологическая безопасность как одно из направлений муниципальной политики г. Москвы 16

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

- Арутюнова Ж.М., Линькова Е.В.** Великая французская революция и ее роль в становлении консервативной традиции в России 25
- Пименова И.И.** Теория и практика либерализма в публицистике А.Л. Волынского 35

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Понька Т.И.** Россия, Китай и страны Центральной Азии: взаимодействие в сфере безопасности (90-е гг. XX – начало XXI в.) 43

ИСТОРИЯ СНГ

- Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж.** Интеграционный потенциал постсоветского пространства за четверть века: проблемы и перспективы 52

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Блохин К.В.** Советско-американские отношения в 1960–70-е гг.: неоконсерваторы США и крах разрядки 64

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

- Жигунова М.А.** Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект 75
Абазов А.Х. Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев
(по материалам Кабардинского временного суда (1822–1858)) 87

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- Головкин А.** Предпринимательская деятельность русской эмиграции на
Балканах (1920–1930-е гг.) 99

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

- Корноухова Г.Г.** Банковский кредит против ростовщической рыбы в цен-
ностно-институциональной системе мусульманских предпринимателей Рос-
сийской империи конца XIX – начала XX в. 109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Основные научные публикации преподавателей кафедры истории России
РУДН в 2012 г. 117

НАША БИБЛИОГРАФИЯ

- Пармонов В.Н.** Полезный опыт решения экономических и социальных
проблем развития страны в период нэпа: Рец. на кн.: *Юдина Т.В.* Советские
рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы новой
экономической политики. – Волгоград: ИЗД-ВО ВолГУ, 2009. – 444 с. 121

- НАШИ АВТОРЫ** 125

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

RUSSIAN HISTORY

2013, № 2

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

SOCIAL AND POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

- Kimerling A.S.** «Please inquire into this letter and eliminate unilateral view on workers, otherwise I will be compelled to write to the Central Committee of our party»: letters to authorities in post-war years 5
- Mironova A.V.** Environmental safety of Moscow as a major area of urban management 16

HISTORY OF RUSSIAN SOCIAL THOUGHT

- Arutyunova Zh.M., Linkova E.V.** French Revolution and its role in formation of conservative tradition in Russia 25
- Pimenova I.I.** Theory and practice of liberalism in A.L. Volynsky's works 35

RUSSIA IN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Ponka T.I.** Russia, China and countries of Central Asia: interaction in security sphere (1990s – early XXIst century) 43

HISTORY OF CIS

- Grebenichenko S.F., Toktamysov S.Zh.** Integration potential of post-Soviet area for a quarter of a century: problems and prospects 52

HISTORY OF FOREIGN POLICY OF RUSSIA

- Blokhin K.V.** Soviet-American relations in 1960–1970s: US neoconservatives and collapse of détente 64

HISTORY OF RUSSIAN NATIONS

Zhigunova M.A. Russian immigrants in Siberia: ethnic and cultural aspect	75
Abazov A.H. Gender element of standard culture of Kabardians (on materials of Kabardian temporary court (1822–1858)	87

HISTORY OF RUSSIAN DIASPORA

Golovkin A.A. Entrepreneurial activities of Russian emigrants in Balkans (1920–1930s)	99
--	----

HISTORY OF RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP

Kornoukhova G.G. Bank Loan against Usurious Riba in the Value-Institutional System of Muslim Entrepreneurs of the Russian Empire in the late 19 th – early 20 th century	109
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Main scientific publications of lecturers of department of Russian history of PFUR in 2012	117
--	-----

OUR BIBLIOGRAPHY

Paramonov V.N. Solution to economic and social problems of USSR in conditions of New Economic Policy. Review of the book: <i>Yudina T.V.</i> Soviet workers and employees at concession plants of USSR in years of New Economic Policy. – Volgograd, 2009	122
--	-----

OUR AUTHORS	125
--------------------------	-----

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

«ПРОШУ РАЗОБРАТЬ ЭТО ПИСЬМО И УСТРАНИТЬ ОДНОСТОРОННИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РАБОЧИХ, А ИНАЧЕ Я БУДУ ВЫНУЖДЕН НАПИСАТЬ В ЦК НАШЕЙ ПАРТИИ»: ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ*

А.С. Кимерлинг

Лаборатория социально-исторических исследований
Центр фундаментальных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье исследуется проблема писем во власть, во-первых, как проявление демократического права населения на участие в управлении государством и права на правосудие, во-вторых, как оружие репрессивных политических кампаний, в-третьих, как важнейшая форма идентификации с властью. Дается характеристика жалоб как значимого явления советской действительности. Приводятся примеры характерных и особенных жалоб на материалах Пермского государственного архива новейшей истории. Рассматриваются способы работы с письмами граждан на местах. Исследуется содержание жалоб послевоенных лет, которые позволяют понять особенности повседневности тех лет, риторику эпохи, формы сопротивления несправедливости.

Ключевые слова: письма во власть, жалоба, донос, послевоенная повседневность, идентификация с властью, борьба за справедливость, советский миф, политическая кампания.

Жалобы были особо значимым явлением советской действительности. У них было как минимум четыре функции. Во-первых, они были своего рода проявлением демократического права населения на участие в управлении государством и на правосудие. Граждане СССР должны были видеть в мас-

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0052. Issledovanie osushhestvleno v ramkah Programmy «Nauchnyj fond NIU VShJe» v 2013–2014 gg., projekt № 12-01-0052.

совом доносительстве и жалобах на всевозможные нарушения социалистических законов проявление подлинного народовластия.

Возникновение института жалоб связано с особенностью тоталитарных режимов, ведь на благополучие чиновника влияли не результаты его деятельности, а отношение вышестоящего начальника, что, с одной стороны, приводило к лести и угодничеству, с другой – к составлению отчетов о проделанной работе в угоду вышестоящим инстанциям.

Поэтому чиновники на местах чаще всего посылали наверх ту информацию, которую ждало от них начальство, а не ту, которая отражала реальное состояние дел. При этом власти не могли оставаться без достоверной информации хотя бы потому, что это создавало угрозу для них самих. В этой связи правительство поощряло жалобы и наказывало за недоносительство. Так что второй функцией жалоб было обеспечение обратной связи с властью.

В-третьих, «жалобы трудящихся» позволяли в нужный момент использовать их в политических кампаниях, задуманных властями в качестве повода для репрессий. В связи с этим интересна история с письмами Лидии Тимашук, где она жаловалась на профессоров-врачей, которые, как она считала, поставили неверный диагноз Жданову. Первое письмо датировано 1948 г. и адресовано начальнику Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанту Н.С. Власику. С Л.Ф. Тимашук провели по этому поводу нравоучительную беседу, а вскоре понизили в должности. Тогда она написала второе письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову, курировавшему деятельность МГБ, на которое ей не ответили. Третье ее письмо было вновь адресовано А.А. Кузнецову. И опять никакой реакции не последовало. Не прошло еще время. Хотя намек на умышленно неправильно поставленный диагноз звучит вполне однозначно: «...Еще на ЭКГ... были указания на инфаркт миокарда. Совершенно непонятно, почему эти данные не были учтены консультантами... Весьма странно, что начальник Лечуправ профессор Егоров настаивал на том, чтобы я в заключении не записала ясный для меня диагноз...» (1). Четыре года письма Л.Ф. Тимашук пролежали в архиве, а в 1953 г. послужили поводом для начала «дела врачей». Важно отметить, что массовые репрессивные кампании довоенных лет зачастую обходились без использования жалоб, поскольку следствие чаще опиралось на признание арестованных (2). При этом инициировались они не газетными публикациями, а секретными приказами, а их публичная составляющая сводилась до минимума.

В-четвертых, в сталинскую эпоху письма в различные инстанции становились важнейшей формой идентификации с властью. Традиционные ценности постепенно отмирают или попадают под прямой запрет. Общество рвет социальные связи, и одинокий человек ищет защиты у власти, которая была единственным гарантом и воплощением порядка и безопасности, источником благ. Особую роль здесь играли «письма вождям», которые

Е.Ю. Зубкова определяет как «последнюю попытку вырваться из заколдованного круга повседневности» (3).

Жалобы имели разную форму: могли быть устными и письменными, очными и заочными, с подписью и анонимными, индивидуальными и коллективными. Партийные и государственные инстанции обязаны были реагировать на каждую «жалобу» или «критическое замечание». На предприятиях и в учреждениях существовали специальные журналы, где жалобы учитывались, а факты подлежали расследованию в четко установленные сроки. Если речь шла о членах ВКП(б), то такого рода «письма и жалобы» рассматривались на партийных собраниях, виноватым выносили партийные взыскания, намечался план исправления недостатков. Вне зависимости от того, подтверждались факты или нет, заявитель имел право на ответ. Он давался инстанцией, которой касалась жалоба, и имел формальное содержание. В частности, в нем сообщалось, подтвердились ли факты, изложенные в жалобе, затем уже речь шла о принятых мерах.

Жалобы в редакцию газет обычно публиковали под рубрикой «Письма в редакцию» либо могли быть отправлены как неопубликованная корреспонденция для принятия мер и ответа в инстанцию, упомянутую в жалобе. Редакции газеты вменялось в обязанность проследить за скорейшим исправлением отмеченных недостатков или наказанием виновных и опубликовать отчет в рубрике «По следам наших выступлений».

Вот пример письма во власть, которое показывает особенности риторики той эпохи, раскрывает целый ряд мифов, существовавших в сознании советских рабочих, демонстрирует разные формы борьбы с несправедливостью:

«Партия, правительство и лично тов. Сталин всегда проявляют заботу о человеке. В одном из докладов Сталина говорится: человек – это самый ценный капитал. 16.12.1947 было передано постановление правительства о денежной реформе и отмене карточной системы. В этом постановлении говорится, что мы после тяжелой войны подошли к советской свободной развернутой торговле, и что постановление слушали все граждане Советского Союза и плакали от радости на душе... Я работаю на заводе им. Дзержинского и наш завод в дни отечественной войны вырос в крупный гигант. Коллектив завода неоднократно одерживал победу в социальном соревновании и вместе шел коллектив инструментального цеха, который горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года. И ряд товарищей работают в счет 5-го года пятилетки. Но ростом производительности труда особенно молодых рабочих занимаются плохо. Политика массовой и разъяснительной работы в цехе нет... Я беспартийный работаю в цехе 10 лет желаю участвовать в общественной жизни цеха которой у нас нет. Вот, например, 11.03.1948 на коротком совещании торжественно нам объявили, что 12.03.1948 проводится рабочее собрание с вопросом: заключение коллективного договора на заводе, и 2-е продажа муки в цехе всем рабочим!

Оказалось муку стали продавать по биркам! Вначале служащим а что останется то – рабочим. Но рабочие возмутились и на собрание не пошли. То администрация цеха решила задержать рабочим номера и оставить всех рабочих на собрание и наобещали продать муку после собрания.

Собрание проводил от администрации т. Петрищев, а от профорганизации никого не было, и заступиться за рабочих некому. 8-ми руб. муку 90 кг разделили, растащили нач-к цеха и парторг т. Минин и разные администраторы цеха и зам нач-ка тов. Конюхов унес 4 пакета муки с заднего хода? Тогда как участнику войны т. Черепанову не дали и силой его вытащил из очереди начальник ОТК т. Синицин и грубо наругал тов. Черепанова. А кадровые рабочие остались без муки как т.т. Ощепков, Бушуев, Федотовских и Романова. Это происходит, что вся администрация сжились семейно.

...Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии.

Фамилию не оглашаю, потому что Администрация и партийно-проф. организация не уважают, когда им подсказывают провду.

Сприветом рабочих. 12.3.1948. Цех № 9. Попова зав(од) им. Дзержинского» (4).

Анонимное письмо написано на тетрадных листах в клетку чернилами. Писал, действительно, простой рабочий – почти нет запятых, много орфографических и стилистических ошибок. Германия с маленькой буквы. Слово «правда» действительно написано через «о» – «провда», а «Сприветом» – слитно.

Слова, которые использует автор жалобы, повторяют газетную риторику тех лет. Человек как будто говорит не сам, за него говорят штампы: «Партия, правительство и лично тов. Сталин всегда проявляют заботу о человеке», «горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года» и др. Отдельные штампы отражают речь политических кампаний именно послевоенных лет: «вся администрация сжились семейно».

Обратим внимание на содержательную структуру данной жалобы. Долгое вступление, в котором автор вначале ссылается на политику Сталина, затем подтверждает всенародную поддержку постановлению правительства об отмене карточной системы, после описывает многочисленные экономические победы своего завода, заканчивается критикой политмассовой работы в цехе. Далее автор, несмотря на анонимность, показывает свою политическую благонадежность – хоть и беспартийный, но со стажем работы и желает участвовать в общественной жизни. И только на третьем листе суть вопроса, наконец, проясняется. Длинное вступление – это не только ритуал, который должен был подтвердить лояльность автора письма по отношению к существующей системе, но и искренняя убежденность, что подобные слова необходимы, чтобы получить удовлетворение жалобы. В нем видны пропагандистские мифы, которые должны были усвоить все советские гражда-

не: о заботливом отце народов Сталине, о всенародной любви народа к советскому государству, о народе-победителе и т.д. Здесь также мы видим миф о том, что центральная власть эффективнее местной может разобраться в любой сложной ситуации.

При этом когда на заводе пришло время подписывать коллективный договор, в пропагандистских целях было решено организовать для этого торжественный ритуал. Но, понимая, что голодные рабочие нуждаются в стимуле, им обещают «выбросить» на продажу муку.

Надо сказать, что мука была в то время знаковым продуктом и достаточно часто становилась причиной конфликтов, которые нашли отражение в жалобах в партийные инстанции. Например, несправедливое распределение муки стало причиной спора между бывшим завмагом Продснаба № 1 при Березниковском магниевом заводе Сапеевым и его начальником Бокманом: «Именно 1 марта поступившая сортовая мука для продажи в розницу рабочему классу в порядке живой очереди не более 3 кг. Приходя ко мне в магазин Бокман приказывает мне как подчиненному лицу подавая список на 10 чел. развести муку 85% по квартирам по 30 кг каждому и говорит 5 мешков муки забронируйте и не куда... по квартирам дирекции: Бачурину, Бычину, Савельеву, Бригу и т.д.» (5). Завмаг пытался оставить немного муки хотя бы для своих подчиненных и обратился по этому поводу к начальнику торгового отдела Продснаба Бордюковскому: «Я его спросил почему же Бокман опять хочет муку развезти по спискам. Я говорю дайте хотя моим 9-ти сотрудникам по 3 кг. Не ужели мы в честь праздника 1-го Мая не хотим скушать белый пирог и белый оладик. Тогда тов. Бордюковский пишет письменное распоряжение кладовщику столовой № 1... отпустить 1 мешок для столовой № 1» (6).

Аналогичная история случилась на заводе им. Дзержинского, где муку в больших объемах разобрали начальники, по биркам купили служащие, а кадровые рабочие остались ни с чем. Кстати, понятие «бирки», по которым на заводе что-то выдавали или продавали, тоже элемент повседневности, который раньше ускользал от внимания исследователей.

Еще одна деталь повседневности раскрывается в рассмотренной жалобе. Оказывается, когда администрация завода хотела увеличить рабочий день, она «задерживала рабочим номера», судя по всему, именно эти «номера» позволяли выйти через проходную наружу. Скорее всего, ушедший без номера рабочий считался бы дезертиром, который привлекался к уголовной ответственности. Только на заводах им. Сталина, им. Молотова, им. Дзержинского (г. Молотов) в 1947 г. и первом квартале 1948 г. было оформлено и передано в народные суды за прогулы и дезертирство 6493 дел, а всего по области под суд попали 32 375 чел. За пять месяцев 1948 г. было отдано под суд 12 643 чел. (7). Наиболее частыми мотивами дезертирства были плохие условия труда, болезни, не подтвержденные документами; поездки в деревню по личным вопросам, перевод на другую работу без личного согласия, опоздание при возвращении из отпуска и др. (8).

Итак, рабочих лишили возможности купить муку, но они не проглотили обиду, а возмутились и на собрание не пошли. Получается, что подписание коллективного договора – это не вопрос регламентации трудовых отношений, а результат сиюминутного получения еды. Рабочие готовы подписать договор, но только если их за это покормят. Данный пример иллюстрирует сугубо ритуальный характер подписания коллективного договора, а также выявляет доиндустриальный характер взаимоотношений между начальниками и рабочими. Отказ прийти на собрание был первой формой сопротивления несправедливости, которую высвечивает жалоба. Другая форма сопротивления – это написание письма в обком или в ЦК ВКП(б).

Приведенное письмо, датированное 12 марта, хотя и было анонимным, но заставило администрацию прореагировать на него. 1 апреля в цехе было проведено партсобрание, на котором подтвердился указанный в жалобе факт «нарушения правил советской торговли при продаже муки». Состоявшийся пленум завкома разобрал этот вопрос и «начальнику цеха тов. Попову, предцехному тов. Дулепову поставил на вид» (9).

Мифы играли важную роль в советской повседневности. Советский человек сталинской эпохи очень своеобразно воспринимал действительность. Логика не имела значения, когда речь шла об идеализированной советской реальности. Это явление исследователи сталинской эпохи называют «социальной шизофренией». Приведем пример еще одной жалобы, которая в полной мере иллюстрирует это явление. Письмо принадлежит верующим села Лобаново, которые также жаловались в обком партии: *«По конституции в нашей стране свобода вероисповедания. Ведь да? Так? Или нет? А ведь на самом деле нет! И вот почему. Сегодня в селе Лобаново на кладбище пришли местные люди, чтоб принести дань уважения и вспомнить умерших. Пришел поп из Кольцова, должен был служить на могилах, ведь мы живем в свободной стране... Но вот пришли председатель сельсовета Дружинин и директор школы Лобаново и увели священника в сельсовет, не дали ему служить, наверное, ругали его, обзывали... Вы осуждаете, что в других странах дела и слова расходятся, а у нас что? Мы верующие этим возмущены и подавлены. Будем писать Сталину, а то и сами поедем. Понятно, что это местные заправилы хозяйничают»* (10).

Как видно из письма, люди были уверены в реальности Конституции, но обнаружили, что она не действует. При этом они убеждены в том, что виноваты только «местные заправилы», а Сталин или секретарь обкома обязательно разберутся и рассудят по справедливости. Также легко советский человек находил объяснения «отдельным недостаткам» в своей повседневной жизни. Когда этих недостатков становилось слишком много, в стране началась политическая кампания, и объявлялся новый враг – внутренний или внешний.

Невзирая на все трудности, большинство советских людей видели только то, что демонстрировала им пропаганда. Идеология давала ответы на все

вопросы и служила путеводной нитью. «Именно в этом мире, – отмечала Х. Арендт, – благодаря одному только воображению лишенные корней массы могли чувствовать себя как дома и избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций, которые реальная жизнь и реальный опыт опрокидывают на человеческие существа и их надежды» (11).

Одновременно жалобы как явление становятся частью культуры доносительства, которая переживала расцвет в сталинскую эпоху, когда был брошен лозунг: «Каждый гражданин – сотрудник НКВД». В.И. Ленин в свое время также говорил: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» (12). В сталинскую эпоху слово «донос» бытовало только в обыденном языке. Общественная мораль XX в. по-прежнему осуждала доносительство. В.Г. Короленко писал в 1919 г.: «Власть доноса, – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная... Берегитесь попасть во власть доносов» (13).

Казенный язык предпочитал заменять глагол «доносить» другими терминами: «сигнализировать», «сообщать», «доводить до сведения», «разоблачать» и т.п. Из криминальной среды в бытовую речь вошел глагол «стучать». В официальной речи место доноса заняла «жалоба». Первоначально составители советских толковых словарей не могли совершенно игнорировать слово «донос». Его моральная оценка полностью корреспондировала со сложившимся в либеральной среде суждением. В словарях 1930-х гг. «донос» имел исключительно контрреволюционный подтекст и определялся как «орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения» (14). Но уже в «Словаре современного русского литературного языка» 1954 г. издания понятие «донос» исчезает. Есть слово «доносить». Вторым пунктом значится: «Доводить что-либо до сведения какого-либо лица или учреждения» (15). «Жалоба», согласно этому же словарю, определяется почти также – как «заявление, указывающее на незаконное или неправильное действие какого-либо лица или учреждения» (16).

Постепенно слово «донос» практически исчезло из партийных и государственных документов сталинской эпохи. Вместо него появились синонимы, словосочетания-штампы, типа «письма и жалобы трудящихся», «критика снизу», «предложения коммунистов», «сигналы печати» и т.д.

Наиболее активно жалобы поступали в органы власти в периоды политических кампаний, позволявших людям выплеснуть накопившееся недовольство. Так было и в начале 1953 г., когда в качестве врага были определены медики – убийцы в белых халатах, и одновременно евреи – безродные космополиты. Письма, жалобы и заявления трудящихся огромным потоком хлынули в различные инстанции. Интересные данные приведены в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г.: «Количество жалоб... значительно увеличилось... За 3 месяца 1952 г. – 76 жалоб, за 3 месяца 1953 г. – 103. Изменился и характер жалоб... Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о беспорядках на предприятиях и учреждениях» (17).

В первой трети 1953 г. в партийных инстанциях развертывается кампания по налаживанию работы с жалобами и заявлениями трудящихся. Этой теме посвящены пленумы райкомов и горкомов, партийные собрания первичных парторганизаций предприятий и учреждений. Партийные инстанции настоятельно требовали улучшить работу с «письмами трудящихся». Однако за формально-бюрократическое отношение к этой проблеме следовали не слишком строгие партийные взыскания.

Некоторые инстанции продолжали относиться к жалобам по-прежнему. В обком потоком шли докладные, где начальники разного ранга отчаянно пытались оправдать свое несвоевременное реагирование на сигналы. Например, прокуратура отправила подобный документ 15 января 1953 г. В нем и.о. прокурора Молотовской области И.И. Буканов писал: *«Редакция газеты на проверку корреспонденций... устанавливает срок 10 дней. Этот срок является совершенно нереальным, уже не говоря о том, что сами корреспонденции поступают в прокуратуру после 2-х дней со времени подписания направления..., что проверка должна проводиться в районах области... а по почте они поступают исполнителям через 4–6 дней, само содержание корреспонденций... часто требует производства ревизий, бухгалтерской или графической экспертизы... “Правда” обычно такие корреспонденции просит проверить в срок 1 месяц»* (18).

Во всяком случае, именно во время политических кампаний возрастала вероятность того, что жалоба получит необходимый ее автору отклик. Так случилось с директором завода торгового машиностроения «Механолит» Сусловым. Начиная с 1950 г. на него писали доносы, однако Кагановичский райком и Молотовский горком защищали руководителя от нападок. «Дело врачей» не позволяло прощать покровительство неблагонадежным лицам. 23 января 1953 г. бюро Молотовского обкома партии вынесло следующее постановление: *«За злоупотребление правами единоначальника, нарушение государственной дисциплины, ротозейство, за отрыв от масс, игнорирование партийной организации и неправильное отношение к критике т. Суслова Ф.Л. с работы директора завода “Механолит” снять и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку»* (19).

После смерти Сталина и прекращения политической кампании по «делу врачей» тематика и интенсивность жалоб вернулась в свои обычные рамки. Подтверждением тому может служить «Справка о результатах проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений трудящихся», направленная Черномозским райкомом партии в адрес Молотовского обкома КПСС, в которой, в частности, отмечалось, что на первом месте по общему количеству жалоб за 1953 г. в районе находилась бытовая тематика, в то время как тема злоупотребления служебным положением была на втором месте (20). Таким образом, без идеологического давления из центра местная бюрократическая система, действуя по корпоративному принципу, сумела остановить невыгодные для нее потоки жалоб и выйти из-под огня критики.

Как показал рассмотренный материал, в жалобе можно явственно наблюдать такой культурный стереотип, как деление картины мира на черное и белое, добро и зло. Поскольку писать о недостатках в советском обществе было очень трудно (считалось, что в социалистическом мире их просто нет), поэтому все недостатки, как видно «из писем во власть» – «отдельные», трудности – «временные», «плохие» представители администрации завода – «не типичные». Отсутствие грамотности часто делало жалобу очень колоритной, где книжная речь перемежалась просторечиями и фольклорными элементами, а через официальную риторику прорывались действительные проблемы и реальная повседневность.

Книжный дискурс при этом имеет четко прописанные смысловые единицы, такие, как «партия», «патриотизм», «вождь», «завод-гигант». Особенностью является повышенная актуализация сюжетов, метафор, эпитетов. Речи вождя и постановления правительства становятся безусловным авторитетом. Разные органы власти и газеты получали тысячи подобных жалоб. В ГАРФ хранятся, например, итоговые статистические отчеты Приемной председателя Верховного Совета СССР, для которой повседневная работа с населением была одним из главных направлений деятельности. По этим отчетам только в 1951 г. по почте было получено 240,7 тыс. обращений (21). Это и позволяет сделать вывод о том, что письма во власть были своеобразным способом реализации демократических прав граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Малкин В. Семь писем Лидии Тимашук // Новое время. – 1993. – № 28.
- (2) См.: Кабацков А.Н., Федотова И.Ю. «Пишите то, что я приказываю» – массовая операция по приказу 00447 в г. Краснокамске // Вестник архивиста. – 2011. – № 1. – С. 150–163; Лейбович О.Л., Колдушко А.А., Казанков А.И., Шабалин В.В., Чащухин А.В., Кимерлинг А.С., Станковская Г.Ф., Кабацков А.Н., Шевырин С.А. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. – М., 2009.
- (3) Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. – М., 1999. – С. 173.
- (4) Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). – Ф. 105. – Оп. 14. – Д. 516. – Л. 5–7.
- (5) Орфография и пунктуация автора сохранена. См.: ПермГАНИ. – Ф. 105. – Оп. 14. – Д. 510. – Л. 17.
- (6) Там же. – Л. 18.
- (7) Там же. – Д. 442. – Л. 145.
- (8) Там же. – Л. 150.
- (9) Там же. – Л. 8.
- (10) Там же. – Л. 14.
- (11) Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. – С. 466.
- (12) В.И. Ленин и ВЧК. – М., 1975. – С. 363.
- (13) Негретов П.И., Короленко В.Г. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. – С. 129.
- (14) Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова – М., 1934. – С. 766.

- (15) Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 3. – М.; Л., 1954. – С. 979–980.
- (16) Там же. – Т. 4. – М.; Л., 1955. – С. 18.
- (17) ПермГАНИ. – Ф. 158. – Оп. 21. – Д. 13. – Л. 16.
- (18) Там же. – Ф. 105. – Оп. 20. – Д. 156. – Л. 27.
- (19) Там же. – Д. 29. – Л. 73.
- (20) Там же. – Д. 199. – Л. 149–150.
- (21) ГАРФ. – Ф. 7523. – Оп. 85. – Д. 272.

NOTES

- (1) Malkin V. *Sem' pisem Lidii Timashuk, Novoe vremja* [New time], 1993, vol. 28.
- (2) Sm.: Kabackov A.N., Fedotova I.Ju. “Pishite to, chto ja prikazyvaju” – massovaja operacija po prikazu 00447 v g. Krasnokamske, *Vestnik arhivista* [Bulletin of the archivist], 2011, no. 1, pp. 150–163; Lejbovich O.L., Koldushko A.A., Kazankov A.I., Shabalin V.V., Chashhuhin A.V., Kimerling A.S., Stankovskaja G.F., Kabackov A.N., Shevyrin S.A. “*Vkljuchen v opera-ciju*”. *Massovyj terror v Prikam'e v 1937–1938 gg.* [«Included in the operation». Mass terror in Perm in 1937–1938]. Moscow, 2009.
- (3) Zubkova E.Ju. *Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953* [The postwar Soviet society: politics and everyday life 1945–1953]. Moscow, 1999, p. 173.
- (4) *Permskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (PermGANI)* [Perm State Archive of Contemporary History]. F. 105. Op. 14. D. 516. L. 5–7.
- (5) *Orfografija i punktuacija avtora sohranena. Sm.: PermGANI.* F.105. Op.14. D. 510. L. 17.
- (6) Tam zhe [Ibid.]. L. 18.
- (7) Tam zhe [Ibid.]. D. 442. L. 145.
- (8) Tam zhe [Ibid.]. L. 150.
- (9) Tam zhe [Ibid.]. L. 8.
- (10) Tam zhe [Ibid.]. L. 14.
- (11) Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, 1996.
- (12) *V.I. Lenin i VChK* [V.I. Lenin and VChK]. Moscow, 1975, p. 363.
- (13) Negretov P.I., Korolenko V.G. *Letopis' zhizni i tvorchestva. 1917–1921* [Chronicle of the life and creativity. 1917–1921]. Moscow, 1990.
- (14) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Russian explanatory dictionary] / Pod red. D.N. Ushakova. Moscow, 1934.
- (15) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad, 1954, vol. 3, p. 979–980.
- (16) Tam zhe. 1955, vol. 4, 18 p.
- (17) *Perm GANI.* F. 158. Op. 21. D. 13. L. 16.
- (18) Tam zhe [Ibid.]. F. 105. Op. 20. D. 156. L. 27.
- (19) Tam zhe [Ibid.]. D. 29. L. 73.
- (20) Tam zhe [Ibid.]. D. 199. L. 149–150.
- (21) *GARF.* F. 7523. Op. 85. D. 272.

**«PLEASE INQUIRE INTO THIS LETTER
AND ELIMINATE UNILATERAL VIEW ON WORKERS,
OTHERWISE I WILL BE COMPELLED TO WRITE
TO THE CENTRAL COMMITTEE OF OUR PARTY»:
LETTERS TO AUTHORITIES IN POST-WAR YEARS**

A.S. Kimerling

Laboratory of Social and Historical Research
Centre of Fundamental Research
National research university «Higher School of Economics»
Myasnitckaya Str., 20, Moscow, Russia, 101000

The article is devoted to the Soviet phenomenon of «letters to authorities». Three major interpretations of «letters» are presented: 1) as a way to implement the democratic right for participating in state management and right for justice; 2) as an instrument for repressive political campaign; 3) as a significant form of personal identification with authorities. Claims were an important social phenomenon of the Soviet life. The author presents typical and specific claims (on the materials of Perm State Archives of Contemporary History) and ways of dealing with them on the local level. The author analyses the post-war years' claims, which help to understand the peculiarities of the Soviet everyday life, the rhetoric of the era, and the forms of citizens' resistance to injustice.

Key words: letters to authorities, complaint, denunciation, post-war everyday life, identification with authorities, citizens' resistance to injustice, Soviet myth, political campaign.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ Г. МОСКВЫ

А.В. Миронова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

Автор исследует отдельные аспекты осуществления экологической безопасности Москвы как одного из важных направлений муниципальной политики столицы. В частности, анализируются состояние атмосферы, загрязнение воздуха пылью и ядовитыми газами, состояние грунтовых вод и почв, а также зеленых насаждений в черте города. Особо выделены такие проблемы, как акустическая среда и состояние водных объектов в г. Москве. Автор уделяет также внимание развитию экологической культуры и образования в мегаполисе и делает выводы о дальнейшем развитии экологической ситуации в столице.

Ключевые слова: Москва, муниципальное хозяйство, городское управление, экология, охрана окружающей среды, экологическая безопасность.

Как известно, основу муниципального хозяйства составляет комплекс базовых отраслей, включающий в себя и жилищно-коммунальное хозяйство, которое, в свою очередь, состоит из таких отраслей, как городской пассажирский транспорт, система потребительского рынка и бытового обслуживания населения города. Но одним из самых важных комплексов в муниципальной политике Москвы являются службы общественной безопасности, в которых главную роль играет экологическая безопасность города.

Необходимо отметить, что экологическая ситуация в городе, а тем более в мегаполисе – достаточно сложная система. Известно, что атмосфера Москвы сильно загрязнена в результате сжигания топлива для нужд промышленности, отопления жилья, работы транспорта, сжигания и переработки бытовых и промышленных отходов.

Кроме того, довольно опасными источниками искусственных аэрозольных загрязнений воздуха являются теплоэлектростанции (которые потребляют уголь высокой зольности), обогатительные фабрики, металлургические, цементные, магнезитовые и сажевые заводы. Аэрозольные частицы от этих источников отличаются большим разнообразием химического состава, в который входят соединения кремния, кальция и углерода, оксиды металлов, железа, магния, марганца, цинка, меди, никеля, свинца, сурьмы, висмута, селена, мышьяка, бериллия, кадмия, хрома, кобальта, молибдена, асбеста, органическая пыль, включающая алифатические и ароматические углеводо-

роды, соли кислот. Данная пыль образуется при сжигании остаточных нефтепродуктов в процессе пиролиза на нефтеперерабатывающих, нефтехимических и других подобных предприятиях. Естественно, что все эти вещества способствуют разрушению зданий Москвы и ведут к ухудшению состояния здоровья жителей города.

Кроме того, на территории Москвы источником пыли и ядовитых газов служат массовые взрывные работы, которые способствуют созданию вибрации, разрушающей дома. Так, например, в результате одного среднего по массе взрыва в 250–300 т взрывчатых веществ в атмосферу выбрасывается около 2 тыс. м³ оксида углерода и более 150 т. пыли (1). Производство строительных материалов, как известно, также является источником загрязнения атмосферы города пылью. Основные технологические процессы этих производств – измельчение и химическая обработка шихт, полуфабрикатов и получаемых продуктов в потоках горячих газов – всегда сопровождается выбросами пыли и других вредных веществ в атмосферу.

При этом основным и наиболее мощным источником загрязнения Москвы являются выбросы в атмосферу от автотранспорта и стационарных источников, которые составляют более 1,2 кг/м территории в год. Причем объем выбросов постоянно увеличивается. Основная причина высокого загрязнения атмосферного воздуха города окислами азота состоит в значительных выбросах этих веществ от крупных энергетических объектов – ТЭЦ, РТС, КТС и автомобильного транспорта (2).

Наметившаяся в 1994 г. тенденция снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха города окислами азота была связана с общей тенденцией снижения промышленного производства и не подкрепляется комплексом соответствующих воздухоохраных мероприятий. Рост автомобильного парка Москвы без достаточного комплекса воздухоохраных мер ежегодно увеличивает уровень загрязненности атмосферного воздуха города окисью углерода, углеводородами, сажей, содержащей канцерогенные вещества. Было установлено, что в атмосфере Москвы наблюдается повышенная концентрация пыли. Но на 2012 г. проблема содержания пыли в московском воздухе даже частично не была решена, хотя появились интернет-проекты, помогающие отследить состояние воздуха в Москве практически в реальном времени (3). И, как нам кажется, данная гражданская инициатива в дальнейшем может более плодотворно бороться с проблемой загрязнения воздуха.

Отрицательное влияние на экологический комплекс Москвы оказывают загрязненные грунтовые воды. Наиболее загрязненными участками являются район Нагатино, Люблино, в меньшей степени Щукино, а пляж в Рублево имеет минимальную загрязненность поверхностных вод и донных отложений. В большинстве случаев грунтовые воды на территории Москвы характеризуются слабой углекислотной агрессивностью, реже – сульфатной или общекислотной агрессивностью. По отношению к железобетонным конструкциям практически во всех скважинах воды слабоагрессивны при перио-

дическом смачивании и неагрессивны при постоянном погружении. Средне-агрессивные грунтовые воды зафиксированы в единичных случаях. На участке между Волоколамским и Ленинградским шоссе выявлен еще в конце XX в. участок распространения вод, характеризующихся тремя видами агрессивности – сульфатной, уголекислотной и общекислотной.

Одновременно на жилые и другие здания отрицательно влияет загрязненность почв. Так, например, около 40% городских почв имели в исследуемые годы довольно сильный уровень загрязнения. Они расположены в основном в центральной и восточной частях Москвы. Спектр элементов, участвующих в загрязнении, достаточно широк. К элементам максимального накопления относятся серебро, цинк, вольфрам, свинец, никель, хром, висмут. Все они, кроме серебра, относятся к 1 и 2 классам опасности. Участки интенсивного загрязнения почв приурочены к промышленным зонам с металлоемкими производствами. Исследования также показали, что наиболее загрязнены бензопиреном почвы вдоль крупных автомагистралей Ленинского проспекта, улиц Д. Ульянова, Гарибальди, Кравченко, Обручева, участок Ленинского проспекта от ул. Крупской до ул. Обручева содержит более 0,32 мг бензопирена на кг почвы, что в 16 раз превышает предельно допустимую концентрацию (4).

Таким образом, Москва из-за большого объема ресурсоемких производств и высокой плотности размещения предприятий давно перешла отмеченный для всех мегаполисов мира рубеж, за которым ликвидировать несанкционированную эмиссию отходов без перестройки структуры производств и мест приложения труда невозможно. К сожалению, данные вопросы на сегодняшний день еще не решены.

В конце XX в. московские архитекторы, создавая перспективные планы развития города, работали в следующих направлениях: дальнейшее развитие городского строительства, реконструкция имеющихся объектов, решение транспортных и экологических проблем города, что, безусловно, было связано с социальной защитой москвичей (5). Важно отметить, что перспективные планы развития Москвы строились в соответствии с геологическим строением территории города. Москва, как известно, расположена на стыке трех крупных физико-географических районов: Смоленско-Московской моренной возвышенности, Москворецко-Омской моренно-эрозионной равнины и Мещерской зандровой низменности. В их пределах выделяются отдельные ландшафты, каждый из которых имеет свои природные особенности, повлиявшие на формирование современного облика города.

Наиболее высокие точки рельефа находятся на юго-западе города, где сосредоточена часть Теплостанской возвышенности, которая обрывается на берегу Москвы-реки и на северо-западе города. В районе Химкинского водохранилища выделяется южный склон Московской возвышенности. Восточная и юго-восточная части города расположены на окраине Мещерской низменности, которая имеет выровненный характер. Многие особенности

рельефа Москвы связаны с изменениями, внесенными многовековой деятельностью населения. В этом плане необходимо подчеркнуть, что для перспективного развития города очень важно сохранение и увеличение лесопарков, скверов и других зеленых насаждений.

В настоящее время из всего разнообразия лесной растительности в Москве остались относительно нетронутыми лишь участки в пределах лесопарков – Измайлово, Сокольники, Серебряный бор, Покровское-Стрешнево, Парк культуры им. Горького и др. Сохранился большой массив лесов в Государственном национальном природном парке «Лосиный остров». В то же время в Генеральном плане города исчезли проектируемые зеленые «клинья» в Крылатском и Строгино, Южном Измайлово и центральной части Юго-Запада. Заключенными в трубы и на грани уничтожения оказались многие малые реки Москвы; застроены и продолжают застраиваться без соответствующей подготовки и без согласования с уполномоченными органами территории бывших городских свалок и полей фильтрации: Бусиново, Марьино, Братеево и др. (6). Притягательный потенциал Москвы стимулировал нарушение принципов сохранения кольца лесопаркового пояса и возникновение вблизи Москвы крупных агломерационных образований: Калининград–Мытищи–Ивантеевка–Щелково, Люберцы, Томилино, Балашиха, Железнодорожный.

В этой связи Департамент природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы постоянно осуществляет наблюдение за состоянием городских растений. После отказа от применения противогололедной соли существенно сократились объемы санитарной вырубki. Применение новых подходов позволило увеличить приживаемость зеленых насаждений до 95% при норме 90%. Благодаря практике компенсационного озеленения удастся постепенно увеличивать площади зеленых насаждений. До 2020 г. планируется создание 254 новых особо охраняемых природных территорий с увеличением их общей площади до 24,8 тыс. га, что составит 20% всей территории города. Также Департамент природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы проводит большую работу по цветочному оформлению города, проводит эксперименты по «крышному озеленению» (7).

С экологической точки зрения особого смысла в таком озеленении нет, но это делает город красивым и приятным для жизни, что также приносит положительные результаты.

Еще одной насущной проблемой является так называемое шумовое загрязнение, то есть превышение естественного уровня шумового фона или ненормальное изменение звуковых характеристик: периодичности, силы звука и пр. Шумовое загрязнение приводит к повышенной утомляемости человека и животных, понижению производительности труда, физическим и нервным заболеваниям. Таким образом, шумовое загрязнение – это раздражающий шум антропогенного происхождения, нарушающий жизнедеятельность живых организмов и человека. Главным источником шумового за-

грязнения являются транспортные средства – автомобили, железнодорожные поезда и самолеты.

Основными источниками шума на территории города, по данным государственного доклада Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, являются: автотранспортные потоки улично-дорожной сети города; железнодорожный транспорт; наземные линии метро; авиатранспорт аэропортов Московского авиаузла (Внуково, Шереметьево, Домодедово, в меньшей мере Остафьево); промышленные предприятия; коммунально-складские объекты; объекты электро- и теплоэнергетики; строительная техника (особенно в случае ведения работ в ночное время); инженерное оборудование зданий, сооружений, жилых домов; шумы «бытового происхождения»; шум громкоговорителей и др. (8). По экспертным оценкам, до 70% территории города Москвы подвержено сверхнормативному шуму от различных источников. Нормативные уровни шума достигаются в глубине жилых массивов и лесопарковых зон. Величина превышений доходит до следующих значений: 20–25 дБА на территориях вблизи автотрасс; до 30–35 дБА – для квартир жилых домов, обращенных в сторону крупных автотрасс (без шумозащитного остекления); до 10–20 дБА – вблизи железных дорог при движении поездов; до 8–10 дБА – на территориях, подверженных периодическому воздействию авиашума; до 30 дБА – при несоблюдении установленных требований при ведении строительных работ в ночные часы.

Естественно, что в связи с развитием города, ростом объемов и темпов строительства, расширением транспортного комплекса будут появляться новые источники шума, а шумовые характеристики существующих источников – возрастать. Так, например, тенденцией последних лет является снижение различий между уровнями шума в дневное и ночное время на территориях города, прилегающих к автотрассам. Шумовые характеристики большинства магистралей городского значения незначительно меняются в течение суток (за исключением периода с 3 до 5 ч утра) за счет того, что в ночное время снижение количества автотранспорта компенсируется ростом скорости транспортного потока. Наблюдаемая в городе ситуация потребовала применения адекватных мер «компенсационного» характера и разработки специальных шумозащитных мероприятий в зонах наличия сверхнормативных показателей по шуму. Так, например, для реализации единого подхода к решению общегородской проблемы повышенного шума принято постановление Правительства Москвы от 16.10.2007 № 896-ПП, утверждающее Концепцию снижения уровня шума и вибрации в городе.

По нашему мнению, для снижения сверхнормативного шума и сохранения существующих акустически благополучных территорий города необходимо масштабное внедрение шумопонижающих технологий во всех сферах городского хозяйства и промышленности, разработка специальных мер по снижению шума, ужесточение мер ответственности за нарушения, связан-

ные с созданием сверхнормативного шума при упрощении процедуры привлечения к ответственности. Существует два подхода к достижению нормативных показателей уровней шума на территориях города и в помещениях различного функционального назначения: во-первых, реализация технических мер по снижению шумовой характеристики источников шума за счет совершенствования конструкции техники и использования прогрессивных технологий; во-вторых, защита территорий и помещений за счет применения шумопоглощающих технологий и материалов.

В декабре 2010 г. в соответствии с Концепцией снижения уровней шума и вибрации в городе Москве НИПИ Генплана Москвы по заказу Москомархитектуры начались работы по формированию адресного перечня жилых домов, находящихся в зоне шумового дискомфорта, но не требующих капитального ремонта. В указанный перечень были включены жилые дома, у фасадов которых в рамках экологического мониторинга были выявлены превышения установленных нормативов по уровню шума, а также подготовленный Москомархитектурой в 2008 г. адресный перечень жилых домов, попадающих в зону сверхнормативного шумового воздействия от железнодорожного транспорта.

Надо отдать должное достижениям Правительства Москвы в области изучения отечественного и международного опыта и последних технических разработок. Так, например, уже ведутся эксперименты по новым шумопоглощающим типам дорожных покрытий. Кроме того, введен запрет на шумные работы в ночное время и налажен контроль за соблюдением этого запрета на стройках. Но важно отметить, что существуют проблемы и с законодательством, которое на практике не обеспечивает защиту прав граждан на тишину в полной мере и требует доработки.

Еще одной областью экологической безопасности муниципальной политики города Москвы является состояние водных объектов в черте города. Стоит отметить, что в этой сфере есть нормативно-правовые вопросы федерального уровня, мешающие решению ряда проблем, таких как, например, отсутствие у Москвы как у субъекта РФ полномочий по предъявлению уголовных претензий нарушителям порядка водоохранных зон. Для этого Москве необходима особая методика расчета ущерба водным объектам, особенно поверхностным водам. Необходимо взаимодействие с Подмосковьем, откуда в Москву поступает значительная часть загрязнений, улучшение контроля за стоками с территорий предприятий, автомойками и другими объектами. Это только некоторые из причин, по которым качество воды в столичных реках в целом остается неудовлетворительным.

По данным «Мосводоканала», до 2020 г. в Москве планируется реконструкция всех очистных сооружений с внедрением новых технологий водоподготовки и очистки сточных вод, в том числе с помощью биологической очистки и ультрафиолетового обеззараживания. Однако, несмотря на значительные усилия Департамента природопользования и охраны окружающей

среды г. Москвы, качество воды в Москве-реке оставляет желать лучшего. И виновата в этом не только столица. По основным показателям вода на выходе из города чище, чем на входе, однако в ней присутствует ряд опасных веществ, таких как нефтепродукты, фосфаты, нитраты, марганец, аммоний, нитриты, свинец, алюминий и т.д.

Неразрывно связано с вопросами обеспечения экологической безопасности и качеством жизни населения формирование экологической культуры. С 1995 г. в городе реализуется комплексная программа непрерывного экологического образования и просвещения для всех звеньев воспитательно-образовательной системы: от дошкольного до вузовского. Так, например, в настоящее время большая часть детских садов в Москве имеет в своем штате педагога-эколога. В средней школе помимо самостоятельного школьного предмета экологический компонент имеют все базовые курсы по химии, биологии, физике, математике и другим дисциплинам.

К эколого-просветительской работе подключены также префектуры административных округов, которые предусматривают мероприятия по реализации эколого-просветительской деятельности на своих территориях, ориентированные на формирование экологического сознания подрастающего поколения, вовлечение учащихся и гражданское население в социально-значимую практическую деятельность по улучшению экологической обстановки в городе. В последние годы широкое развитие приобретают такие новые формы организации экологического образования и просвещения, как социальное партнерство школ с внешкольными организациями и учреждениями в области экологического образования, создание межшкольных лабораторий экологического мониторинга, организация школьных экологических троп и другие.

Дополнением эколого-просветительской работы, проводимой на особо охраняемых природных территориях г. Москвы, стал открытый мэром Москвы С.С. Собяниным в январе 2011 г. Экоцентр на Воробьевых горах – первый в столице и в России Эколого-просветительский центр международного уровня для детей и взрослых. Целью создания экоцентра явилось повышение экологической культуры горожан, развитие межрегиональных и международных связей с общественными и государственными организациями экологической направленности, а также помощь детям в получении практических навыков, обеспечивающих ответственное и бережное отношение к окружающей среде.

В этой связи следует отметить, что основными задачами в формировании экологической культуры в г. Москве, которые отражены в проекте государственной программы г. Москвы на 2012–2016 гг., также являются совершенствование системы экологического образования, подготовка педагогических кадров; развитие эколого-просветительской деятельности в учреждениях дополнительного образования детей и взрослых; проведение общегородских массовых экологических мероприятий, направленных на привлечение

внимания населения г. Москвы к вопросам охраны окружающей среды и обеспечению безопасности жизнедеятельности; развитие системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов, ответственных за принятие решений в области природопользования и обеспечения экологической безопасности; освещение актуальных проблем охраны окружающей среды в средствах массовой информации и при помощи социальной рекламы; увеличение объема издаваемой специализированной экологоориентированной литературы; создание и поддержание электронного портала Департамента и сайтов дирекций ООПТ по актуальным вопросам охраны окружающей среды и др.

Таким образом, исследование проблемы показало, что в отношении экологической безопасности московское правительство контролирует перспективные планы в области окружающей среды при помощи системы законодательства. Требования практики находят юридическое оформление в виде законов, указов и постановлений, обязательных к исполнению на территории Москвы. Для того, чтобы учитывать в перспективе природоохранный фактор, в столице применяются такие меры, как экологическая экспертиза, экологический мониторинг и экологическое моделирование. При этом позитивным фактом является то, что каждое крупномасштабное управленческое нововведение в столице начинается с экспертизы. Ее проведение и впредь должно предварять создание любых крупных промышленных объектов на территории Москвы, где все без исключения предприятия обязаны строиться с учетом потребностей охраны окружающей среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Арсенев В.М.* Экология Москвы: проблемы и их реализация. – М., 2001. – С. 19.
- (2) *Реснянин А.С.* Проблемы экологии Москвы. – М., 1993. – С. 245.
- (3) Московский воздух: текущая ситуация и прогноз // <http://vozduh.msk.ru>
- (4) *Арсенев В.М.* Экология Москвы... – С. 85.
- (5) *Данилов А.А.* История России, XX век. Справочные материалы. – М., 1996. – С. 37.
- (6) Становление и развитие ландшафта Москвы. – М., 2001. – С. 64.
- (7) *Емельянов Т.А.* Местное самоуправление: современные подходы. – М., 2010. – С. 112.
- (8) Государственный доклад Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы «О состоянии окружающей среды в Москве в 2010 г.». – М., 2010. – С. 27.

NOTES

- (1) *Arsenev V.M.* *Ekologiya Moskvy: problemy i ikh realizatsiya* [Moscow Ecology: problems and their implementation]. Moscow, 2001, p. 19.
- (2) *Resnyanin A.S.* *Problemy ekologii Moskvy* [Moscow environmental problems]. Moscow, 1993, p. 245.
- (3) *Moskovskiy vozdukh: tekushchaya situatsiya i prognoz* [Moscow air: current situation and forecast], Available at: <http://vozduh.msk.ru>

- (4) Arsenev V.M. *Ekologiya Moskvy...* [Moscow Ecology...], p. 85.
- (5) Danilov A.A. *Istoriya Rossii, XX vek. Spravochnye materialy* [History of Russia, XX century. References]. Moscow, 1996, p. 37.
- (6) *Stanovlenie i razvitie landshafta Moskvy* [The formation and development of the landscape of Moscow]. Moscow, 2001, p. 64.
- (7) Emel'yanov T.A. *Mestnoe samoupravlenie: sovremennye podkhody* [Local government: Modern Approaches]. Moscow, 2010, p. 112.
- (8) *Gosudarstvennyy doklad Departamenta prirodnopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy goroda Moskvy "O sostoyanii okruzhayushchey sredy v Moskve v 2010 godu"* [The State Department's report on nature management and environmental Protection of Moscow «On the state of the environment in Moscow in 2010»]. Moscow, 2010, p. 27.

ENVIRONMENTAL SAFETY OF MOSCOW AS A MAJOR AREA OF URBAN MANAGEMENT

A.V. Mironova

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article considers some implementation and formation aspects of the environmental safety of Moscow as an important sphere of municipal politics in 2008–2012. In particular, the author analyses the state of atmosphere, air pollution, dust and poison gases, the state of ground water and soil, as well as green spaces in the city. The emphasis is given to such issues as acoustic environment and the state of water objects in the city of Moscow. The author also pays attention to the development of environmental culture and education in the city and draws conclusions on the further development of the ecological situation in Moscow.

Key words: municipal services, urban management, ecology, environmental protection, environmental safety.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ

Ж.М. Арутюнова

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

Е.В. Линькова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется влияние революционных событий во Франции в 1789–1794 гг. на становление российского консерватизма. Авторы показали восприятие представителями российского консерватизма причин и итогов революции в свете идейных и культурных контактов между Россией и Францией во второй половине XVIII – начале XIX столетия. В статье исследуется формирование образа Франции в консервативных кругах России первой половины XIX в.

Ключевые слова: российский консерватизм, революция, общественная мысль, российско-французские отношения.

«На первый взгляд может показаться, что не найти в Европе более непохожих стран, чем Франция и Россия. Расположенные на разных концах континента, и в Средние века, и в Новое время наши страны развивались по-разному... что долгое время ограничивало связи между ними... Настоящее знакомство состоялось лишь в XVIII в., сначала через книги и знания, позднее через железо и кровь, и, наконец, через людей» (1).

Подобное высказывание посла Франции в России Ж. де Глиниasti совершенно справедливо, так как российско-французские отношения – это яр-

кий пример довольно противоречивых контактов двух государств и народов, а тематика этих связей необыкновенно обширна. Это и политика, и дипломатия, и военные конфликты, и искусство, и мода, и научные знания. Влияние французской культуры, политической и социальной мысли начинает особо ощущаться в России в XVIII в., когда Франция становится своеобразным интеллектуальным лидером Европы. Изучая становление и развитие общественно-политической мысли России, историки отмечают заметное влияние идей французских просветителей, государственных и политических деятелей.

При исследовании генезиса общественного сознания в России сложилось традиционное мнение, что мировоззрение Просвещения, события Великой французской революции повлияли на становление русского радикализма и либерализма, в частности, в форме декабризма. Между тем представляется справедливым отметить, что идейные влияния со стороны Франции периода Французской революции конца XVIII столетия оказали существенное воздействие и на развитие отечественного консерватизма, обусловили его специфику, которая в дальнейшем отличала его от французской или английской консервативной традиции. Стремление не допустить повторения французских событий на русской почве, ощущение социальной бури, угрозы, исходившей от революционной Франции, кровавые последствия революции, – все это заставляло задуматься консервативно настроенную часть русского дворянства о пагубности увлечения идеями Просвещения, воззрениями о превосходстве человеческой личности и разума.

Именно на этом противопоставлении России с ее глубокими традициями государственности, общинности, духовности и революционной Европы в дальнейшем базировались идейные установки ранних русских консерваторов (С.Н. Глинки, А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина), Н.М. Карамзина, Ф.И. Тютчева, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, а также представителей так называемого официального, правительственного консерватизма, например, С.С. Уварова. Россия в данном контексте выступает как сила, противостоящая Революции, как сдерживающее, истинно христианское начало. Через призму революционных событий 1789–1794 гг. отечественные консервативные мыслители рассматривали события, происходившие в России, например, попытки либеральных преобразований Александра I в начале XIX в. Необходимо отметить, что само консервативное направление в России оформилось в начале XIX в. (хотя многие его принципы были сформулированы еще в конце XVIII в., например, в работах М.М. Щербатова) как своеобразный ответ части дворянского общества на события Французской революции, которые повлекли за собой существенные изменения в государственном и общественном строе европейских государств, а также как реакция на предпринимаемые правительственными кругами попытки экстраполировать западноевропейскую либерально-конституционную модель на русскую почву.

Оценивая роль Французской революции и ее влияние на становление консервативной концепции в России XIX в., необходимо обратиться к вопросу о собственно французском идейном воздействии на русское дворянское общество, на императорский двор в конце XVIII – начале XIX в. Прежде всего, можно отметить, что события Французской революции привели к значительному росту численности французов в России. Еще с середины XVIII в. установление прочных двухсторонних русско-французских отношений способствовали тому, что в России формируется своеобразная французская община, состоявшая в основном из негоциантов, торговцев и ремесленников. Можно выделить несколько факторов, повлиявших на этот процесс: «одни мечтали разбогатеть, другие – уйти от тягостного прошлого и начать жить заново... гугеноты – обрести свободу совести...» (2). Но одной из важнейших причин, вынудивших французов эмигрировать в Россию, была Французская революция 1789 г.

Сюда устремился большой поток роялистов, священнослужителей, бывших французских дворян, которые рассматривали Россию как оплот монархической власти и традиционных ценностей. На русской почве оказались представители самых громких французских фамилий: Rochecouart, Montmorency, La Rochefoucault, Broglie, Polignac, Richelieu, Toulouze, La Trémolle, Damas, Laval, многие из которых не только поступили на государственную службу, но и оказали заметное влияние на развитие общественного мнения в стране. Например, в 1784 г. в Россию приезжает брат Марата – Давид, который обосновался в Санкт-Петербурге и с разрешения Екатерины II сменил фамилию и стал именоваться Давидом Ивановичем Бодри. Впоследствии он становится преподавателем французского языка и литературы в Царскосельском лицее именно в те годы, когда там проходил обучение А.С. Пушкин.

Не менее интересна и судьба другого известного француза, роялиста и консерватора Жозефа де Местра, который, будучи изгнанным из Франции, в мае 1803 г. прибыл в Петербург. В российской столице Ж. де Местр завязал дружеские отношения с такими государственными и общественными деятелями, как В.П. Кочубей, А.К. Разумовский, С.С. Уваров, П.А. Толстой, Ф.Ф. Вигель и др. Необходимо отметить, что образ Французской революции, созданный и пропагандируемый Ж. де Местром, в дальнейшем во многом повлиял на отношение к революционным событиям со стороны консервативно настроенной части русского общества. В своей книге «Размышления о Французской революции» Ж. де Местр называет революцию ««сатаническим» явлением, карой за грехи» и приходит к убеждению о том, что «теократия есть единственно возможная форма устройства богочеловеческого единения на земле» (3). Де Местр остро критиковал и сами идеи гуманизма и просвещения, породившие, по его мнению, французскую революцию. Права человека, принцип равенства людей он считал «фикцией и политической риторикой» и был убежден, что «голоса надобно взвешивать, а не счи-

тать» (4). Многие воззрения де Местра о сильной монархической власти, подпитываемой религиозной константой, нашли впоследствии отражение в общественно-политических взглядах таких отечественных консерваторов, как И.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев, Н.М. Катков и др.

Таким образом, можно отметить, что на развитие отечественного консервативного направления большое влияние оказали не только идеи, но и люди, французские эмигранты, роялисты, нашедшие в России благодатную почву для распространения своих взглядов и ценностей.

Еще одним немаловажным аспектом при рассмотрении данного вопроса является проблема формирования образа революционной Франции в российской дворянской среде. Если для одних (А.Н. Радищева, затем декабристов) образ революции оказался довольно притягательным, то у другой части российских интеллектуалов появились идеи, связанные с необходимостью защиты России от возможной революционной «заразы».

Наибольшую роль в первое десятилетие XIX в. и в период Отечественной войны 1812 г. в складывающемся консервативном направлении играли такие фигуры, как А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка. Во многом теоретическая и практическая деятельность этих мыслителей и государственных деятелей была вызвана к жизни теми угрозами, которые несли самодержавному, православному и традиционному укладу идеи Просвещения и революционный радикализм. Именно поэтому для ранних русских консерваторов образ Франции во многом становится тождественен образу революции, в дальнейшем дополняемому образом наполеоновской агрессии. Отечественная война сплотила русское общество, способствовала подъему национального самосознания, но в общественном мнении победа в кампании 1812 г. произвела двойственный эффект. С одной стороны, она явилась толчком для подъема оппозиционных и радикальных настроений, с другой – укрепила консервативно настроенную часть общества в мысли о превосходстве общественно-политического строя России над западноевропейским, о победе России не только над Наполеоном, но и над Революцией.

В свою очередь, подобное эмоциональное восприятие Запада привело к складыванию двух парадигм в общественной мысли России. С одной стороны, русское общество увидело разрушительные последствия нашествия Запада на Россию, что несомненно привело к определенной настороженности, а подчас и враждебности по отношению к странам Западной Европы. С другой, – осознание военного, научного превосходства Запада породило феномен декабристов, П.Я. Чаадаева, русского западничества и радикализма.

Еще в 1803 г. А.С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» сформулировал основные принципы оформлявшегося русского консерватизма, являвшиеся явным «противовесом» революционным воззрениям, исходившим от Франции. В их числе: «недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам; необходимость опоры на традиции (языковые, религиозные, поли-

тические, культурные, бытовые (например в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах), изучения русского языка во всех его ипостасях; патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии; борьба с галломанией и космополитизмом» (5). Во многом ранние русские консерваторы, в их числе А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка, саму национальную культуру считали «ответственной» за Французскую революцию, а потому требовали отказа от французского языка, от повсеместной дворянской галломании. Подобные мысли можно встретить и в произведениях А.С. Шишкова, и Ф.В. Ростопчина («Мысли вслух на Красном крыльце», 1807 г.). Как справедливо указывает исследователь русского консерватизма А.Ю. Минаков, «галломания» – ориентация на французский язык и французские культурно-поведенческие модели – явилась провокативным фактором для вызревания начальной модели русского консерватизма» (6).

Весьма сложным было отношение к революции и у Н.М. Карамзина, размышлявшего в «Письмах русского путешественника» о событиях во Франции в 1789 г.: «Можно ли было ожидать таких сцен в наше время, от зефирных Французов, которые славились своею любезностию, и пели с восторгом от Кале до Марсели, от Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi...
Для любезного народа
Счастье – добрый Государь?» (7)

Далее в этом же письме Н.М. Карамзин напоминает читателям, что «народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция – отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства. Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. “Утопия”... будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. Предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей – и довольно» (8). Говоря о революции, Н.М. Карамзин отмечал, что «безначалие хуже всякой власти». Именно поэтому в «Записке о древней и новой России» историк писал, что «самодержавие есть Палладиум России», а ужасы Французской революции «излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства...» (9).

О французской революции много писали и мыслители-славянофилы, стремясь через призму ее событий понять сущность отечественного радикализма. И.С. Аксаков, высказываясь по поводу книги «Против течения» Н.А. Любимова (писавшего под псевдонимом Варфоломея Кочнева), отмечал, что при рассмотрении событий 1789 г. во Франции важно обратиться «ко времени, ей непосредственно предшествовавшего». Это время И.С. Аксаков называет периодом «либеральных иллюзий», которые захватили власть и общество (10). И над этими «либеральными иллюзиями» мыслитель призывает задуматься своих современников.

Анализируя причины и итоги революции, И.С. Аксаков отмечает, что развитию радикальных настроений в России должны будут помешать те патриархальные, традиционные начала, на которых держится Россия. Большую роль в укреплении российского государства мыслитель отводит народу, на которого, в отличие от народа Франции, власть всегда может опереться. В России народ, по его мнению, это «центр тяжести всего нашего государственного бытия... главный исторический фактор, направляющий основное течение нашей исторической жизни, хотя и не способный ни предупредить ее временные кривоблуждания, ни формулировать, в отвлеченной форме, своего политического мирозерцания...» (11). Именно эта особая сила русского народа, по мысли И.С. Аксакова, способна защитить российскую государственность, как это было не раз в истории России (в пример приводятся эпоха Смуты, междоусобицы, война 1812 г.). То есть И.С. Аксаков полагал, что русский народ может проявлять не только «отрицательную и разрушительную» силу, но и «положительную, зиждительную» (12), благодаря чему Россия сможет избежать революции и всех ее последствий.

Несомненно, революция во Франции стала своеобразным символом разрушения старой средневековой системы ценностей с обязательной христианской составляющей. Именно этот образ революции проанализировал Ф.И. Тютчев, яркий последователь идей Н.М. Карамзина, Ж. де Местра и др. Хотя в своих воззрениях автор опирался не столько на события 1789 г., сколько на революции в Европе 1830–1840-х гг., тем не менее он отмечал, что именно с XVIII в. берет свое начало практика отказа от христианских идеалов и ценностей и их замена на принципы рационализма. Единственной страной, где христианство сохранило свое существенное влияние, согласно убеждению Ф.И. Тютчева, остается Россия. Однако пренебрежительное отношение к исконно русским традициям, по его мнению, приведет ко все большему заимствованию западных политических элементов и в результате принесет на российскую почву главное социальное бедствие Запада – Революцию.

Ф.И. Тютчев попытался проанализировать истинные ценности и достижения революции, последствия демократических и либеральных лозунгов и обосновал их пагубность для российского государства и общества. Как и де Местр, он полагал, что политический курс любой страны должен строиться

в рамках ее исторической и национальной традиции, что избавит общество от кровавых потрясений. Революция для Ф.И. Тютчева – это не совсем реальное историческое событие, это, прежде всего, «дух», «разум», следствием которого оно является. Истоки революции мыслитель видел в удалении человека от Бога, в антропоцентризме, антихристианском рационализме, которые он трактует как богоотступничество и утверждение принципа философии Возрождения – «человек есть мера всех вещей». Этот постулат с развитием революционных тенденций превращается в следующее утверждение: «Я есть мера всех вещей». Ф.И. Тютчев полагал, что из этого принципа вытекают не только притязания на власть и верховенство над умами общества, но и стремление удовлетворить свои личные, индивидуалистические интересы.

Следует отметить, что в противовес идеям свободы личности, ставшими столь популярными во времена французской революции, отечественные консерваторы использовали аргумент об общинности русского народа, о стремлении к христианскому единению. «Человеческое я» не явилось, по мысли Ф.И. Тютчева, своеобразным «продуктом» революции, но именно в конце XVIII в. было возведено в Западной Европе в абсолют. Новшеством 1789 г. стало именно «самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом» (13).

Призывы социалистов-утопистов к свободе, к равенству и братству мыслитель называл искажением божественных заповедей. Эти принципы, по мнению Ф.И. Тютчева, подменяют свободное единение людей в Боге принудительным братством. Философ пишет, что «...наивно богохульственные разглагольствования, ставшие как бы официальным языком нашей эпохи», проповедуют, «что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон» (14). Однако мыслитель утверждает, что невозможно реализовать принципы братства, если они основаны лишь на страхе, а не на христианских началах.

Лишь в православной России возможно это единение народа, так как только православному человеку доступна реализация принципов общинности и соборности, которые являются истинным и свободным стремлением людей к Богу. Исследователь наследия поэта Б.Н. Тарасов точно определяет глубинную сущность западноевропейских призывов к «братству»: «Свобода, равенство, братство – или смерть: так позднее заостренно выражал эту подмену сходно с Тютчевым и Достоевский» (15). Эту же мысль подчеркивал и И.С. Аксаков, отмечая, что создать государство на антихристианской основе невозможно без привлечения насилия и диктатуры, а потому «для дрессировки “братий” и для закрепощения “граждан” революция вынуждена была прибегнуть... к террору, и во имя свободы, равенства и братства явила свету такую чудовищность деспотизма, с которой может только равняться поджог Парижа петролеем, учиненный Парижскою коммуною» (16).

Россия, по мнению Ф.И. Тютчева, может миновать кровавые последствия революции, так как, будучи удаленной от революционной Европы, может «здорово оценить происходящее в ней» (17). Этот вывод близок мысли А.С. Пушкина о том, что «Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище... Европы» (18). Даже П.Я. Чаадаев отмечал, что Россию от Запада отделяет и духовная составляющая, которая позволяет ей объективно оценивать европейские революционные события (19).

Необходимо отметить, что на русской почве идеи Просвещения и Французской революции сыграли двоякую роль. Французская революция явилась образцом активной деятельности по переустройству государственности, в которую были вовлечены широкие слои французского общества. Именно к этому виду активности, стремлению сокрушить старые порядки будут в дальнейшем стремиться и декабристы, и последующее поколение революционеров.

С другой стороны, для части русского общества революционные события во Франции как конца XVIII в., так и середины XIX столетия показали, сколь непредсказуемы могут быть последствия подобных явлений, какой коренной и безвозвратной может быть ломка традиций. Представители консервативного лагеря общественной мысли подчеркивали, что Россия существует во многом благодаря своим историческим традициям государственности, религиозности общественного сознания, которые необходимо сохранять и развивать в противовес всеразрушающему духу революции, символизирующему «самовластие человеческого я» (20).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Guidiplo. L'Exception France–Russie. – Girona, 2011. – P.77.
- (2) Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). – М., 2002. – С. 93.
- (3) Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. – СПб., 2007. – С. 7.
- (4) Местр Ж. де. Петербургские письма. – СПб., 1995. – С. 313.
- (5) Минаков А.Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Сборник научных работ. – Воронеж, 2005. – С. 17–18.
- (6) Там же.
- (7) Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М., 1980. – С. 320.
- (8) Там же. – С. 321–322.
- (9) Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>
- (10) Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? – М., 2002. – С. 765.
- (11) Там же. – С. 767.
- (12) Там же. – С. 768.
- (13) Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6 т. – Т. 3. – М., 2003. – С. 145.

- (14) Там же. – С. 145.
- (15) Там же. – С. 324.
- (16) Аксаков И.С. Биография Ф.И. Тютчева. – Репр. изд. 1886 г. – М., 1997. – С. 181.
- (17) Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6 т. – Т. 3. – М., 2003. – С. 146.
- (18) Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 6. – М., 1962. – С. 237.
- (19) Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1989. – С. 157.
- (20) Ф.И. Тютчев и православие. – М., 2005. – С. 141.

NOTES

- (1) Guidiplo *L'Exeption France–Russie* [Iskljuchenie Francija-Rossija]. Girona, 2011, p.77.
- (2) *Otnosheniya mezhdru Rossiey i Frantsiey v evropeyskom kontekste (v XVIII–XX vv.)* [Relations between Russia and France in the European context (the 18–20th centuries)]. Moscow, 2002.
- (3) Mestr Zh. de. *Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russkomu dvoryaninu ob ispan-skoy inkvizitsii* [Four previously unreleased Chapter on Russia. Letters to Russian nobleman about Spanish Inquisition]. St-Petersburg, 2007, p. 7–8.
- (4) Mestr Zh. de. *Peterburgskie pis'ma* [Petersburg letters]. St-Petersburg, 1995, p. 313.
- (5) Minakov A.Yu. *Rol' sobytij 1812 g. v stanovlenii russkogo konservatizma Konservatizm v Rossii i Zapadnoy Evrope. Sbornik nauchnykh rabot* [Role of events of 1812 in formation of the Russian conservatism, Conservatism in Russia and Western Europe]. – Voronezh, 2005, p. 7–18.
- (6) Tam zhe [Ibid.]
- (7) Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of the Russian traveler]. Moscow, 1980, p. 320.
- (8) Tam zhe [Ibid.], p. 321–322.
- (9) Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A note about the ancient and new Russia], Availble at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>
- (10) Aksakov I.S. *Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii?* [Why is it so difficult to live in Russia]. Moscow, 2002, p. 765.
- (11) Tam zhe [Ibid.], p. 767.
- (12) Tam zhe [Ibid.], p. 768.
- (13) Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma: V 6 t.* [Complete works. Letters: In 6 v]. Moscow, 2003, vol. 3, p. 145.
- (14) Tam zhe [Ibid.], p. 145.
- (15) Tam zhe [Ibid.], p. 324.
- (16) Aksakov I.S. *Biografiya F.I. Tyutcheva. Repr. izd. 1886 g.* [F.I. Tyutchev's biography. Repr. prod. 1886]. Moscow, 1997, p. 181.
- (17) Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochineniy...* [Complete works...], p. 146.
- (18) Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected works: In 10 v]. Moscow, 1962, vol. 6, p. 237.
- (19) Chaadaev P.Ya. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow, 1989, p. 157.
- (20) *F.I. Tyutchev i pravoslavie* [F.I. Tyutchev and Orthodoxy]. Moscow, 2005, p. 141.

FRENCH REVOLUTION AND ITS ROLE IN FORMATION OF CONSERVATIVE TRADITION IN RUSSIA

Zh.M. Arutyunova

Department of Foreign Languages
Peoples` Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

E.V. Linkova

Department of Russian History
Peoples` Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the influence of the revolutionary events in France in 1779–1794 on the formation of Russian conservatism. The authors show the perception of the Russian conservatism representatives of the reasons and outcome of the revolution in the light of the ideological and cultural contacts between Russia and France in the second half of the XVIIIth – early XIXth century. The article analyses the formation of the image of France in the conservative circles of Russia in the first half of the XIXth century.

Key words: Russian conservatism, revolution, public thought, Russian-French relations.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛИБЕРАЛИЗМА В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.Л. ВОЛЫНСКОГО

И.И. Пименова

Кафедра иностранных языков юридического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье исследуются воззрения литературного критика, писателя, публициста А.Л. Волынского на либерализм, которые занимают центральное место в системе его общественно-политических взглядов. Автор приходит к выводу, что, будучи либералом, Волынский критически оценивал современный формально-утилитарный либерализм. Анализ публицистического наследия А. Волынского показывает, что в своих оценках либеральной доктрины он сближается с идеалистами 1890-х гг. и позволяет определить его мировоззрение как «идеалистический либерализм».

Ключевые слова: А.Л. Волынский, либерализм, свобода личности, гражданственность, идеализм, идеалистический либерализм.

Обращение к анализу общественно-политических взглядов Акимы Львовича Волынского, известного отечественного деятеля культуры 1880–1920-х гг., литературного критика, писателя, публициста и историка культуры, диктуется рядом причин.

Во-первых, Волынский вошел в отечественную культуру как критик материализма и утилитаризма, как «борец за идеализм». Благодаря его деятельности были развенчаны многие философские и эстетические идеи шестидесятников – Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева. Подвергнув решительному пересмотру «наследство», привычные ценности и идеалы интеллигенции, Волынский создал идейно-культурные предпосылки «идеалистического поворота» 1890-х гг. в социальном сознании части российской интеллигенции.

Во-вторых, хотя Волынский, будучи редактором надпартийного журнала «Северный Вестник», подчеркивал свою невовлеченность в партийно-политическую борьбу в публицистике, вопрос о его мировоззрении тем не менее актуален. Творчество А. Волынского рассматривалось практически исключительно литераторами, и тема его общественно-политических и социологических взглядов осталась за пределами исследовательских интересов.

Среди общественно-политических взглядов Волынского особое значение имеют его воззрения на либерализм. Проясняя отношение мыслителя к либеральной доктрине, можно в определенной степени понять сами основы мировоззрения Волынского.

Прежде всего следует обратить внимание на основной концепт либерализма – учение о свободе. Как и в либерализме, личность и ее свобода были для А. Волынского неоспоримой, высшей ценностью. Причем понимание им личности схоже с либеральной концепцией человека: «Реалистическое представление о человеке есть представление только об одной из сторон человеческой личности, а теоретическая идея, отвлеченная, широкая, неограниченная никакими случайными признаками, обнимает всего человека, находят в нем самом те силы, которые нужны для исторического развития, которые поддаются развитию и требуют развития» (1). Высказывание Волынского наглядно показывает, что идеалом исторического развития для него является «личность вообще», взятая в абстракции, вне конкретных исторических условий. Такая позиция, безусловно, сближает Волынского с интеллигентами-народниками, которые также понимали личность как социологическую единицу. С другой стороны, в такой трактовке можно отчетливо видеть реминисценцию идей Просвещения XVIII в., философия которого рассматривала личность «вне истории». Подобная постановка вопроса о личности была характерна и для либерализма в целом.

Итак, отправной точкой мировоззрения для А. Волынского была личность, трактуемая им онтологически, в духе Просвещения, т.е. абстрактно. Атрибутом личности, согласно Волынскому, является свобода, которая понималась им как высшая духовная ценность.

В понимании идеи свободы можно отчетливо проследить согласие Волынского с идеями Дж.Ст. Милля, изложенными им в работе «On liberty». Волынский отмечает, что Милль «с огромной отвагой выступает против европейского государственного и общественного режима, давящего свободное развитие личных сил, личных талантов, всякую самобытность и индивидуальность» (2). Можно отчетливо увидеть, что Волынский был противником государственного социализма по причине его стремления регламентировать личную свободу. Императивность духовной свободы не подвергалась им сомнению.

Вместе с тем Волынский был полон критического отношения к либерализму современному. Здесь необходимо коснуться трех терминов, которыми оперирует публицист: «внешняя свобода», «свобода внутренняя», «гражданственность». Эти термины Волынский раскрывает в статье «Г. Михайловский и его рассуждения о русской литературе» (3). Размышляя на тему освобождения крестьян от крепостной зависимости, Волынский подчеркивает, что Великая реформа была добыта не политической борьбой, а идеями освобождения, которые укоренились в сознании как верховной власти в России, начиная с Петра Великого, так и в русской литературе. «Вся прошедшая литература России, начиная даже не с Пушкина, с Фонвизина, – пишет он, – своими идеальными силами, всем своим духовным содержанием подготовляло коренную реформу общественного строя... Свобода крестьян добыта не кровью, не восстанием, не физическим гнетом, а именно силою твердого

убеждения, к которому примкнули все слои, высшие и низшие русского общества. Она явилась тогда, когда общественное сознание уже противилось рабству, как чему-то неестественному и чуждому нравственным требованиям... Внутренние силы никогда не могут быть бесполезными, пока остается малейшая физическая возможность, так или иначе обмениваться мыслями с людьми. Внешние факты и события, упорная работа различных представителей общества в определенном направлении свидетельствует о том, что Россия, каковы бы ни были ее обстоятельства, не спала, что в ней бился живой пульс, что в ней кипели духовные стремления» (4).

Характеризуя диалектическую связь внутренних и внешних факторов освобождения, Волынский отмечал: «Внешние факты не могут быть первоисточником каких бы то ни было течений в области духовной истории людей. Создаваемые нравственными и умственными силами, они только тогда накладывают свою печать на ход исторического развития, когда действуют в сочетании с уже готовыми сложившимися психологическими настроениями и нравственно-философскими идеями. Социальные и политические события совершаются по воле человеческой души и носят на себе яркий свет этой души с ее порывами, волнением чувств и высших инстинктов» (5).

Итак, для Волынского приоритетны в либерализме внутренние факторы эмансипации личности. С этой позиции он критически оценивал современный либерализм.

Во-первых, Волынского беспокоил внешний, формальный характер либерализма. Абсолютизация внешних форм либерализма (неких формальных юридических и экономических схем и интересов) приводит к перерождению либерализма: «Внешний, формальный либерализм, оторванный от психологических корней, становится мало-помалу, подобно консерватизму какой-то тиранией, преследующей всякие свободные научные и философские искания, всякое свободное мнение, всякое проявление свободного разума и свободной совести, и таким образом сам себя разрушает, насаждая именно то, против чего хотел бороться» (6).

Во-вторых, такое формальное понимание задач либерализма приводит, по его мнению, к «сужению самого понятия гражданственности». Он, в частности, писал: «В пылу борьбы, в пылу партийных пристрастий и расчетов, идея гражданственности искажается, теряет свою живую душу, принимает слишком утилитарную окраску. Экономические и юридические интересы становятся конечной целью борьбы, а вся духовная жизнь людей загоняется в узкое русло и даже противопоставляется настоящим реальным потребностям... Центр борьбы переносится в экономическую и юридическую сферу, которая, разрывая связи с идеями науки, философии и религии, лишается оживляющих ее соков... Гражданственность, которая должна бы быть только орудием духовного совершенствования, начинает служить сама себе... В идее гражданственности, таким образом понятой, пропадает идеальный элемент – представление о внутреннем человеке, о свойственных его приро-

де умственных и нравственных стремлениях, свободное развитие которых составляет конечную, разумную цель настоящей, высокой гражданственности. В этом и заключается различие между утилитарной гражданственностью... и гражданственностью идеальной, желанной, время которой, по видимому, еще не пришло» (7).

При этом Волынский указывает на взаимосвязь внутренней и внешней свободы: «Внутренняя свобода не воплотится в живых действиях, если нет свободы внешней, и тот, кто борется под знаменем идеализма, не может быть в рядах людей, попирающих интересы общественной справедливости на попрание практическом... Но гражданственность утилитарная, отвернувшаяся от требований внутреннего человека, утратившая нравственную щепетильность и брезгливость, не пренебрегающая никакими средствами, воюющая с мечом в руке, может завести человека и всю социальную культуру, вопреки каким бы то ни было добрым намерениям, на путь опасный и погибельный» (8).

Еще один порок либерализма Волынский видел в бюрократизме, бюрократическом, казенном извращении либерализма. Это извращение понималось Волынским как предельная его зашоренность, следование узким практическим задачам, невозможность в полной мере раскрыть потенции человеческого духа. Оценивая книгу Юзова, в которой дается характеристика сознания интеллигенции, Волынский пишет, что «то направление, которое притязает на монополию либерализма, будучи по существу одним из самых узких выражений, таящихся в русском обществе гуманных сил, переживает в настоящее время кризис, которым определится ближайшая история нашей культуры» (9). Высказанная публицистом озабоченность наглядно показывает, сколь его беспокоили тенденции дегуманизации либерализма, превращения его в пустую юридическую форму, лишенную идеального одухотворенного содержания.

В этой связи поразительно совпадение размышлений А.Л. Волынского и Н.А. Бердяева, который явственно видел односторонность современного ему либерализма. Бердяев тонко подметил: «...Несостоятельность так называемого экономического либерализма давно уже выяснилась... Порча либерализма началась со смешения целей и средств, с подмены духовных целей жизни материальными средствами. Свобода человека, права человека есть высокая духовная цель. Всякий политический и экономический строй может быть лишь относительным и временным средством для осуществления этой цели. Когда либерализм видит в свободе человека и неотчуждаемых правах его высокую цель, он утверждает неполную, но несомненную истину. Но когда он начинает временным и относительным политическим и экономическим средствам придавать почти абсолютное значение, когда в исканиях новых форм социальной организации он начинает видеть недопустимое нарушение своей отвлеченной доктрины, он вырождается и разлагается» (10).

Одним из коренных пороков всякого утилитаризма (будь то в социалистической или либеральной форме), по мнению Волынского, является «бур-

жуазность». Публицист предлагает историческое объяснение этого феномена: «Выйдя на защиту попираемых прав гражданской личности, буржуазия внесла в свое справедливое дело дух ограниченности, не давший ему развиться до конца. Представления буржуазии о задачах и целях культурной личности – ни до, ни после борьбы – не захватило коренных идеальных потребностей человека, легко мирилось с ограничениями человеческой личности и толкало при новом устройении жизни к старым, упрощенным, чисто внешним и грубым средствам. Вот почему мы вправе определять буржуазность, как стремление к жизненному благу внешними путями, с признанием принудительного воздействия одних общественных сил на другие... Буржуазное понятие о благе... всегда ограничено и охотно вступает в компромисс с известными формами исторической действительности. Идеалистическое благо – в противоположность материалистическому понятию блага, – требует развития человека во всей полноте его умственных и нравственных сил... Буржуазность всегда стояла, сознательно или бессознательно, в непримиримой вражде с идеализмом» (11).

В «буржуазности» Волынский выразил узко-материальную сторону либерализма, неразвитость духовных стремлений в вопросе изменения жизни. С этим, правда, не в столь категоричной форме согласуется высказывание Бердяева. Он также употребляет этот термин, связывает его с господством отвлеченного либерализма, лишенного, по его убеждению, «духовного ядра» (12).

Таким образом, анализ высказываний Волынского наглядно показывает, что публицист не был удовлетворен современным ему формально-утилитарным либерализмом, в первую очередь по причине его отвлеченных, оторванных от идеалов стремлений. Представленные им оценки либерализма показывают их семантическую близость воззрениям Н. Бердяева, который также принимал либеральную доктрину, но при этом осуждал ее формальный характер.

Вместе с тем, несмотря на критику либерализма, публицист оставался либералом. Он высоко оценивал вклад либеральных деятелей в общественный прогресс. Анализ высказываний Волынского показывает, что образцами либерального движения для него были либералы 1860-х гг. Данные им оценки эпохи отмены крепостного права говорят, что Волынский был воодушевлен либеральными идеями борьбы за достоинство личности и защиту ее прав (13).

Безусловно, Волынский, оценивая либерализм и либералов, не мог не отозваться положительно на появление на русской идейной сцене либералов-идеалистов в 1890-е гг. Он писал в этой связи: «Метафизическое направление естественным образом, свободной борьбой за существование, прокладывает себе дорогу в жизнь. Идеалистическая философия одерживает победы без всякого насилия и без всякой помпы... Тем лучше, интересы человеческой мысли от этого не пострадают» (14). Правда, Волынского забо-

тил вопрос о том, к какому «флагу» движение должно было пристать. Он согласился с идеей В.С. Соловьева о необходимости воспринять идеи «все-человеческого идеала нашего народа», выраженные в творчестве Достоевского, но, принимая этот аргумент, настаивал на необходимости отказа от «национальных предрассудков» Достоевского (15). В «идеалистическом либерализме» Волынского, таким образом, не было места проявлениям русского национализма.

В целом Волынский так и не находит точек соприкосновения с новым течением. Группа московских неославянофилов – Бердяев, Булгаков, Эрн, Флоренский и другие – никогда не пользовалась симпатией Волынского. «У них нет главного, – считал он, – критического идеализма. Булгаков, Бердяев и проч., – все это ничтожные фельетонисты, лишенные подлинного таланта. Их философия несерьезна...». Такие оценки идеалистов 1890-х гг., безусловно, несправедливы и в корне неверны. Идеалистическая тема в кругах названных философов была разработана и развита более обстоятельно, чем в творчестве самого Волынского. П. Куприяновский отмечал, что «свои философские убеждения Волынский оберегал от компромисса и с родственным ему течением в русской философии» (16).

Тем не менее логично задать вопрос о преемственности идей Волынского и адептов нового течения. И здесь можно указать на ряд параллелей. Как и Волынский, они отвергали позитивистское понимание прогресса, подчеркивали нравственное абсолютное значение идеала. Как и он, идеалисты 1890-х гг. прошли школу Канта, рассматривали личность, обращенную к метафизическим вопросам бытия, в качестве великого идеала. Как и у него, вопросы внутреннего, духовного развития преобладали у идеалистов над внешними формами социальных изменений. Думается, вполне возможно допущение о генетической связи идеализма Волынского и появлении идеалистического направления в отечественной философии.

Подводя итог рассмотрению публицистом «Северного Вестника» феномена либерализма и отдельных представителей либерального движения, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Волынский отстаивал идею суверенной и автономной личности. Обоснование им идеала, каковым была идея «личности вообще», сближает его с либеральным мировоззрением.

Во-вторых, Волынский разделял убеждения Дж.Ст. Милля о самоценности свободы личности и оставался убежденным противником всякой регламентации личной свободы во имя каких-либо общественных или государственных интересов.

В-третьих, будучи либералом, Волынский критически оценивал современный либерализм, который, по его убеждению, переживал кризис. Кризисное состояние либерального учения можно объяснить ситуацией, при которой оно из цели превратилось в средство развития человека. Либерализм, по убеждению Волынского, переродился, утратив духовное ядро, а решает

мые им задачи стали не фактором развития личности, а средством достижения утилитарных целей.

В-четвертых, Волынский указал на то, что следует различать «свободу внешнюю» и «свободу внутреннюю». Два вида свободы тесно взаимосвязаны между собой, но приоритет он отдавал «свободе внутренней», без которой невозможны ни творчество, ни прогресс. Так, публицист тонко соединял идею либерализма с концепцией идеализма. На этом основании можно определить мировоззрение Волынского как «идеалистический либерализм».

В-пятых, анализ публицистического наследия Волынского показывает, что его оценки либеральной цивилизации, либеральной доктрины относительно схожи с мировоззренческими манифестациями идеалистов 1890-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Волынский А.Л.* Г. Шубинский о политическом идеализме и реализме // Северный Вестник. – 1894. – № 12. – С. 72–73.
- (2) *Волынский А.Л.* Журналистика шестидесятых годов // Северный Вестник. – 1894. – № 10. – С. 262.
- (3) *Волынский А.Л.* Г. Михайловский и его рассуждения о русской литературе // Северный Вестник. – 1894. – № 4.
- (4) Там же. – С. 107.
- (5) Там же. – С. 108.
- (6) *Волынский А.Л.* Вражда и борьба партий // Северный Вестник. – 1894. – № 5. – С. 141.
- (7) Там же. – С. 141.
- (8) Там же. – С. 141-142.
- (9) *Волынский А.Л.* Рец.: Народничество и либерализм // Северный Вестник. – 1894. – № 2. – С. 55.
- (10) *Бердяев Н.А.* Философия неравенства // Опыт русского либерализма. – М., 1997. – С. 319.
- (11) *Волынский А.Л.* Книга великого гнева. – СПб., 1904. – С. 458.
- (12) *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – С. 319.
- (13) *Волынский А.Л.* Полемическая перестрелка // Северный вестник. – 1894. – № 10. – С. 77.
- (14) *Волынский А.Л.* Литературные заметки // Северный Вестник. – 1891. – № 2. – С. 163.
- (15) Там же. – С. 164.
- (16) *Куприяновский П.* Волынский-критик (Литературно-эстетическая позиция в 90-е годы) // Творчество писателя и литературный процесс. – Иваново, 1978. – С. 60.

NOTES

- (1) Volynskiy A.L. G. Shubinskiy o politicheskom idealizme i realizme, Severniy Vestnik. [Northern Herald], 1894, no. 12, pp. 72-73.
- (2) Volynskiy A.L. Zhurnalistika shestidesyatykh godov, Severniy Vestnik [Northern Herald], 1894, no. 10, p. 262.

- (3) Volynskiy A.L. G. Mikhaylovskiy i ego rassuzhdeniya o russkoy literature, *Severniy Vestnik* [Northern Herald], 1894, no. 4.
- (4) Tam zhe [Ibid.], p. 107.
- (5) Tam zhe [Ibid.], p. 108.
- (6) Volynskiy A.L. Vrazhda i bor'ba partiy, *Severniy Vestnik* [Northern Herald], 1894, no. 5, p. 141.
- (7) Tam zhe [Ibid.], p. 141.
- (8) Tam zhe [Ibid.], p. 141-142.
- (9) Volynskiy A.L. Rets.: Narodnichestvo i liberalism, *Severniy Vestnik* [Northern Herald], 1894, no. 2, p. 55.
- (10) Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva, *Opyt russkogo liberalizma* [Experience of Russian liberalism]. Moscow, 1997, p. 319.
- (11) Volynskiy A.L. *Kniga velikogo gneva* [The book of great anger]. St-Petersburg, 1904, p. 458.
- (12) Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva...* [Philosophy of inequality...], p. 319.
- (13) Volynskiy A.L. Polemicheskaya perestrelka, *Severniy Vestnik* [Northern Herald], 1894, no. 10, p. 77.
- (14) Volynskiy A.L. Literaturnye zametki, *Severniy Vestnik* [Northern Herald], 1891, no. 2, p. 163.
- (15) Tam zhe [Ibid.], p. 164.
- (16) Kupriyanovskiy P. Volynskiy-kritik (Literaturno-esteticheskaya pozitsiya v 90-e gody), *Tvorchestvo pisatelya i literaturniy protsess* [Writer's works and the literary process]. Ivanovo, 1978, p. 60.

THEORY AND PRACTICE OF LIBERALISM IN A.L. VOLYNSKY'S WORKS

I.I. Pimenova

Department of Foreign Languages of Law Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article considers Akim Volynsky's attitude to the problem of liberalism, which was an integral part of his ideology. The author concludes that being a liberal Volynsky had a critical view of the contemporary formal and pragmatic liberalism. The analysis of his works shows that in his attitude to the liberal doctrine he came close to the idealists of the 1890s and his philosophy may be defined as «idealistic liberalism».

Key words: A. Volynsky, liberalism, personal liberty, civic consciousness, idealism, idealistic liberalism.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИЯ, КИТАЙ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ (90-Е ГГ. XX – НАЧАЛО XXI В.)

Т.И. Понька

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Михлухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается взаимодействие России, Китая и государств Центральной Азии в области национальной и региональной безопасности после распада СССР и до настоящего времени. В этой связи освещаются изменения в Центральной Азии, которые произошли в постсоветский период, показаны проблемы, с которыми столкнулись бывшие советские республики, получившие независимость. Автором анализируется новая роль центрально-азиатских стран в геостратегии Евразии, показаны интересы России, Китая и США в регионе, роль ШОС в сфере обеспечения безопасности и сотрудничества.

Ключевые слова: геополитические изменения, Центральная Азия, Россия, Китай, США, национальные и региональные угрозы, безопасность, сотрудничество, ШОС, сепаратизм, религиозный экстремизм, наркотрафик.

Геополитические изменения в конце XX – начале XXI в. привели к тому, что одну из ключевых позиций на Евразийском континенте начинает занимать Центральная Азия (ЦА). Это объясняется и уникальностью географического положения – центр Азии, и наличием природных энергоресурсов, и близостью к региону влиятельных держав мира – России и Китая. В настоящее время, по словам известного ученого-китаиста Ю.М. Галеновича, значение региона еще более повысилось: «В этом регионе соприкасаются и накладываются друг на друга интересы мусульманского мира, Китая, США и России» (1). Эти и другие факторы предопределили одну из ведущих ролей Центрально-Азиатского региона в деле обеспечения национальной и ре-

гиональной безопасности целого ряда стран. Мир и стабильность в регионе отвечают национальным интересам всех стран ЦА, близлежащих государств, что побуждает их к взаимодействию в самых различных сферах, в том числе национальной и региональной безопасности.

Немаловажное значение для стремления к взаимодействию имеет и то обстоятельство, что между странами региона, молодыми государствами, получившими независимость в 1990-е гг. в результате распада СССР, по сей день сохраняются противоречия и проблемы вокруг общих границ, территорий, природных ресурсов, что может привести к международным конфликтам в этом регионе. Серьезную угрозу национальной безопасности всех стран ЦА, а также России и Китая представляет географическая близость с Афганистаном, который уже несколько десятилетий является одной из самых нестабильных зон в мире.

Для России значение Центрально-Азиатского региона чрезвычайно высоко. Это объясняется, прежде всего, наличием на территории ЦА больших запасов природных ресурсов, а также тем, что здесь проживают этнические русские и русскоязычное население. Как отмечено в Концепции внешней политики РФ от 2008 г., наше государство намерено «защищать права и законные интересы российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом» (2).

Забота о сохранении и укреплении позиций русского языка и русской культуры, защита интересов наших соотечественников в странах ЦА отвечает стратегическим интересам России.

Россия заинтересована также в использовании оставшихся от советского прошлого на территории стран ЦА военных объектов и инфраструктуры, имеющих значение для обороноспособности страны. По прагматическим соображениям РФ выгоднее держать их на территории стран Центральной Азии. В свою очередь, это позволяет России сохранять свое военное присутствие в ряде центрально-азиатских государств, тем самым обеспечивая безопасность этих стран и своих собственных границ на юго-восточных рубежах. Пожалуй, наиболее важной причиной, побуждающей Россию сосредоточивать свое внимание на этом регионе, являются наркотрафик, рост и распространение терроризма и религиозного экстремизма. Сохранение ключевой роли в ЦА является одним из приоритетов современной внешней политики Российской Федерации.

Эти же проблемы актуальны и для бурно развивающегося Китая. В Центральной Азии КНР географически соприкасается с четырьмя из шести стран региона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан). Такая географическая основа не может не порождать вовлеченность китайских интересов безопасности в этот регион. С начала 1990-х гг. Китай начал осуществлять программу активного освоения своих западных территорий, и стабильная социально-экономическая и политическая ситуация в соседних с ним государствах ЦА отвечает его национальным интересам.

Вместе с тем с начала 2000-х гг. наблюдается возросшее внимание США к данному региону. После трагических событий 11 сентября 2001 г. США повели борьбу с терроризмом во всем мире в рамках операции «Несокрушимая свобода». Несмотря на удаленность Центральной Азии от зон жизненно важных интересов США, именно с началом операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане государства ЦА стали рассматриваться американскими военными в качестве передовых баз в войне с террористами. Также США проявляют большую заинтересованность в получении энергетических ресурсов Центральной Азии. По признанию американских аналитиков, в настоящее время «американская политика в области безопасности по отношению к данному региону является важным компонентом национальной стратегии Соединенных Штатов» (3).

В Центральной Азии в течение длительного времени присутствовала Россия, а в XX в. – СССР. После распада Советского Союза Россия значительно ослабила свое влияние в регионе и сосредоточила основное внимание во внешней политике на западном направлении, которое казалось ее руководству важнейшим. Между тем Китай, наблюдая глобальные изменения близ своих границ, резко активизировал собственную политику в отношении Центрально-Азиатского региона. По мнению известного американского политолога З. Бжезинского, такой поворот событий будет иметь далеко идущие геостратегические последствия для новой роли Китая в Центральной Азии, так как КНР возвращается в регион в значительной степени впервые со времен Монгольской династии (4).

Китай объявил о признании новых государств Центральной Азии и в начале 1992 г. установил с ними дипломатические отношения. Но обретение бывшими советскими республиками ЦА государственности стало серьезным испытанием не только для самих этих государств, но и их соседей, в том числе и Китая. В частности, во взаимоотношениях КНР с государствами ЦА появился целый ряд проблем, в числе которых на тот момент наиважнейшей стала проблема неурегулированности погранично-территориальных споров. Наличие спорных территорий и отсутствие регулирующей их договорно-правовой базы между Китаем и новыми постсоветскими государствами могли привести к возникновению новых пограничных конфликтов с применением силы. Такая перспектива не отвечала национальным интересам Китая.

Тогда при решении своих интересов Пекин стал стремиться к сближению с РФ, по инерции все еще имевшей в регионе влияние. Уже в первой половине 1992 г. Пекин инициировал двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном по линии прохождения границы и спорным территориям и согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате.

Осенью 1992 г. была образована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (формула «4 + 1»), в ходе переговоров внутри которой были подтвер-

ждены ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы.

В первой половине 1990-х гг., в условиях погранично-территориальных споров, еще одной проблемой во взаимоотношениях КНР и стран ЦА, чрезвычайно беспокоившей китайскую сторону, стал высокий уровень военного присутствия в сопредельных с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) государствах. Вопрос снижения уровня военного присутствия решался одновременно с погранично-территориальными проблемами в рамках известной группы «4 + 1». Так, в 1996 г. по инициативе КНР и РФ в Шанхае главами пяти государств были подписаны Соглашения «Об укреплении доверия в военной области и в районе границы» (5).

Эти же государства, но уже в рамках «Шанхайской пятерки» договорились об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в пограничных районах, и необходимости информировать друг друга о действиях войск в пределах 100 км от границы. В 1997 г. в Москве также в формате ШОС был подписан еще один документ, имеющий особое значение для Китая – «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в пограничных районах» (6). Достигнутые договоренности в Шанхае и Москве стимулировали процесс урегулирования пограничных вопросов, расширение сотрудничества Китая с государствами ЦА, а также складывание стратегического альянса Москвы и Пекина.

В то же время все более тревожной для китайского руководства становилась ситуация в СУАР – наиболее крупном национально-территориальном образовании КНР, в котором из 20 млн проживающих здесь граждан около 10 млн представляют тюркоязычное население, исповедующее ислам (7). Исследователь Д.В. Буяров отмечает: «После распада СССР в Центральной Азии образовались независимые государства, и на сегодняшний день из крупных тюркоязычных народов региона только уйгуры не имеют национального государства» (8). Далее автор указывает, что этот фактор, а также географическая близость к Киргизии, Таджикистану, Афганистану и Пакистану способствовали распространению среди части уйгур радикальных настроений (9).

В конце 1990-х гг., по мере нарастания воздействия на СУАР и ЦА негативных факторов, связанных с военно-политической нестабильностью в Афганистане, Пекин активизировал сотрудничество с Москвой и странами региона в сфере безопасности и сделал ставку на формирование тандема с РФ. Активизации взаимодействия КНР и РФ по вопросам безопасности в ЦА способствовали приход в российский МИД Е. М. Примакова в 1996 г. и начало первого президентства В.В. Путина в 2000 г. К этому времени российское руководство стало придавать первостепенное значение восточному вектору внешней политики и взаимоотношениям РФ со странами СНГ.

Следует отметить, что с периода распада Советского Союза процесс выработки подходов России к сотрудничеству с государствами ЦА в сфере

безопасности проходил медленно и характеризовался крайней противоречивостью. В 1990-е гг. между РФ и государствами ЦА была подготовлена нормативно-правовая база, регламентировавшая все аспекты многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере безопасности, но практическая реализация намеченных планов зависела от уровня доверия России с каждым из государств региона. Однако у РФ далеко не со всеми странами ЦА были стабильные отношения.

Вместе с тем Россия и Китай, все более сталкиваясь с угрозами своей национальной безопасности, исходившими из ЦА, достигли большего взаимопонимания в этом вопросе. В 2001 г. был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, в котором отмечалось: «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в этих регионах соответствующих их реалиям многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества» (10).

Новой вехой во взаимоотношениях РФ и КНР со странами ЦА стало создание в 2001 г. одновременно с подписанием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). С самого начала ее функционирования Москва рассматривала ШОС как наиболее удобный инструмент для создания региональной системы безопасности в ЦА. Уже среди первых документов, подписанных странами – участницами, была Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (11), которая впервые на международном уровне давала определение сепаратизма и экстремизма как насильственных, преследуемых в уголовном порядке деяний.

О том, какая роль отводится российским руководством ШОС, свидетельствует один из основополагающих документов, на котором базируется внешняя политика РФ – «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.». В ней, в частности, отмечается: «Для России особое значение будут иметь укрепление политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе» (12).

Россия, Китай, страны Центральной Азии договорились о проведении постоянных консультаций по различным вопросам, включая противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму. Россия и Китай заявили о тесном сотрудничестве с главным координирующим антитеррористическим центром – Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. Между государствами – членами ШОС по этим вопросам были подписаны основополагающие документы. Основными формами сотрудничества стран – членов ШОС в вопросах безопасности стали: проведение согласо-

ванных мероприятий; обмен разного рода информацией; создание специализированных банков данных и систем связи; организация и проведение совместных антитеррористических учений; подготовка кадров; обмен опытом работы и методической литературой; проведение совместной научной работы в этих областях.

С самого начала деятельности ШОС в борьбе за региональную безопасность страны-участницы первоочередное место стали уделять вопросам урегулирования внутренних конфликтов, достижения консенсуса в противодействии экстремизму и наркомафии. В частности, 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге на состоявшейся встрече глав государств – участников ШОС было подписано Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) (13).

В борьбе с терроризмом у РАТС были определенные достижения. Только за один год (5 июля 2005 г. – 15 июня 2006 г.) в результате деятельности РАТС на территории ШОС было предотвращено более 450 терактов, 15 главарей террористических организаций были задержаны или уничтожены спецслужбами стран организации, еще 400 находились в розыске (14).

С 2002 по 2010 г. РАТС провела несколько совместных антитеррористических учений. Первое из них состоялось в августе 2003 г. Первая фаза учений проводилась в Казахстане, вторая – в Китае. В большем масштабе, но за пределами основной структуры ШОС, в августе 2005 г. началась первая совместная тренировка военных сил КНР и России, получившая название «Мирная миссия–2005». В дальнейшем учения проводились в 2006 и 2007 гг. («Востоканти-террор–2006» и «Мирная миссия–2007»). В сентябре 2008 г. прошли командно-штабные учения «Волгоград – Антитеррор–2008», а в 2009 г. – «Мирная миссия–2009» (15). Деятельность РАТС в этом направлении продолжается, и уже достигнуты определенные успехи. Все же в силу различных причин деятельность РАТС зачастую подвергается критике за медлительность, и терроризм продолжает представлять серьезную угрозу для всех стран ЦА.

Еще одним направлением деятельности РАТС является борьба с наркотрафиком. 21 апреля 2006 г. ШОС анонсировала планы борьбы с международной наркомафией как финансовой опорой терроризма в мире (16). К этому времени наркотрафик из Афганистана стал настоящей бедой для всех стран ЦА. Еще в начале 1990-х гг. Афганистан превратился в крупнейшего мирового производителя и поставщика героина. Центральная Азия оказалась в эпицентре мирового наркотрафика. Поток наркотиков из Афганистана в северном направлении через страны ЦА постоянно увеличивается. При этом контрабандистами активно используется территория китайского Синьцзяна. Афганский героин стал поступать через Синьцзян в российские регионы – в Москву, Сибирь, на Дальний Восток. В настоящее время наркоэкспансия из Афганистана приобрела еще большие масштабы и представляет серьезную угрозу национальной безопасности России. Официальный Кабул и поддерживающие его воинские подразделения не могут изменить ситуацию. Деятельность РАТС и в этом направлении подвергается постоянной критике.

Проблемы во взаимодействии РФ, КНР, стран ЦА в области региональной и национальной безопасности сохраняются и имеют тенденцию к нарастанию. Тому немало причин. В частности, изменения международной обстановки вокруг РФ, во многом связанные с событиями на Кавказе, а также мировым финансово-экономическим кризисом, вносят определенные коррективы в сотрудничество между Россией и государствами ЦА. Немаловажным является и то обстоятельство, что все центрально-азиатские партнеры Москвы в настоящее время проявляют возросший интерес к расширению контактов в сфере безопасности с США, Западом и членами НАТО.

Свою роль в торможении процессов взаимодействия России, Китая и стран ЦА сыграл и период «цветных революций» 2003–2011 гг. В то же время в этот период довольно четко обозначилась устойчивая тенденция по дальнейшему сближению России и Китая, основанная на близости оценок руководством двух стран ситуации в Центральной Азии и в мире в целом. В настоящее время Россия и Китай придерживаются следующей стратегии: опираясь на ШОС, принимать участие в решении проблем региональной и национальной безопасности, стремиться к развитию тесных и разносторонних отношений со странами ЦА. Кроме того, обе стороны учитывают необходимость обеспечения реализации своих стратегических целей в области безопасности, которые связаны с освоением богатых природных ресурсов Центрально-Азиатского региона и недопущения дальнейшего усиления присутствия в нем США и их союзников.

В сложившихся условиях Россия в силу длительного исторического присутствия в регионе все же обладает более сильными рычагами давления на центрально-азиатские страны, нежели Китай. У России есть в Центральной Азии друзья и партнеры. Наличие китайских интересов в регионе и проблемы национальной безопасности КНР будут способствовать дальнейшему объединению усилий Пекина и Москвы. Однако отсутствие общеполитического соглашения о военном сотрудничестве между двумя странами затрудняет российско-китайское взаимодействие в сфере безопасности, в том числе в Центрально-Азиатском регионе. Но очевидно главное – сотрудничество РФ, КНР и государств ЦА расценивается ими как новый вариант безопасности, который в состоянии решить сложные проблемы региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Галенович Ю.М. Записки китаеведа. – М., 1999. – С. 99.
- (2) Концепция внешней политики РФ от 15 июля 2008 г. // Президент России. Документы: официальный сайт // <http://президент.рф/acts/785>
- (3) Oliher O., Chlapa D.A. U.S. Interests in Cental Asia: Policy Priorities and Military Roles. RAND. MG-338. 2005.
- (4) Цит. по: Пашкин Д.М. Китайско-Центрально-Азиатские отношения в двадцать первом веке // Аналитический Центр «Prudent Solutions (Разумные решения)»: официальный сайт // <http://www.analitika.org/ca/affairs/2304-20050530231904584.html>

- (5) *Парамонов В.В., Столповский О.А.* Погранично-территориальные проблемы в китайско-центральноазиатских отношениях // Аналитика. Китай: официальный сайт // <http://www.easttime.ru/analitic/2/8/575.html>
- (6) Там же.
- (7) Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. – М., 2011. – С. 159.
- (8) Там же. – С. 162.
- (9) Там же. – С. 163.
- (10) Российско-китайские совместные документы. Договоры и соглашения // Посольства РФ в КНР: официальный сайт // <http://www.russia.org.cn/rus/2836/31293898.html>
- (11) Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Медийное право. Международные договора и конвенции: официальный сайт // <http://medialaw.asia/document/-2056>
- (12) О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета: официальный сайт // <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategiadok.html>
- (13) История РАТС // РАТС ШОС: официальный сайт // http://www.ecrats.com/ru/rats_history/1805
- (14) Может ли ШОС защитить от террористов? Интервью 1-го зам. МИД России В.И. Трубникова // ЦентрАзия: официальный сайт // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1082721000>
- (15) *Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. – М., 2005. – С. 268–270.
- (16) Генсек ШОС призвал к активизации сотрудничества государств-членов организации в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Агентство Синьхуа // http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/01/content_499072.htm

NOTES

- (1) Galenovich Yu.M. *Zapiski kitaevedy*. [Notes of the Sinologue]. Moscow, 1999, p. 99.
- (2) Kontseptsiya vneshney politiki RF ot 15 iyulya 2008 g., *Prezident Rossii. Dokumenty: oficial'nyj sajт* [President of Russia. Documents], Available at: <http://президент.рф/acts/785>
- (3) Oliher O., Chlapa D.A. *U.S. Interests in Cental Asia: Policy Priorities and Military Roles*. [Interesy SCHA v Tcentralnoi Asii: politicheskiye priorityety I voennaya rol]. RAND. MG-338. 2005.
- (4) Tsit. po: Pashkin D.M. Kitaysko-Tsentrал'no-Aziatskie otnosheniya v dvadtsat' pervom veke, *Analiticheskiy Tsentr* [Analytical Center], Available at: <http://www.analitika.org/ca/affairs/2304-20050530231904584.html>
- (5) Paramonov V.V., Stolpovskiy O.A. Pogranično-territorial'nye problemy v kitaysko-tsentrал'noaziatskikh otnosheniyakh, *Analitika. Kitaj* [Analyst. China], Available at: <http://www.easttime.ru/analitic/2/8/575.html>
- (6) Tam zhe [Ibid.]
- (7) *Sovremennyy Kitay: Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie, natsional'naya politika, etnopsikhologiya* [Modern China: Social and economic development, national policy, ethnopsychology]. Moscow, 2011, p. 159.
- (8) Tam zhe [Ibid.], p. 162.
- (9) Tam zhe [Ibid.], p. 163.

- (10) Rossiysko-kitayskie sovmestnye dokumenty. Dogovory i soglasheniya, *Posol'stvo RF v KNR* [Embassy of the Russian Federation in the People's Republic of China], Available at: <http://www.russia.org.cn/rus/2836/31293898.html>
- (11) Shankhayskaya konventsiya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom, *Mediynoe pravo. Mezhdunarodnye dogovora i konventsii* [Media right. International treaties and conventions], Available at: // <http://medialaw.asia/document/-2056>
- (12) O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 g., *Rossiyskaja gazeta* [The Russian newspaper], Available at: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
- (13) Istoriya RATS, *RATS ShOS* [RATS SCO], Available at: http://www.ecrats.com/ru/rats_history/1805
- (14) Mozhet li ShOS zashchitit' ot terroristov? Interv'yu 1-go zam. MID Rossii V.I. Trubnikova, *TsentrAziya* [Tsentrasy's site], Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1082721000>
- (15) Komissina I.N., Kurtov A.A. *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva* [Shanghai organization of cooperation]. Moscow, 2005, pp. 268–270.
- (16) *Agentstvo Sin'khua* [Xinhua agency], Available at: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/01/content_499072.htm

**RUSSIA, CHINA AND COUNTRIES OF CENTRAL ASIA:
INTERACTION IN SECURITY SPHERE
(1990S – EARLY XXI CENTURY)**

T.I. Ponka

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the interaction of Russia, China and the states of Central Asia in the field of national and regional security after the USSR disintegration up to nowadays. The author analyses the changes in Central Asia after the USSR disintegration and the problems, which the newly independent former Soviet republics faced. The article considers the new role of Central Asia countries in geostrategy of Eurasia, the interests of Russia, China and the USA in the region, the role of the SCO in providing security and cooperation.

Key words: geopolitical changes, Central Asia, Russia, China, USA, national and regional threats, security, cooperation, SCO, separatism, religious extremism, narcotraffic.

ИСТОРИЯ СНГ

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.Ф. Гребениченко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

С.Ж. Токтамысов

Кафедра общественных наук
Московская государственная академия акварели и изящных искусств
Сергея Андрияки
ул. Академика Варги, 15, Москва, Россия, 117133

Статья посвящена интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Доказывается, что интеграционный потенциал бывших советских республик обнаружил рост за счет нескольких региональных разнотемпных и разноотраслевых векторов очагового сближения. Установлено, что локомотивами интеграции являются мини-организации, ищущие новые направления прорывов к конвергенции экономик и систем управления. Показана историческая роль России в различных интеграционных проектах.

Ключевые слова: глобализация, интеграционные процессы, СНГ, ЕвразЭС, ОДКБ, ШОС, геостратегия, национальные интересы, внешняя политика, коллективная безопасность.

Интеграция постсоветского пространства может быть отнесена к процессам комплексной трансформации национальных экономик и систем управления, прежде всего стран – участниц Содружества Независимых Государств (СНГ), и в идеале нацеливается на интенсификацию межгосударственных отношений. Интеграция должна создавать новые формы управления,

сосуществующие с традиционными формами институтов государственной власти на национальном уровне. Это – многоаспектный процесс, который наряду с экономической кооперацией включает вопросы политики, безопасности, социального и культурного взаимодействия. В основе большинства существующих интеграционных схем в современном мире лежат торговое содружество и взаимозависимость хозяйственных комплексов, которые в перспективе ведут к глубокой конвергенции экономик и управленческих структур суверенных государств.

Считается, что интеграция на постсоветском пространстве – наиболее эффективный способ обеспечить социально-экономический прогресс в условиях острой глобальной конкуренции. Однако в постсоветский период имел место постепенный дрейф в сторону все меньшей (подчеркнем, именно общей) взаимозависимости всех стран – участниц СНГ, дифференциации их глобальных и региональных экономических и политических ориентиров. Если экономическая взаимозависимость союзных республик в конце 1980-х гг. достигала 97%, то через четверть века взаимозависимость между всеми членами СНГ составила 15%. Кроме того, на протяжении последнего десятилетия у каждой из стран Содружества, кроме Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, было больше экспортных и импортных связей с негосударствами СНГ, нежели внутри СНГ. Другой пример: в конце 2000-х гг. торговля между Евросоюзом (ЕС) и странами СНГ на $\frac{2}{3}$ превышает объемы торговли внутри СНГ. Объем торговли с Россией у многих стран Содружества составляет около 30%, а России со странами СНГ всего лишь 15% от общего объема ее торговли (1).

Интеграционные процессы на пространстве Содружества за четверть века проявлялись неравномерно как с точки зрения областей (отраслей), так и с точки зрения субъектов (стран) взаимодействия. Многомерный математико-статистический индекс общей интеграции для всего пространства Содружества показывает снижение в 1990–2000-е гг. уровней межгосударственного кооперирования и взаимозависимости бывших советских республик (2). Невысокую интеграционную отдачу Содружества признают и представители российской политической элиты.

Вместе с тем по-прежнему принимаются усилия по укреплению общего интеграционного потенциала Содружества в целях реализации в рамках этого широкого объединения ряда перспективных проектов в разных сферах. Так, в октябре 2011 г. в Санкт-Петербурге был заключен договор о зоне свободной торговли государств – участников СНГ. На саммите глав государств Содружества, прошедшем в декабре 2012 г. в Ашхабаде, подписан пакет документов, посвященных вопросам обороны, безопасности и правопорядка, финансового и культурного сотрудничества.

Сегодня руководство России ретроспективно рассматривает проекты взаимодействия новых суверенных государств за годы существования СНГ лишь как предварительный этап интеграции, которая уже в начале 2010-х гг.

воочию получила прорыв в малых форматах (Таможенный Союз, Единое экономическое пространство, др.). В результате возникло многоуровневое взаимодействие, при котором государства-участники тех или иных региональных объединений находятся на разных ступенях сотрудничества, причем разномасштабные интеграционные проекты не противоречат друг другу.

Именно ограниченная функциональность Содружества стала одной из причин инициирования в свое время более узких интеграционных схем на постсоветском пространстве – Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), причем Москва выступила их основным идеологом.

ШОС была организационно оформлена в 2001 г. с одновременным включением в состав организации Узбекистана в результате поэтапных шагов по демилитаризации границ пяти стран (КНР, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана), а также успешных саммитов на уровнях глав правительств и министров, отвечающих за безопасность и экономическое развитие. Вопросы безопасности были основными при формулировании миссии ШОС, однако вскоре круг интересов организации расширился, в частности из-за влияния КНР. На протяжении 2000-х гг. ее деятельность вызвала настороженную реакцию со стороны США, поскольку ШОС позиционировала себя в системе региональной безопасности организацией, не являющейся антиамериканской, но стремящейся действовать без участия Соединенных Штатов и их союзников. В ШОС для обозначения проблем безопасности используется концепция противодействия «трем злам»: терроризму, сепаратизму, экстремизму; а также нелегальной миграции и наркотрафику. Ее основными задачами остается укрепление региональной стабильности и безопасности, развитие экономического, научного и культурного взаимодействия.

В рамках ШОС наблюдается негласное соперничество Пекина и Москвы, которые пытаются укрепить свои экономические позиции в Центральной Азии (ЦА). Однако в настоящий момент указанная позиция пересматривается Кремлем в пользу развития тесного сотрудничества с КНР в рамках крупных совместных экономических проектов (3).

Важным интеграционным проектом в сфере безопасности на постсоветском пространстве стала ОДКБ, образованная в 2002 г. Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном (правда, последний вышел из организации в 2012 г.).

Первоначально ОДКБ воспринималась как прокремлевская военная организация, основанная на российском военном потенциале (подготовка и обучение офицерского состава, предоставление российских вооружений и военной техники, проведение совместных учений).

Вместе с тем за 10 лет эволюции региональное объединение трансформировалось в универсальную организацию безопасности, деятельность ко-

торой нацелена на отражение внешних угроз, борьбу с международным терроризмом, нелегальной миграцией и т.д. Крупными операциями по противодействию данным угрозам в рамках ОДКБ являются «Канал», «Нелегал», «Прокси» (4).

Ключевая идея данной организации, оформленная «Протоколом о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-членов ДКБ», состояла в том, чтобы координировать ранее созданные региональные союзнические силы: кавказские «Россия–Армения» (1996 г.) и восточноевропейские «Россия–Беларусь» (1999 г.); коллективные силы быстрого развертывания в Центральной Азии (КСБР ЦА, 2001 г.) (5). Ограничителями сотрудничества в рамках ОДКБ сегодня выступает различие подходов и интересов государств-участников в отношении проблем безопасности, что требует выработки эффективных процедур принятия и реализации решений в рамках ОДКБ.

В свою очередь, ЕврАзЭС было создано в 2000 г. Россией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном на основе Договора о таможенном союзе и едином экономическом пространстве (1999 г.; в 2008 г. Узбекистан приостановил свое членство в организации). В 2005 г. происходит интеграция в состав данного сообщества другой региональной структуры – Центрально-Азиатского сотрудничества (ЦАС), имевшей значительное функциональное и географическое сходство с ЕврАзЭС (6).

В 2010 г. в рамках ЕврАзЭС создается Таможенный Союз, а в 2012 г. – Единое экономическое пространство (ЕЭП), объединившие Россию, Беларусь, Казахстан. Задачами новых интеграционных объединений становится создание общего рынка и формирование экономического союза.

Наконец, Союзное государство России и Беларуси является многофункциональным интеграционным объединением с целью создания единых экономического, политического, военного и культурного пространств. Основой поэтапной интеграции стали договоры о создании Сообщества (1996 г.), Союза (1997 г.), Союзного государства (1999 г.) (7). В этой сфере декларируется необходимость углубления финансовой интеграции в рамках реализации «Плана совместных действий Правительств и Центробанков двух стран по введению единой денежной единицы Союзного государства». Одним из важных направлений интеграции является реализация совместных межгосударственных экономических, оборонных, социальных программ и проектов. Их финансирование осуществляется из бюджета Союзного государства, объем которого в 2012 г. составил 4,8 млрд. руб. (8).

В рамках Союзного государства существует тесное внешнеполитическое взаимодействие Москвы и Минска, которые занимают единые или близкие позиции по ключевым международным проблемам. Укрепляется сотрудничество в сфере безопасности, антитеррористической деятельности, восстановления кооперационных связей между предприятиями ВПК. Эффективно функционирует совместная региональная группировка войск.

Вместе с тем можно выделить ряд аспектов, которые становятся ограничителями развития сотрудничества в рамках Союзного государства. Одним из них является факт создания на постсоветском пространстве новых интеграционных образований в торгово-экономической области ЕЭП, ОДКБ, сфера деятельности которых и Союзного государства в значительной степени пересекается, в результате возникает параллелизм их деятельности и, как следствие, подчинение интересов Союза двух государств текущим задачам новых многосторонних объединений. В результате с появлением интеграционных образований ценность Союзного государства, преимущественно в глазах российской элиты, существенно трансформировавшей свои внешнеполитические возможности, снизилась. А высказываемые ею предложения о вхождении Беларуси в состав России на правах одного или нескольких субъектов Федерации являются неприемлемыми даже для наиболее пророссийски настроенного сегмента белорусского общества (9). Очевидно также, что невозможно полное равноправие Беларуси и России в планируемых общих политических и финансовых органах Союзного государства в силу разности их экономических, территориальных, людских, ресурсных потенциалов.

Развитие интеграционного взаимодействия России с Беларусью в военной сфере выступало ответной мерой в рамках стратегии противодействия расширению НАТО на восток. В 2000-е гг. российская позиция в отношении расширения НАТО, по сути, становится прагматичной, ее можно характеризовать уже как сдержанно-негативную. В этих условиях интерес российской политической элиты к Союзному государству как к военно-политическому проекту заметно уменьшается (10). С другой стороны, наблюдается увеличение привлекательности Евросоюза среди белорусской политической элиты и населения при общем преобладании настроений к интеграции на постсоветском пространстве (11).

Одной из важнейших тенденций на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв. стало обострение борьбы за контроль над энергетическими ресурсами. При этом ряд членов СНГ (Россия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан) выступают энергоэкспортерами, другие – энергоимпортерами или транзитерами. В середине 2000-х гг. Россия активизировала политику на постсоветском пространстве в энергетической сфере, в том числе через развитие нефте- и газотрубопроводных систем.

ЕС и США в этой связи сделали акцент на развитие альтернативных трубопроводов в обход российской территории. Москва же пытается решить противоположную задачу: укрепление позиций «Газпрома» в Евразии с целью закрепления конкурентных, ценовых преимуществ, сохранение российской монополии на транспортировку углеводородов из ЦА в Европу.

Наметившиеся к началу XXI в. смещение глобальной человеческой активности с Запада на Восток, перераспределение в том же направлении производственно-финансовых потоков, развитие новых путей мировой торговли

и инвестиций стали требовать, в том числе и от Кремля, формирования «нового экономического стиля». Причем стиля более прозрачного и управляемого, менее спекулятивно-коррупционного. А также готовности к взаимопониманию партнеров. Солидарность явила собой важнейшее требование времени. Однако понято это оказалось не всеми.

Беспрецедентное исторически, провальное финансово и проигранное с точки зрения геополитических и геоэкономических интересов России отключение поставок газа для своего партнера по интеграции – Украины, и вследствие этого «обесточивание» значительной части Европы в начале 2009 г. воочию показали, что энергетическая зависимость ЕС может стать политической зависимостью, которой не могут допустить США. В итоге Кремль не только подтолкнул Европу к еще большей внутренней консолидации в рамках Евросоюза и НАТО, но и фактически развязал руки Соединенным Штатам для их более активного проникновения в Центрально-Азиатский регион постсоветского пространства, где и сосредоточены перспективные мировые запасы нефти и газа.

Сегодня Россия вынужденно пытается сформировать картель стран – газопроизводителей («Газовая ОПЕК») с участием государств ЦА на основе объединения Форума стран – экспортеров газа (GECF). К числу важнейших альтернативных ему газотранспортных проектов относится газопровод «Набукко», протяженность которого должна была составить 3,3 тыс. км, уровень инвестиций оценивается в 10–14 млрд евро (12). Планировалось, что данный трубопровод позволит обеспечить газовые поставки из Туркменистана и Азербайджана через Турцию и южные страны Восточной Европы в Австрию. Реализация проекта связана со значительными трудностями в силу неопределенности ресурсной базы для поставок.

Официальный Кремль выражает скептицизм в отношении перспектив заполняемости «Набукко». Западная позиция состоит в возможности заполняемости газопровода туркменским газом, при условии активной газодобычи на месторождении «Южный Иолотань–Осман». В перспективе Туркменистан сможет осуществлять газовые поставки по «Наббуко» до 30 млрд куб. м в год. Определенный интерес к проекту проявляет и Казахстан. В то же время проблема неурегулированности морских границ между прикаспийскими государствами создает неопределенность в отношении прохождения газопровода по дну Каспийского моря. Иранский маршрут прохождения «Набукко» сталкивается с серьезными политическими и санкционными ограничениями, наложенными на Иран из-за его ядерной программы.

В 2005 г., когда сформировался Международный консорциум для строительства газопровода «Набукко», Россия объявила о запуске конкурирующего проекта «Южный поток», который должен стать важным элементом расширения российского влияния в странах Южной и Центральной Европы, диверсификации маршрутов поставок газа. Проектная мощность составляет 63 млрд м³; стоимость проекта – 15,5 млрд долл. При этом первые

поставки газа по газопроводу запланированы на конец 2015 г. (13). Газопровод «Южный поток» должен пройти в обход Украины по дну Черного моря через Балканы в Италию и Австрию. Соглашение России с европейской системой ценообразования на центрально-азиатский газ (340 долл. за 1000 куб. м с 2009 г.) способствовало ликвидации на него ценовых диспропорций и снижению прибылей у «Газпрома» в процессе транзита газа из ЦА в Европу. С другой стороны, повышение закупочных цен на газ способствовало укреплению позиций «Газпрома» в ЦА, «привязке» Казахстана, Узбекистана и Туркменистана к российской газотранспортной системе (14)

В последнее время энергетическое сотрудничество на постсоветском пространстве активно развивается в рамках ШОС. Данная организация в перспективе сможет превратиться в крупный газовый картель в случае принятия Ирана в ШОС. Вместе с тем возникает проблема согласования интересов газопроизводителей, стремящихся удержать цены на высоком уровне, с интересами КНР, выступающей в роли крупнейшего газопотребителя и заинтересованной в обеспечении прямого доступа к энергоресурсам ЦА, в поддержании приемлемых для себя газовых цен.

Важной международной проблемой, затрудняющей инвестиции в масштабные инфраструктурные проекты, остается проблема определения правового статуса Каспийского моря. Вопрос признания Каспия открытым (море) или закрытым (озеро) водоемом напрямую связан с определением морских границ между государствами региона. В частности, согласно одному из проектов водная поверхность остается общей для всех прикаспийских государств, дно водоема разделяется на национальные сектора в соответствии с протяженностью береговой линии. В этом случае Россия получает контроль над 19% морского дна, Казахстан – 29%, Азербайджан – 21%, Туркменистан – 17%, Иран – 14%. Этот вариант невыгоден для Ирана, который предлагает равнодолевой раздел водоема между каспийскими государствами (по 20% поверхности дна и акватории моря каждой стране) (15).

В настоящее время Россия урегулировала территориальные проблемы с Азербайджаном и Казахстаном в рамках совместных договоренностей. Москва поддерживает позицию Тегерана в отношении закрытия Каспийского моря для военного присутствия внерегиональных сил (в первую очередь для США). Кроме того, Иран и Россия настаивают на консенсусе всех пяти прикаспийских государств в отношении строительства любых транскаспийских трубопроводов. Азербайджан и Туркменистан отстаивают иной подход, согласно которому достижение соглашения необходимо лишь между участниками подобных проектов, а не всех прикаспийских государств.

Теоретически страны ЦА, находясь на пересечении интересов различных внешних сил, могли бы попробовать обозначить свои общие интересы и сыграть на противоречиях различных «игроков» в регионе. Однако фактор недоверия в отношениях между некоторыми странами региона, их высокая конфликтогенность, противоречие интересов, недостаточная инфраструк-

турная развитость и другие элементы ослабляют интеграционный потенциал государств ЦА, препятствует выработке общих интересов. Россия на протяжении длительного времени извлекала значительные выгоды в ЦА, являясь монополистом в газотранспортной области. С другой стороны, значительная активизация Китая в ЦА ведет к долгосрочным изменениям в регионе. Китайский фактор ослабляет российские позиции в регионе, способствует «переключению» маршрутов транспортировки газа с запада на восток.

Таким образом, с начала 2000-х гг. политика России на постсоветском пространстве значительно активизировалась, происходила смена ее акцентов, она приобрела больший прагматизм и гибкость, произошло ее доктринальное оформление. Налицо ревизия внешнеполитических и экономических интересов России на пространстве СНГ, рост упорядоченности и системности ее сотрудничества с государствами – членами Содружества.

Вместе с тем обращает на себя внимание ряд факторов, ведущих к усилению геополитической неопределенности и, в перспективе, к обострению конфликтов ведущих мировых сил за переформатирование постсоветского пространства. Среди них можно отметить: геополитическую «пестроту» Евразийского региона; фактор разнополюсного интеграционного тяготения суверенных субъектов постсоветского пространства; противоречия между различными внешними силами; отсутствие стратегического выбора у части стран – участниц СНГ в пользу определенной идеологической ориентации.

Вместе с тем важнейшей тенденцией стало превращение постсоветского пространства в объект секьюритизации для ключевых мировых сил (США, Россия, Китай, Индия, Иран и др.), международных организаций (НАТО, ЕС, ШОС, ОДКБ и пр.) и международных финансовых институтов. Важным фактором стало усиление региональной конкуренции за доступ к ресурсам, контроль над маршрутами транспортировки углеводородов, политическое, экономическое, военное влияние. В итоге возникает проблема согласования пророссийских интеграционных проектов с другими векторами притяжения постсоветского пространства (например, «Организация за демократию и экономическое развитие» (ГУАМ), Центрально-азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС) и др.), снятия параллелизма и противоречий в деятельности различных интеграционных объединений.

В мире складывается во многом новая геополитическая и геоэкономическая конфигурация «двадцатки», основной костяк которой – неформальный «союз» двух титанов – США и Китая, как двух наиболее сильных, соперничающих и одновременно во многом взаимозависимых государств, которые и будут определять ближайшее мировое развитие. А значит, для России, если она не реализует необходимые радикальные перемены, и в новом глобальном раскладе – в лучшем случае – не останется иного места, кроме как сырьевого придатка, да еще фактически поделенного между «Большой двойкой». По большому счету, экспортно-сырьевая ориентация российской экономики объективно определяет политические ориентиры и стиль управ-

ления – олигархические, коррупционные в своей основе. Однако олигархическая российская элита, «создавшая уродливую экономику-мутанта, позволяющую ей становиться еще богаче, не нужна в качестве союзника никому – ни Западу, ни Востоку» (16).

Вместе с тем Россия, ее ближайшие соседи фактически обречены интегрировать свои усилия по наращиванию национальных экономических потенциалов в целях улучшения качества жизни своих граждан, обеспечения коллективной безопасности, суверенитета и целостности стран Содружества. В настоящий момент наиболее актуальной становится проблема территорий, в особенности земель, богатых невозпроизводимыми и воспроизводимыми ресурсами, способных обеспечить население необходимыми и становящимися все более дефицитными продуктами питания.

Серьезными ограничителями интеграционных усилий Москвы на пространстве СНГ оказались высокая региональная непредсказуемость и нестабильность. Одной из важнейших проблем для официального Кремля становится развитие взаимодействия с другими внешними акторами и создаваемыми ими институциональными структурами. А для этого Российской Федерации необходимо прежде всего увеличение инвестиций в интеграционные проекты с ее участием с целью сохранения и развития ключевых элементов своего влияния на обширном постсоветском пространстве Евроазиатского региона.

При этом следует отдавать себе отчет в том, что меняется сама природа эффективности международной инвестиционно-финансовой деятельности. В перспективе будут выигрывать те глобальные и региональные инвесторы, которые уделяют первостепенное внимание не спекулятивно-финансовой деятельности на интегрируемых рынках, а вопросам повышения реальной эффективности международно-кооперируемого производства и уровня межгосударственного и корпоративного управления.

И связано это с тем, что уже происходит переход к так называемому «шестому технологическому укладу» – переменам технологии, сравнимым с переходом к Интернету и массовому внедрению персональных компьютеров. Мотором перехода являются США, Япония, ЕС, Юго-Восточная Азия, поскольку именно там сосредоточено производство высокотехнологической продукции. В 2007 г. распределение такой продукции было следующим: США – 36%, ЕС – 18%, КНР – 17%, Япония – 16%. При этом доля России составила всего 0,2–0,3%, что, по разным оценкам, в 100–150 раз меньше чем США, в 50–70 раз меньше Китая! Идет процесс увеличения технологического отставания России: средний возраст работников российских промышленных предприятий (за исключением топливно-энергетического комплекса) составляет более 50 лет, износ основных отраслевых фондов составляет 50–74% (17).

Так что вовсе не исключено, что российская экспортно-сырьевая модель экономики в обозримом будущем окажется тупиковой и бесперспективной.

Кратковременный по историческим меркам шанс масштабной востребованности отечественных ресурсов не должен быть упущен, а напротив, максимально использован на модернизацию экономики и перестройку общества. Иначе в перспективе Россия может столкнуться с серьезными вызовами и угрозами, вплоть до утраты своего суверенитета.

Такова общая ситуация, обуславливающая и ориентиры российской внешнеполитической деятельности. С точки зрения национальных интересов жизненно необходимы государственные приоритеты усиления интеграции на постсоветском пространстве в различных сферах, укрепление взаимопонимания с ближними и дальними соседями, партнерства с ключевыми государствами Запада и Востока, поиск единомышленников на Юге, недопущение дестабилизации системы международных отношений, препятствие втягиванию России в военно-политические конфликты. В среднесрочной перспективе ключ успеха внешнеполитических решений Москвы на глобальном уровне – в достижении консенсуса и региональной солидарности на пространстве Содружества.

В этом направлении требуются «титанические» усилия по улучшению имиджа России и привлекательности ее социально-экономической модели: сокращение разрыва между «заоблачным» богатством немногих и массовой бедностью; активное использование интеллектуального потенциала россиян; технологическое перевооружение страны. Крайне важны: реальные национальные инновации – внедрение принципиально новых технологий производства, управления, торговли, овладение воспроизводимыми видами энергии, наращивание «экономики знания»; помимо этого консолидация российского общества за счет роста его благосостояния, развития образования, культуры и здравоохранения; наконец, поднятие международного престижа страны путем ясной и твердой внешней политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Шшиков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. – М., 2001; Таблицы мирового развития // Год планеты. – Вып. 2. – М., 2009.
- (2) См.: Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 4. – С. 43.
- (3) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // Президент России: официальный сайт // http://президент.рф/ref_notes/719
- (4) См.: ОДКБ: ответственная безопасность / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. – М., 2011.
- (5) См.: Организации Договора о коллективной безопасности: официальный сайт // <http://www.odkb-csto.org>
- (6) См.: Евразийского Экономического Сообщества: официальный сайт // <http://www.evrazes.com>
- (7) См.: Информационно-аналитический портал Союзного государства // <http://www.soyuz.by>

- (8) Декрет Высшего Государственного Совета Союзного Государства 25 ноября 2011 г. № 2 «О бюджете Союзного государства на 2012 год» // Союз. Беларусь–Россия. – 2011. – 8 декабря.
- (9) См.: *Ляхович А.* Лукашенко: игра с Россией или диалог с Западом? // Евразийский дом: официальный сайт // <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1796>
- (10) Итоги с Владимиром Путиным: внешняя политика. – Ч. 1 // Агентства Политических Новостей: официальный сайт // <http://www.apn.ru/library/article19832.htm>
- (11) *Зеленкова А.* Белорусы не хотят строить с Россией союзное государство // Салідарнасць // http://www.gazetaby.com/cont/print.php?sn_nid=21536
- (12) Еврокомиссар по энергетике оценил стоимость проекта Nabucco... // РБК: официальный сайт // <http://quote.rbc.ru/topnews/2011/10/14/33446255.html>
- (13) *Ланидус В.* Строительство российского газопровода «Южный поток» создает новую геоэкономическую инфраструктуру, связывающую страны Центральной Азии со странами Южной и Центральной Европы... // VIPERSON: официальный сайт // <http://www.allrus.info/main.php?ID=657642>
- (14) ОАО «Газпром» // <http://www.gazprom.ru>
- (15) *Кокшаров А.* Иран.Ру: Два полюса Каспийского моря // ЦентрАзия: официальный сайт // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1022501340>
- (16) Цит. по: *Пионтковский А.* Шах или мат от Збига? // Грани.Ру: ежедневная интернет-газета // <http://grani.ru/Politics/Russia/m.146616.html>
- (17) Радзиховский Л. Два шанса России // Время электроники: официальный сайт // <http://www.russianelectronics.ru/leader-r/pechat/35010>

NOTES

- (1) Shishkov Ju.V. *Integracionnye processy na poroge XXI veka. Pochemu ne integrirujutsja strany SNG* [Integration processes on the threshold of XXI century. Why not integrate the CIS]. Moscow, 2001; *Tablitsy mirovogo razvitiya, God planety* [Year of planet], 2009, no. 2.
- (2) *Evrasijskaya ekonomicheskaya integracija* [Eurasian economic integration], 2009, no. 4, p. 43.
- (3) Sovmestnoye zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o vsetonnem uglublenii rossijsko-kitajskih otnoshenii partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstvia, *Prezident Rossiit* [President of Russia], Available at: http://президент.рф/ref_notes/719
- (4) *ODKB: otvetstvennaya bezopasnost* [CSTO: responsible security]. Ed. by I.Y. Jurgens, Moscow, 2011.
- (5) *Organisatii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti: oficial'nyj sajт* [Collective Security Treaty], Available at: <http://www.odkb-csto.org>
- (6) *Evrasijskogo Ekonomicheskogo Soobchestva* [Eurasian Economic Community], Available at: <http://www.evrases.com>
- (7) *Informationno-analiticheskii portal Souznogo gosudarstva* [Information analysis portal of the Union State], Available at: <http://www.soyuz.by>
- (8) Dekret Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Souznogo gosudarstva 25 noyabra 2011. № 2 «O budgete Souznogo gosudarstva na 2012 god», *Souz. Belarus-Rossia* [Union. Belorussia-Russia], 2011, 8 December.
- (9) Liakhovich A. Lukashenko: igra s Rossii ili dialog s Zapadom? *Evrasijskij dom: oficial'nyj sajт* [Eurasian Home], Available at: <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1796>

- (10) Itogi s Vladimirom Putinyim: vneshnia politika. – Ch. 1., *Agentstvo Politicheskikh Novostei* [Political News Agency], Available at: <http://www.apn.ru/library/article19832.htm>
- (11) Zelenkova A. Belarusians do not want to build a union state with Russia, *Solidarnost'* [Solidarity], Available at: http://www.gazetaby.com/cont/print.php?sn_nid=21536
- (12) Evrokomissar po energetike ocenil stoimost proekta Nabucco..., *RBC* [RBC], Available at: <http://quote.rbc.ru/topnews/2011/10/14/33446255.html>
- (13) Lapidus V. Stroitelstvo rossiiskogo gazoprovoda «Yuznyi potok» sozdaet novuyu geoeconomicheskuyu infrastrukturu, svyazyvaushyu strany Centralnoi Azii so stranami Yuzhnoi i Centralnoi Evropy..., *VIPERSON* [VIPERSON], Available at: <http://www.all-rus.info/main.php?ID=657642>
- (14) *OAO «Gazprom»* [JSC «Gazprom»], Available at: <http://www.gazprom.ru>
- (15) Koksharov A. Iran.ru: Dva polusa Kaspiiskogo moraya, *CenterAsia* [CentralAsia], Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1022501340>
- (16) Piontkovskij A. Shah ili mat ot Zbiga? *Grani.Ru: ezhe-dnevnaia internet-gazeta* [Grani.ru: Daily Online Newspaper], Available at: <http://grani.ru/Politics/Russia/m.146616.html>
- (17) Radzhikhovskiy L. Dva shansa Rossii, *Vremya elektroniki* [Time of electronics], Available at: <http://www.russianelectronics.ru/leader-r/pechat/35010>

INTEGRATION POTENTIAL OF POST-SOVIET AREA FOR A QUARTER OF A CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS

S.F. Grebenichenko

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

S.Zh. Toktamysov

Department of Social Sciences
State Watercolour and Fine Arts Academy of Sergei Andriaka
Akademika Vargi Str., 15, Moscow, Russia, 117133

The article is devoted to the integration processes in the post-Soviet area. The authors prove that the integration potential of the former Soviet republics increased through some regional multispeed and different sectoral vectors of focal convergence. It is concluded, that the engines of the integration are mini-organizations, which seek for new areas of breakthrough to the convergence of economies and control systems. The authors show the historical role of Russia in various integration projects.

Key words: globalization, integration processes, CIS, Eurasian Economic Community, CSTO, SCO, geostrategy, national interests, foreign policy, collective security.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1960–1970-Е ГГ.: НЕОКОНСЕРВАТОРЫ США И КРАХ РАЗРЯДКИ

К.В. Блохин

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются советско-американские отношения в годы разрядки международной напряженности (1960–1970-е гг.), исследуется роль неоконсерваторов, способствовавших возвращению США к духу конфронтации с СССР. Особое внимание в статье уделено анализу деятельности Г. Джексона, Д.П. Мойнихена, Дж. Киркпатрик, Р. Перла, деятельности неоконсервативных организаций.

Ключевые слова: СССР, США, разрядка, реализм, идеализм, неоконсерватизм, вильсонианство, либерализм, коммунизм, диктатура, демократия, права человека, холодная война.

Историки спорят о причинах краха разрядки второй половины 1970-х гг., когда существенно улучшились отношения между СССР и США, а в международной атмосфере стали исчезать апокалиптические страхи о взаимном уничтожении. Ощущение относительной стабильности, возросшие культурные контакты между странами, растущее доверие между народами в то время, казалось, могут рассеять атмосферу взаимного недоверия. Однако уже в конце 1970-х гг. стало ясно, что надежды на новый безопасный мир рухнули, уступив место новой конфронтации.

Фактором обострения международной обстановки стала существенная перегруппировка сил внутри правящей элиты США, в эти годы рождается неоконсерватизм. В настоящей статье на фоне советско-американских отношений анализируются как внешнеполитические взгляды американских неоконсерваторов, так и организационные формы, позволившие им оказывать влияние на американскую внешнюю политику США.

Предваряя анализ их деятельности, прежде всего следует обратиться к международному контексту, в котором она протекала. Как известно, Карибский кризис 1962 г. не привел к ядерному конфликту, а породил мирное политическое, экономическое и военно-технологическое соперничество обеих держав. После 1962 г. сложился, по словам американского исследователя Джона Гэддиса, «длинный мир», проявившийся в конфронтационной стабильности, который характеризуется как «исторически протяженное и устойчивое состояние отношений между великими державами, для которого было характерно сочетание регулируемого противостояния США с их сознательным стремлением избежать ядерной войны» (1).

Для этого времени, с одной стороны, была характерна «активизация диалога между СССР и США, сближение их позиций по проблемам контроля над вооружениями и международной ситуации в Европе», а с другой стороны, проявлялся «высокий уровень конфликтности в региональных подсистемах» (война США во Вьетнаме, советско-китайский конфликт, ближневосточная война) (2).

Важным фактором внутривосточной ситуации в Европе 1960-х гг. стало движение «новых левых», которое коснулось не только западных правительств, но и стран социалистической системы. Именно среди этих кругов вьетнамская война подвергалась наибольшему осуждению. Стремясь свернуть непопулярную войну во Вьетнаме, Р. Никсон пошел на улучшение отношений с Москвой и Пекином. Была провозглашена «Гуамская доктрина» Никсона, означавшая, что США больше не будут защищать союзные им режимы в Азии силами американской армии.

Важно отметить то, что архитектором такой политики являлся «реалист» Г. Киссинджер. В основе «доктрины Никсона» лежала идея, противоречащая доктрине «сдерживания»; она гласила, что внутренняя политика СССР, социально-политический строй не являются предметом внешней политики США, а важно лишь поведение СССР в мире (3). Никсон полагал, что в хаосе вьетнамской войны лучше следовать «национальным интересам», опираясь на принципы Просвещения, гласившие, что равновесие сил обеспечит стабильность (4).

Р. Никсону удалось добиться прогресса в этом направлении. В мае 1972 г. состоялся его официальный визит в качестве Президента США в Москву, в ходе которого были подписаны документы, означавшие начало процесса по ограничению стратегических вооружений – ОСВ (SALT – *англ.*): были достигнуты договоренности по ОСВ-1, включавшие «Договор об ограничении систем противоракетной обороны» (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (5).

Соглашения ОСВ-1 вызвали яростную атаку на Р. Никсона неоконсерваторов. Договоренности воспринимались так, будто бы администрация «защищает «ракетное неравенство», неблагоприятное для США (6). Лиде-

ром критикующих групп стал сенатор Г. Джексон. Г. Киссинджер подчеркивает, что «группировки, связанные с Джексоном... жаждали реставрации американского стратегического превосходства. Но они рьяли свои заботы в одежде страха, будто бы не только Америка лишится способности к первому удару – что было правдой, – но что, со временем Советский Союз такую способность приобретет, – что правдой уже не было, по крайней мере, в пределах временных рамок этих дебатов» (7). В итоге «американский идеализм царствовал безраздельно, не ограничиваемый никакими стимулами к политическому компромиссу» (8).

При администрации Дж. Картера начался переговорный процесс по тематике ОСВ-2 (SALT-2). В это время происходившая революция в военном деле создавала новые технические возможности в управлении боевыми действиями и повышении точности поражения на территории противника. Популярной стала концепция «ограниченной ядерной войны» и идея нанесения ударов не по гражданским объектам противостоящей обороны, а по военным объектам и пусковым установкам (9).

Сильное влияние на дебаты оказала концепция «окна уязвимости» П. Нитце, который доказывал, что СССР обладает превосходством над США в мощности ракетных зарядов, приводя в пример советские ракеты СС-18 и СС-19. Он выступил с предложением по повышению защищенности ядерных сил от удара за счет развития мобильных систем МБР, что могло быть дестабилизирующим фактором для стратегической стабильности. В этих условиях американский конгресс принял резолюцию, в соответствии с которой администрация обязана была добиваться численного равенства по всем показателям ограничений.

Анализируя политические заявления советских лидеров, П. Нитце писал в 1977 г.: «Советская литература – не является пропагандой для Запада... Советские не согласны с американцами в том, что атомная война бессмысленна и заведомо проигрышная... Они говорят нам, что они смотрят на мир совершенно иначе... и верят в лучшие возможности сдержать и победить...» (10).

15–18 июня 1979 г. в Вене был подписан Договор ОСВ-2. Устанавливались уровни средств доставки (не более 2400). Каждой стороне разрешалось иметь не более 1320 ракет РГЧ (ракеты с разделяющейся головной частью). Подписание договора породило острую дискуссию среди американской элиты. Правые торпедировали деятельность администрации Дж. Картера, считая своей важнейшей задачей противодействие договору.

В июне 1976 г. был основан **«Комитет по насущной угрозе»** (КНУ), под управлением которого оказались такие организации, как «Коалиция за мир через силу», «Совет американской безопасности», «Консервативное руководство». КНУ потратил более семи миллионов долларов, чтобы приостановить подготовку Договора (11). В это же время формируется и другой неоконсервативный центр – **Американский институт предпринимательства (АИП)**, связь которого с неоконсерваторами оставалась чрезвычайно устой-

чивой на протяжении более чем 13 лет (12). Но именно КНУ, возможно, был самым энергичным и хорошо организованным движением сторонников твердой линии. Он стал фактически своеобразным зонтиком для многочисленных организаций, выступавших за увеличение расходов на оборону и возобновление холодной войны. Р. Пайпс риторически вопрошает: «Насколько влияли на принятие решений члены Комитета? Очевидно, что такое влияние имело важное политическое значение в американской внешней политике... Через наши публикации и лекции, которые мы активно и широко распространяли, мы, безусловно, оказывали воздействие, *уравновешивающее влияние лобби контроля над вооружениями* (выделено нами. – К.В.)» (13).

Обоснование необходимости создания «Комитета по насущной угрозе» было подготовлено «Командой-Б» (командой внешних экспертов, названной так в противоположность аналитикам ЦРУ, известных как «команда-А»), которая была создана для альтернативного анализа советских стратегических ядерных возможностей и намерений. Команда, включавшая в себя П. Нитце – Р. Пайпса, демократа Г. Джексона, подтвердила озабоченность в отношении СОЛТ-2.

Анализ докладов «Команды Б» показывает, что советские военные расходы стали снижаться именно в тот период, когда сотрудники «Команды Б» писали о том, что советское военное строительство поэтапно нарастает (14).

Сторонники жесткой линии считали, что советские лидеры не делают различий между войной и миром, обороной и защитой, ядерными и обычными вооружениями. Советское мышление, по их мнению, является клаузевицким по своему характеру и оперирует в терминах большой стратегии, для которой оружие является одним из элементов в огромном арсенале инструментов достижения целей (15). «Команда Б» предостерегала, что ЦРУ необходимо учить российскую военную доктрину XVIII в. Российская стратегия со времен маршала А.В. Суворова в XVIII в. была в основном наступательной идеализированной наукой захвата (16).

«Команду-Б» возглавлял Р. Пайпс, который в своих воспоминаниях довольно ясно написал о себе как о стороннике холодной войны (17). Пайпс начал критику разрядки в 1969 г. с доклада на ежегодном съезде Американской ассоциации историков. Лейтмотивом его доклада стал тезис о том, что «не было и не могло быть никакой конвергенции: либо одна, либо другая система должна была уступить» (18). Доклад был замечен, а его автор при посредстве Р. Перла был приглашен на слушания в Сенат по Договору об ОСВ в марте 1970 г. Показателен в этом смысле и подход Пайпса к оценке перспектив советско-американских отношений:

«В своих показаниях я пытался донести, что главными являются не возможности самого оружия, а психология и политическая ментальность людей, обладавших этим оружием. Коммунисты не могли принять идею паритета, на котором основывалась ядерная стратегия Америки, потому что это

означало бы установление военного равновесия. Военное равновесие, в свою очередь, означало бы, что больше не смогут рассчитывать на победу в мировом конфликте, который служил оправданием как их диктаторской политики, так и нищеты, в которой они держали своих подданных... Позднее Джексон закрепил меня в качестве консультанта за своим Комитетом национальной безопасности и международной деятельности» (19).

В целом деятельность «Команды-Б» под руководством Р. Пайпса имела два важных последствия. Во-первых, она настолько глубоко повлияла на Р. Рейгана и на мышление его администрации, что некоторые журналисты поначалу обозначили администрацию Рейгана как «команду-Б». Во-вторых, благодаря ее деятельности была улучшена процедура разработки оценок ЦРУ. Несмотря на то, что никогда более не использовались услуги независимых экспертов, конкурентный анализ стал частью процесса, который теперь «включал несогласные мнения» (20).

Для неоконсерваторов приостановление администрацией Дж. Картера ратификации ОСВ-2 в связи с вводом советских войск в Афганистан явилось сигналом кратковременной победы, поскольку никсонская внешняя политика продолжалась в течение десятилетия. Они стремились видеть президентом Рейгана, который намеревался отказаться от никсонской политики, и сделал это после прихода к власти (21). «Перл окончательно убедил Рейгана отказаться от СОЛТ-2», – отмечает Колодный (22). Таким образом, можно уверенно говорить, что неоконсерваторы целенаправленно подрывали хрупкую стратегическую стабильность в отношениях между двумя странами и внесли немалый вклад в демонтаж политики разрядки.

Сферой противоборства либерализма и коммунизма были в то время также региональные конфликты, происходившие в странах третьего мира. В этой связи показательна деятельность двух наиболее ярких политиков и теоретиков неоконсервативного движения – Д.П. Мойнихена и Дж. Киркпатрик. Д.П. Мойнихен был первым неоконсерватором, который проложил своеобразный мост между миром интеллектуальных абстракций и каждодневной политикой (23). Согласно биографии Мойнихена, он был твердым сторонником Г. Трумэна и одинаково непримиримым противником Г. Уоллеса, партия которого находилась, по его мнению, под эгидой коммунистов (24). Со времени работы в движении «Америка за демократические действия» и вплоть до 1971 г. в своих речах он подчеркивал, что американские интеллектуалы делают свою работу плохо, борются против консервативных ценностей, а «проблема Америки в том, что она не имеет консервативного класса» и «это никуда не годится!» (25).

Пик политической карьеры Д. Мойнихена совпал с началом его деятельности в качестве представителя США в ООН, где Мойнихен видел свою цель «в борьбе идей, и собирании сил либерального интернационализма» (26). И ему это удалось: были одержаны две резонансные политические победы на трибуне ООН: это решение проблемы Пуэрто-Рико и критика ре-

золюции о сионизме. Комитет по деколонизации ООН начал подготовку к обсуждению кубинской резолюции, в которой провозглашалась поддержка Пуэрто-Рико в ее стремлении к самоопределению и независимости. Д. Мойнихен тогда заявил Киссинджеру, «что потеря Пуэрто-Рико вскоре после Южного Вьетнама была просто невыносима». Страны, заседавшие в Комитете, были информированы, что Пуэрто-Рико имела функционирующую демократию, где избиратели легально отказались от независимости и заявили, что проголосуют за решение, в котором будут рассматривать резолюцию о независимости как недружественный акт по отношению к США. Резолюция о независимости была отклонена (27).

Другой весьма показательной победой Мойнихена стала его критика резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о сионизме. Мойнихен предпринял все усилия для ее денонсации (28). Не мог он смириться и со сдачей позиций США в Африке, в частности, на юге континента – в Родезии, где чернокожие повстанцы боролись с правительством белого меньшинства. Причем рассматривал все события на континенте в ракурсе противоборства с СССР (29). По замечанию Эрмана, «взгляд Мойнихена был таков, что наша внешняя политика изображает симптомы нации, которая знает, что она несопоставима с Советским Союзом» (30). Таким образом, Мойнихен был убежденным врагом коммунизма и считал, что с ним надо бороться на всех фронтах, в том числе противодействовать в странах третьего мира. Спасение он видел в распространении либеральной демократии. В этом смысле его правомерно называть и «либеральным интервенционистом».

С антикоммунистической программой в годы холодной войны выступает и Дж. Киркпатрик, которая в отличие от практика Мойнихена серьезно занималась политологическими проблемами. Еще до избрания Дж. Картера (с деятельностью которого обычно связывают атмосферу разрядки) в неконсервативной мысли серьезно стала дискутироваться тема различий между тоталитаризмом и авторитаризмом, которая была позаимствована у Х. Арендт. В 1976 г. Н. Глейзер провозгласил, что от коммунистического режима следует отличать военные режимы и диктатуры. Он сослался на регулярность и постоянство коммунистического контроля над всем обществом как два важнейшие отличительные признака, делающие коммунизм уникальным. В этой связи признавал, что почти нет шансов для эволюции коммунистических режимов в более мягких формах, подобных югославскому (31).

Эта же тема была развита Д. Киркпатрик в ее наиболее известной статье «Диктатура и двойные стандарты», в которой защищались проамериканские авторитарные режимы, боровшиеся против революционных повстанцев. Киркпатрик была убеждена, что демократия есть результат процесса политической эволюции, и всякая «попытка навязать демократию быстро, там, где ее не было, приведет к неприятным последствиям» (32). Весь дух программной статьи Киркпатрик состоял в обвинении администрации Картера в следовании двойным стандартам. По ее мнению, Президент предаст дружест-

венные Америке диктатуры в угоду хорошим отношениям с более экстремистскими авторитарными режимами и не борется с Советами (33). Она считала, что со «времени инаугурации Картера произошло драматическое советское военное наращивание, которое усилилось из-за стагнации американских вооруженных сил и драматического расширения советского влияния в районе Африканского Рога, Афганистана, Южной Африки, Карибских островов» (34).

Войдя в команду Р. Рейгана, Киркпатрик продолжала верить, что американцам лучше поддерживать дружественные диктатуры, нежели нестабильные демократии, которые могут эволюционировать влево. В целом неоконсерваторы уже в годы разрядки рассматривали страны третьего мира в качестве поля битвы тоталитаризма и демократии. Решению задачи по утверждению демократии они подчиняли свои теоретические изыскания по установлению отличий между авторитаризмом и тоталитаризмом, будучи убежденными при этом в необходимости американского вмешательства в дела суверенных государств.

В годы разрядки появляется новый аспект международных отношений – правозащитная тематика. С 1976 г., с начала президентства Дж. Картера, вопросы морали стали играть важную роль. Президент порицал республиканцев за цинизм, прагматизм в политике и беспринципность. Его главная претензия к предшествующим администрациям состояла в том, что они пренебрегли ценностями свободы и прав личности. В отличие от «реалистов» Г. Киссинджера и Р. Никсона, Картер стремился содействовать мирными усилиями внутривнутриполитическим изменениям в советском блоке (35), что, по существу, являлось либеральным вильсонизмом.

К тому же отличительной чертой внешней политики Дж. Картера было стремление «увязывать» правозащитную тематику с договоренностями по военным вопросам. Именно поэтому США вступились в 1977 г. за правозащитников, когда в СССР начались аресты членов «Хельсинкской группы». Такие акценты внешней политики, как представляется, были внутренне противоречивы, поскольку возникала дилемма между национальными интересами, основанными на геополитических расчетах, и ценностями. Нам представляется не случайным в этой связи расширение неоконсервативного движения, центром которого становится борьба за права человека. Огромную роль здесь сыграл демократ Г. Джексон, который свою задачу видел в том, чтобы «вернуть идеологические вопросы, ценности демократии и прав человека обратно в центр американо-советских отношений. По этим вопросам не могло быть компромиссов, они коренились в различиях между Западом и Востоком» (36). Как справедливо указывает Вайсе, этот подход отличался от стремления к поиску компромиссов, отстаиваемому во внешней политике Киссинджером (37).

Вместе с Джексоном выступил Д. Мойнихен, который активно поддерживал диссидентов. Так, если Белый Дом открещивался от прямых контак-

тов с диссидентами, то Мойнихен и Джексон организовывали публичные мероприятия в честь правозащитников. «2 июля 1975 г. Мойнихен присоединился к Г. Джексону на обеде в честь Александра Солженицына, обеде, который Белый дом и Госдепартамент постоянно избегали, чтобы не задевать СССР» (38). Неоконсерваторы стремились поднять проблему защиты прав человека на уровень межгосударственных отношений, ставя в неудобное положение администрацию Картера.

С 1978 до начала 1980 г. началась кампания по разрушению советской системы с концентрацией внимания на правах человека. Одним из шагов в этом направлении стала организация Коалицией за демократическое большинство (КДБ) серии встреч в поддержку диссидентов из стран восточного блока. Одна из них прошла 26 января 1978 г., во время которой КДБ вручила свою награду Л. Алеекseeвой, представлявшей советских участников хельсинского процесса. Специальная награда была вручена также В. Турчину, основателю советского отделения Amnesty International. Церемония транслировалась по радио «Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки» «в целях моральной поддержки диссидентов на Востоке» (39). При этом неоконсерваторы, как и правозащитники, выступали противниками Хельсинского процесса. «Все ястребы и борцы за права человека, КДБ, Норман Подгорец, Скуп Джексон, и Александр Солженицын критически относились к Хельсинским соглашениям. Для них эти соглашения, подписанные 1 августа 1975 г., казались наградой за 20 лет советского стремления получить согласие международного сообщества на расширение границ своей империи в Восточной Европе» (40).

Иными словами, неоконсерваторы предпочитали разговаривать с СССР посредством силового давления и вмешательства во внутренние дела. Ярким и самым показательным примером такой политики стала пресловутая поправка Джексона-Вэника.

Таким образом, совершенно очевидно, что неоконсерваторы в лице Г. Джексона приложили максимум усилий для того, чтобы «торпедировать разрядку», возродили дух конфронтации между СССР и США 1950-х гг. Они нашли и использовали новый инструмент для оказания давления на СССР – судьбу эмигрантов и правозащитную тематику, что абсолютно корреспондировалось с идеалистическими установками неоконсерватизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Системная история международных отношений: В 2 т. – Т. 2. События 1945–2003 годов. – М., 2006. – С. 278.
- (2) Там же. – С. 279.
- (3) Там же. – С. 643.
- (4) Там же. – С. 640.
- (5) Системная история... – С. 355–356.
- (6) *Киссинджер Г.* Дипломатия. – М., 1997. – С. 682.

- (7) Там же. – С. 683.
- (8) Там же. – С. 684.
- (9) Системная история... – С. 407.
- (10) *Ehrman J.* The rise of neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. – N. Haven; London, 1995. – P. 113.
- (11) *Dorrien G.* Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana. – N.Y.; London, 2004. – P. 62.
- (12) Ibid. – P. 54.
- (13) *Пайнс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего. – М., 2005. – С. 227.
- (14) *Dorrien Gary.* Imperial designs... – P. 57.
- (15) Ibid. – P. 53.
- (16) Ibid.
- (17) *Пайнс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего... – С. 207.
- (18) Там же. – С. 209. Там zhe [In the same place]. – P. 208.
- (19) Там же. – С. 210.
- (20) Там же. – С. 224.
- (21) *Colodny L., Shachtman T.* The forty years war. The Rise and fall of neocons, from Nixon to Obama – N.Y., 2010. – P. 287.
- (22) Ibid. – P. 118.
- (23) *Ehrman J.* The rise of neoconservatism... – P. 63.
- (24) Ibid. – P. 66.
- (25) Ibid. – P. 67.
- (26) Ibid. – P. 83.
- (27) Ibid. – P. 85.
- (28) Ibid. – P. 86.
- (29) Ibid. – P. 95.
- (30) Ibid. – P. 96.
- (31) Ibid. – P. 115.
- (32) Ibid. – P. 120.
- (33) *Colodny L., Shachtman T.* The forty years war... – P. 286.
- (34) Ibid. – P. 316.
- (35) Системная история... – С. 394.
- (36) *Vaisse J.* Neoconservatism. The Biography of movement [Neokonservatizm. Biografiya dvizheniya]. – London, 2008. – P. 117.
- (37) Ibid. – P. 118.
- (38) Ibid. – P. 142.
- (39) Ibid. – P. 145.
- (40) Ibid. – P. 144.

NOTES

- (1) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v dvukh tomakh. Sobytiya 1945–2003 godov* [System History of International Relations, in two volumes. Events 1945–2003 period]. Moscow, 2006, vol. 2, p. 278.
- (2) Там zhe [Ibid.], p. 279.

- (3) Tam zhe [Ibid.], p. 643.
- (4) Tam zhe [Ibid.], p. 640.
- (5) *Sistemnaya istoriya...* [System History...], p. 355–356.
- (6) Kissindzher H. *Diplomatija* [Diplomacy]. Moscow, 1997, p. 682.
- (7) Tam zhe [Ibid.], p. 683.
- (8) Tam zhe [Ibid.], p. 684.
- (9) *Sistemnaya istoriya...* [System History...], p. 407.
- (10) Ehrman J. *The rise of neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994* [Vzlet neokonservatizma. Intellektualy i mezhdunarodnye dela. 1945–1994]. New Haven; London, 1995, p. 113.
- (11) *Dorrien Gary Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana* [Imperiskie resheniya. Neokonservatizm i novyy Paks Amerikana]. New York; London, 2004, p. 62.
- (12) Tam zhe [Ibid.], p. 54.
- (13) Pajps R. *Ja zhil. Memuary neprimknuvshego* [Memoirs of a Non-Belonger]. Moscow, 2005, p. 227.
- (14) *Dorrien Gary. Imperial designs...* [Imperiskie resheniya...], p. 57.
- (15) Tam zhe, [Ibid.], p. 53.
- (16) Tam zhe, [Ibid.].
- (17) Pajps R. *Ja zhil. Memuary neprimknuvshego...* [Memoirs of a Non-Belonger...], p. 207.
- (18) Tam zhe [Ibid.], p. 208.
- (19) Tam zhe [Ibid.], p. 210.
- (20) Tam zhe [Ibid.], p. 224.
- (21) Colodny L., Shachtman T. *The forty years war. The Rise and fall of neocons, from Nixon to Obama* [Sorok let voyny. Vzlet i padeniye neokonservatorov, ot Niksona do Obamy]. New York, 2010, p. 287.
- (22) Tam zhe [Ibid.], p. 118.
- (23) Ehrman J. *The rise of neoconservatism...* [Vzlet neokonservatizma...], p. 63.
- (24) Tam zhe [Ibid.], p. 66.
- (25) Tam zhe [Ibid.], p. 67.
- (26) Tam zhe [Ibid.], p. 83.
- (27) Tam zhe [Ibid.], p. 85.
- (28) Tam zhe [Ibid.], p. 86.
- (29) Tam zhe [Ibid.], p. 95.
- (30) Tam zhe [Ibid.], p. 96.
- (31) Tam zhe [Ibid.], p. 115.
- (32) Tam zhe [Ibid.], p. 120.
- (33) Colodny L., Shachtman T. *The forty years war...* [Sorok let voyny...], p. 286.
- (34) Tam zhe [Ibid.], p. 316.
- (35) *Sistemnaya istoriya...* [System History...], p. 394.
- (36) Vaisse J. *Neoconservatism. The Biography of movement* [Neokonservatizm. Biografiya dvizheniya]. London, 2008, p. 117.
- (37) Tam zhe [Ibid.], p. 118.
- (38) Tam zhe [Ibid.], p. 142.
- (39) Tam zhe [Ibid.], p. 145.
- (40) Tam zhe [Ibid.], p. 144.

**SOVIET-AMERICAN RELATIONS IN 1960–1970S.:
U.S. NEO-CONSERVATIVES AND COLLAPSE OF DÉTENTE**

K.V. Blokhin

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article analyses the Soviet-American relations in the years of detente (1960–1970s), considers the role of neoconservatives who promoted the US return to the spirit of confrontation with the Soviet Union. Particular attention is paid to the analysis of the activities of H. Jackson, D.P. Moynihan, J. Kirkpatrick, R. Perl, as well as neoconservative organizations.

Key words: USSR, USA, detente, realism, idealism, neoconservatism, wilsonianism, liberalism, communism, dictatorship, democracy, human rights, Cold War.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

РОССИЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИБИРИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

М.А. Жигунова

Сектор этнографии
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
пр. Маркса, 15/1, Омск, Россия, 644010

В статье рассматриваются история и этнокультурная специфика российских переселенцев в Западной Сибири. Характеризуются изменения, произошедшие в их хозяйстве, жилище, пище, одежде на протяжении в период с конца XIX до начала XXI в., выявляются современные этнокультурные предпочтения. Также анализируются процесс адаптации и взаимовлияния различных культурных традиций, основные факторы, обусловившие их чрезвычайное многообразие.

Ключевые слова: русская культура, Сибирь, переселенцы, адаптация, пища, межэтнические контакты, традиции, современность.

В настоящее время Сибирь является не только энергетическим, природно-ресурсным, важным геополитическим регионом России, но и своеобразной ее моделью, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества. Это территория многовекового взаимодействия славянских, тюркско-монгольских, угро-финских, палеоазиатских народов, пространство диалога христианства, мусульманства, буддизма, шаманизма, взаимодействия земледельческого и кочевнического хозяйственного укладов, доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ (1). Поэтому интерес к ее изучению не иссякает на протяжении многих столетий. Актуальность исследований сибирской тематики особенно возросла в последние годы, о чем свидетельствуют проведение целого ряда научных конференций и появление новых исследовательских и публицистических работ.

Классиками «сибирства» считаются известные областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, впервые поставившие во второй половине XIX в. вопрос

о статусе Сибири и специфике ее этнокультурного развития (2). В конце XIX – первой трети XX в. рассматривались взаимоотношения между сибирскими аборигенами, старожилами и переселенцами, степени их влияния друг на друга (3).

В советский период времени основное внимание историков было сосредоточено на проблемах заселения и освоения Сибири, социалистических преобразованиях быта. Отдельные этнокультурные аспекты переселения в Западную Сибирь освещались в работах М.М. Громыко, В.А. Липинской, Н.А. Миненко, Е.Ф. Фурсовой, О.Н. Шелегиной и др. (4). Как правило, хронологические рамки их исследований ограничивались ранними периодами истории и не превышали начала XX в. В данной статье впервые будет рассмотрена повседневность сибирской колонизации, включая современный период времени.

До появления славян в Западной Сибири ее население представляло собой пестрый конгломерат тюркоязычных и угорских племен (5). Начало массовой колонизации сибирских территорий было положено казачьей дружиной атамана Ермака (1580-е гг.), хотя до сих пор продолжают споры относительно времени, характера и основных этапов его экспедиций (6). Согласно царскому наказу «...Итти город ставить вверх Иртыша на Тару реку, где бы государю было и впредь прибыльнее, чтобы пашню завести и Кучума царя истеснить и соль завести» (7) отрядом служилых людей во главе с князем А.В. Елецким в 1594 г. строится Тарская крепость, которая стала первым русским опорным пунктом в Прииртышье и сыграла значительную роль не только в разгроме Сибирского ханства, но и в развитии торговых связей с Бухарой, Джунгарией, Индией, Китаем.

Появление постоянных военных гарнизонов поставило задачу снабжения их продовольствием и, прежде всего – хлебом. Поэтому правительство было вынуждено начать переселение крестьян в Сибирь. Подавляющее большинство переселенцев на начальном этапе освоения были выходцами из северных поморских уездов. Считается, что первой русской пашней на территории Сибири является Чекрушевское поле, которое расположено в Омской области, близ города Тара. «Государева десятинная пашня» была организована здесь в 1599 г.

В современном русском языке под переселенцами понимаются люди, переселившиеся или переселяемые с постоянного места жительства в новые, обычно необжитые места. В начале XX в. во многом благодаря аграрной реформе П.А. Столыпина Сибирь стала основным колонизационным районом Российской империи. Отмечая слабую заселенность сибирской территории, он считал, что «прилив на окраину переселенцев, как живых соков, должен образовать и у нас в Сибири плотную живую кору русского дерева», для чего... необходимо развивать «сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкий приток туда населения, и не только земледельческого, но и вообще рабочего» (8).

Одновременно Сибирь представлялась залогом российского могущества, землей, где можно доставать деньги, «не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечество» (9).

В исторической литературе принято разделять население Сибири на две большие группы: старожилы (аборигены, чалдоны, сибиряки, родчие, тутошные, казаки, кержаки, староверы, раскольники и др.) и переселенцы. Среди современных исследователей нет общепринятой временной границы, отделяющей сибирских старожилов от российских переселенцев. Если в ранних работах старожилами считали «первых поселенщиков» конца XVI–XVIII вв., то позднее верхняя хронологическая рамка начала смещаться до второй половины XIX в. – времени массовых переселений в Сибирь. По мере проживания в Сибири бывшие переселенцы постепенно начинали осознавать себя старожилами. Так, потомки мигрантов конца XIX – начала XX в. в большинстве своем считают себя сибиряками: «Родители и деды были российские, а мы то уж – сибиряки, тутошные, здесь родились». Как правило, российские переселенцы помнили места своего выхода в Сибирь и соответственно называли себя витебскими, воронежскими, вятскими, рязанскими и т.д.

Различными были и сами названия переселенческих групп: кацапы, лапотоны/лапотники, москали, новоселы, поселенчики, самоходы, хохлы, целинники и др. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. отразила довольно высокий удельный вес переселенцев в Сибири (в сельской местности – от 22 до 37%, в городской – от 31 до 65%) (10). Их состав по местам выхода был чрезвычайно многообразным. Так, только в одной Загваздинской волости Тобольской губернии проживали мигранты из 22 различных губерний, а также – двух областей – войска Донского и Кубанской (11).

В период столыпинской аграрной реформы 1906–1911 гг. основное участие в миграционных процессах принимали уже не служилые люди, промышленники и ссыльные каторжане, а крестьяне и ремесленники, искавшие лучшей доли за Уралом. Существовало, правда, опасение, что переселяющиеся в дальний край люди могут отдалиться от своей родины, вследствие чего в специальной записке, подготовленной еще в конце XIX в. Канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности» (12).

Крестьяне переселялись в Сибирь одиночками, семьями, родственными кланами, деревнями. По возможности выбирали схожие с местами исхода природные условия. Внучка переселенцев из Витебской губернии вспоминала: «Бабушке моей Кате 17 лет было, когда она замуж вышла. А муж ее с братьями собрались в Сибирь ехать. Никто их не ссылал, сами решили переселяться, самоходом. Родители ее отговаривали, мать плакала: “Как же вы там жить будете? Там, говорят, медведи и волки по улицам ходят. А люди-то там хоть живут?” – “Живут. Вот и мы жить будем!”... Жили сначала в землянках. Комары, мошки с непривычки сильно кусались. Баба Катя, дев-

чонка тогда совсем, устала от всего этого, собралась, ушла в лес, села под елку: “Пусть меня лучше волки съедят, тут больше жить не могу!”. Дед бегал по лесу ее искал, звал: “Катенька, отзовись!”. Когда нашел, домой на руках принес. И стали они здесь дальше жить» (13). Так в одной семейной истории прослеживается трагедия разрыва со своей прежней родиной, тяготы переселенческой жизни и боязнь неизвестного.

Благодаря строительству Транссибирской магистрали начала активно осваиваться южная лесостепная зона Сибири. В начале XX в. состав переселенцев по местам выхода распределялся следующим образом: Черноземный центр – 24,0%, Малороссия – 24,2%, Новороссия – 17,4%, Западные губернии – 15,8% и т.д. (14). Для региона был характерен большой приток переселенцев из южных губерний России и Украины, а также сибирских мигрантов из зоны северной (освоенной к началу XVIII в.) лесостепи. До 1907 г. были приписаны к селениям старожилов 2/3 переселенцев, и только 1/3 основала самостоятельные поселения (15). В случае проживания в одном населенном пункте образовывались соответственно «сибирский/чалдонский») и «россейский/вятский, тамбовский и др.» края. Стремясь сохранить память о своей исторической родине, переселенцы называли соответственно не только улицы или края, но и новые деревни и села. Так появились в Западной Сибири Азово, Астрахановка, Белосток, Вятка, Московка, Новая Рига, Саратовка, Украинка, Черниговка и др.

На первых порах до обзаведения собственным хозяйством (обычно для этого требовалось 5–10 лет) новоселы нанимались в батраки к старожилам. Постепенно в результате адаптации складывался и начинал функционировать местный комплекс хозяйственно-бытовых навыков, соответствующий той или иной природной зоне (16). Прежде всего, это нашло отражение в культуре жизнеобеспечения. Поселения и усадьбы обычно располагались на берегах рек и озер, а также – вдоль крупных транспортных магистралей. К концу XX в. лишь частично сохранялось деление в них на «концы» или «края», где селились жители различного происхождения (старожилы – переселенцы, русские – мордва, могилевские – тамбовские и др.). В настоящее время чаще всего встречаются двухрядные и замкнутые усадьбы, реже – однорядные.

Жилища переселенцев были различными: сначала – землянки, дерновые избы, бараки, затем – избы, пятистенки, связи, крестовые дома, но в технике их строительства и планировки сохранялись и получили дальнейшее развитие традиции мест выхода. Особенностью жилищного строительства в Западной Сибири являлось широкое использование хвойных пород деревьев. Их активное применение объясняется не только наличием обширных массивов тайги, но и высокой устойчивостью этих пород против гниения. Менее состоятельные жители использовали для строительства березу и осину. В южных районах часто встречаются каркасные, насыпные, саманные и глинобитные постройки, а также – «перекатанные дома». Специфичной осо-

бенностью сибирского жилища являлось его украшение урало-сибирской домовою росписью. Одним из характерных признаков северно-русской культуры являлась также баня. В начале XX в. баню топили при самых важных и значимых событиях: для роженицы и новорожденного, накануне и после свадьбы, перед великими праздниками и отправлением в путь, после возвращения домой.

Отличительной чертой освоения новых земель переселенцами в Сибири являлось быстрое усовершенствование приемов обработки земли, широкое использование сельскохозяйственных машин. Особенно успешно развивалось сибирское маслоделие. Так, к 1910 г. сибирское масло на столичных российских рынках занимало 50% от всего масла, производимого в стране, к 1917 г. оно давало России больше валютного золота, чем все российские прииски (17). На полях в Среднем Прииртыше сеяли рожь (жито), просо, ячмень, овес, гречиху, пшеницу, лен, коноплю, картофель. В огородах выращивали брюкву, репу, редьку, капусту, морковь, свеклу (бураки), огурцы, тыкву, арбузы и т.д. Анализируя рацион сибирских крестьян, известный этнолог М.М. Громыко отмечала сложившееся в нем равновесие между мучными, крупяными и овощными блюдами с одной стороны, и мясомолочными – с другой.

Ранее значительную роль играла сословная и религиозная принадлежность. Например, староверы долгое время отказывались употреблять в пищу картофель, покупной чай, водку, не допускалось совместное пользование посудой с «мирянами» и т.д. Сезонность потребления мясомолочных (скорожных) продуктов регламентировала православная церковь.

У сибиряков наиболее распространенным видом мяса была говядина, а у переселенцев – свинина. В настоящее время наиболее предпочитаема свинина, встречается потребление конины и баранины (особенно в районах смешанного расселения), на праздник – жаренные молочные поросята, а также – гуси, утки и др. Определенное место занимают продукты, полученные в результате охотничьего промысла – мясо медведя, зайца, боровой дичи и др. Излюбленным блюдом сибиряков остаются пельмени, которые традиционно готовятся из смеси свиного, говяжьего и бараньего фарша. Лингвисты считают, что в русском языке это слово появилось в XIX в. Обычно его происхождение связывают с коми-пермяцким «пельнянь» («хлебное ухо»). В последние годы всю большую популярность приобретают среднеазиатские манты, украинские вареники, белорусские камы (блюдо типа пельменей с начинкой из картошки и кусочков сала). Наличие обширной сети рек и озер в Западной Сибири способствовало широкому распространению рыбных блюд.

Особенностью переселенческой кухни являлось широкое употребление мучных и крупяных блюд. Гороховая, гречневая, овсяная, просяная, перловая, тыквенная и ячменные каши до середины XX в. готовились поочередно практически каждый день. В настоящее время уходят из активного бытова-

ния супы – крупени, которые используются в основном в качестве диетических блюд и в питании беднейших слоев населения.

На рубеже XIX–XX вв. «вторым хлебом» в Западной Сибири стал картофель, который варили, запекали, тушили, использовали для приготовления супов, клецек, запеканок, оладьев (драников), начинок для пирогов и вареников. Из вареного толченого картофеля, заправленного шкварками, катали колобки и замораживали. Такие колобки брали с собою в дорогу, на охоту или заготовку дров. Из брюквы, моркови, свеклы (бураков) до середины XX в. изготавливали «паренки». Для этого овощи варили, очищали от кожуры, нарезают тонкими пластинами, сушили на поду русской печи и «наместо конфет сосали». Также лакомством считались «сырчики» (лепешки из творога, замороженные на листе) и «снежки» (замороженные шарики из творога, смешанного со сметаной и сахаром). Известным лакомством сибиряков являются кедровые орешки, а теперь – и семечки подсолнечника. Но главным кушаньем, употребляемым всеми и ежедневно, был хлеб домашней выпечки: в начале XX в. – чаще из ржаной муки, в настоящее время – из пшеничной, а также различная выпечка – пироги, с разнообразной начинкой (овощные, мясные, ягодные, рыбные и др.), калачи, каральки, колобушки, печенюшки, пряники, оладьи и т.д.

Ушли из активного бытования традиционные русские кислые кисели. Еще в 1950–1960-е гг. овсяную или гороховую муку заливали кипятком, заквашивали, процеживали через сито и варили, пока не загустеет. Готовый кисель разливали по чашкам, сдабривали маслом или молоком, разрезали на кусочки и «ели, как холодец». В северных районах часто варят клюквенный кисель, а в южных – облепиховый. Повсеместно употребляется компот из сухих или свежих ягод и фруктов – «узвар», иногда в него добавляют крахмал. Любимыми напитками в Сибири являются хлебный квас и чай. Общеупотребительный в начале XX в. кирпичный чай уступил свои позиции листовому. Ранее на покосах и пашне использовали специальную посуду для варки чая – чугунок с крышечкой, чайник без носика из жести («бакирка», «бакыр», «бакарка»). Эта посуда, как и ее название, были заимствованы русскими от соседних тюркских народов. Зачастую к чаю подают молоко или сливки – «для забелки». Для заварки чая используются листья смородины, земляники, малины, плоды шиповника, цветы липы, а также – мята, кипрей, чабрец и другие лекарственные травы. Частично сохраняется приготовление медовухи (хмельного медового напитка) и домашнего пива.

В современном рационе населения Западной Сибири наиболее заметно влияние украинской (борщ, вареники, галушки, вергуны, узвар), белорусской (суп-крупеня, драники, клецки, бигус, буженина), среднеазиатской и татарской кухни (манты, плов, азу, чак-чак). В северных районах, отдаленных от городов и транспортных магистралей, лучше сохраняется бытование традиционных блюд. Здесь практически нет дачных участков, все необходимое выращивается на огородах или собирается в лесу и на болоте (кедро-

вые орехи, смородина, малина, костяника, черника, клюква, морошка, брусника и т.д.). В южных районах сильнее ощущается влияние урбанизации и все большую популярность приобретает дачное овощеводство и садоводство.

Одним из способов успешной адаптации переселенцев являлись браки со старожилами. Совместные праздники и гуляния способствовали знакомству и дальнейшему сближению переселенческой и старожильской культур. В Сибири, по сравнению с Европейской Россией, всегда довольно толерантно относились к межэтническим, межрелигиозным и межсословным бракам. На ранних этапах колонизации нехватка женщин способствовала довольно активным брачным контактам с представительницами местных народов. В дальнейшем в брачные отношения вступали различные группы старожилов и переселенцев. Так, согласно сведениям из архивов ЗАГС, в отдельных регионах Западной Сибири в 1950–1970-е гг. межэтнические браки составляли 38–73% от всех зарегистрированных, в настоящее время на их долю приходится около 20% (18). Данные наших исследований 1986–2012 гг. свидетельствуют о том, что в семьях 70% опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей (чаще всего – украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, польской, еврейской, цыганской, чувашской, мордовской, армянской).

Российские переселенцы вполне удачно вписались в сибирский социум. Как только терялись родственные связи, прекращались или сокращались общения с родственниками из европейской части России, так все активнее проходил процесс их «осибирячивания». Новоселы заимствовали местные способы хозяйствования и меняли кулинарные предпочтения (включали в рацион новые блюда, способы обработки и хранения продуктов). В одежде долгое время бытовали традиционные наряды, привезенные с мест выхода. Они отличались особым разнообразием и красочностью. Само название переселенцев – «лапотники», свидетельствовало об их происхождении. Поэтому новоселы старались быстрее заменить лапти на местные кожаные виды обуви и приобрести сибирские варианты одежды, особенно – зимней (полушубки и шубы из овчины). В начале XX в. отличия в одежде старожилов и новоселов нивелировались в связи с широким распространением фабричных тканей и готовых изделий. Российские переселенцы способствовали распространению этнически нейтрального городского костюма. Его адаптация в сельской среде шла главным образом в форме компромисса путем создания поллиативных форм, представляющих смешение традиций и новаций (19).

Дольше всего сохранялись речевые особенности, которые фиксируются лингвистами по сей день. Ученые отмечают значительный пласт заимствований в русском языке (бабай, доха, лафа, магарыч, пельмени, пурга, сабантуй, шаньга и др.). В Западной Сибири в русскую речь проникает гортанное А – от немецкого и кавказского акцента, смягченное Ш–Ж, фригативное Г – от украинского языка и казачьего говора, широкие гласные – из белорусского языка (20).

Несомненно, что российские переселенцы сыграли существенную роль в освоении Сибири и оказали существенное влияние на социокультурные процессы, протекающие в этом регионе. Так, например, на мигрантов (не родившихся на территории проживания) приходится около трети современного населения юга Тюменской области, 75% – жителей Ямала, 80% – Ханты-Мансийского автономного округа (21).

В настоящее время нечасто встречаются населенные пункты, где жители полностью однородны по своему составу. Массовые соседские, дружественные и родственные отношения людей самых разных национальностей и социальных групп обусловлены совместным проживанием, тесными хозяйственными, торговыми и культурными связями, межнациональными браками. Наиболее активно эти процессы протекают в городской местности. По мере проживания в Сибири бывшие переселенцы постепенно начинают осознавать себя сибиряками. В культуре их потомков причудливо переплетаются традиционные элементы из различных мест выхода (трансформировавшиеся в результате адаптации), заимствованные от местных сибирских и других проживающих по соседству народов. Определяющее значение в воспроизводстве традиций стали играть не религиозная и сословная принадлежность, а финансовые возможности и личные вкусовые предпочтения.

Несмотря на то, что продолжаются научные споры о взаимовлиянии и соотношении в Сибири переселенческой и старожильской культур, бесспорно, что они обогащали друг друга, добавляя элементы, раскрасившие жизнь новыми яркими цветами. Чрезвычайное многообразие современных культурных традиций жителей сибирского региона обусловлено следующими основными факторами:

1) историей заселения (сюда переселялись выходцы практически из всех губерний Европейской России и Урала, ссыльные и каторжане, репрессированные, мигранты из различных областей и бывших республик Советского Союза, различные по своей конфессиональной, этнической и социальной принадлежности);

2) проживанием в разнообразных природно-географических условиях (от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге);

3) многообразием форм хозяйственной деятельности (земледелие и животноводство, охота и рыболовство, пчеловодство и собирательство, различные промыслы и ремесла);

4) пестрым этническим и религиозным составом окружающего аборигенного населения;

5) активными межэтническими контактами.

Несмотря на существующее многообразие и синкретизм различных культурных традиций, у переселенцев Западной Сибири постепенно сформировались общесибирские черты менталитета и традиционно-бытовой культуры.

Хотя Российская империя, а затем и Советский Союз рухнули, однако, как отмечает известный британский историк Доминик Ливен, «России уда-

лось вобрать в себя и поглотить в своем «материнском лоне» жемчужину своей имперской короны – Сибирь. И благодаря этому остаться великой державой» (22). В основном это произошло благодаря русским крестьянам-переселенцам, которые «не только скрепили огромное имперское пространство, но и обеспечили России длительную перспективу национального строительства» (23). П.А. Столыпин рассматривал Сибирь в качестве колыбели, где можно будет вырастить новую сильную Россию и таким образом поддержать хиреющий русский корень, и, останься он у власти, «внимание правительства было бы приковано к этой первостепенной задаче» (24).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Россия как цивилизация: сибирский ракурс. – Новосибирск, 2008. – С. 6.
- (2) Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. – М., 1867; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892.
- (3) Кауфман А.А. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Труды вольного экономического общества. – 1891. – № 4. – С. 13–16; Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края (русские и туземцы). – Новосибирск, 1928.
- (4) Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск, 1965; Литинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. – М., 1996. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. – Новосибирск, 1986; Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1997; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1992; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. – Барнаул, 2008.
- (5) Бояришинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. – Томск, 1967. – С. 21.
- (6) Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1986. – С. 3.
- (7) Цит. по: Колесников А.Д. Из истории заселения Среднего Прииртышья // Известия Омского отдела ГО СССР. – Вып. 5. – Омск, 1963. – С. 138.
- (8) Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. – СПб., 1911. – С. 18, 115.
- (9) Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 24.
- (10) Сигутов П.Т. Некоторые вопросы географии сельского населения Омской области // Известия Омского отделения ГО СССР. – Вып. 7. – Омск, 1967. – С. 113.
- (11) Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 408. – Л. 52–54.
- (12) Сибирь в составе Российской империи... – С. 28.
- (13) Личный архив автора.
- (14) Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 152.
- (15) Азиатская Россия. – Т. 1. – СПб, 1914. – С. 414.
- (16) Литинская В.А. Старожилы и переселенцы... – С. 7.

- (17) Бударин М.Е. Подвиг русского народа в преобразении Сибири в период массового переселения (1894–1914 гг.) // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1998. – С. 55.
- (18) Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX в. – Омск, 2004. – С. 73.
- (19) Шелегина О.Н. Этапы адаптации русского населения в Сибири // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2006. – С. 253–255.
- (20) Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. – Новосибирск, 1997; Чекмарева Л.П. К проблеме искажения русской лексической культуры западносибирского региона под влиянием миграционных процессов // Россия и Восток: История и культура. – Омск, 1997. – С. 247–249.
- (21) Тюменская область: народы, языки, культуры. – Тюмень, 2007. – С. 17.
- (22) Ливен Д. Россия как империя: сравнительная перспектива // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – М., 1999. – С. 273.
- (23) Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Сибири XVIII – начала XX в.: имперско-нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология. – Омск, 2003. – С. 53.
- (24) Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. – 1997. – № 4. – С. 113.

NOTES

- (1) *Rossija kak civilizacija: sibirskij rakurs* [Russia as a civilization: Siberian perspective]. Novosibirsk, 2008, p. 6.
- (2) Potanin G.N. *Materialy dlya istorii Sibiri* [Materials for the history of Siberia]. Moscow, 1867; Yadrintsev N.M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as colony geographical, ethnographical and historical respect]. St.-Petersburg, 1892.
- (3) Kaufman A.A. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общественной жизни в Западной Сибири, *Trudy vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva* [Works of the free economic society], 1891, no. 4, pp. 13–16; Shnejder A.R., Dobrova-Jadrinceva L.N. *Naselenie Sibirskogo kraja (russkie i tuzemcy)* [The population of the Siberian region (expats and natives)]. Novosibirsk, 1928.
- (4) Gromyko M.M. *Zapadnaya Sibir' v XVIII v. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie* [Western Siberia in XVIII century Russian population and agricultural development]. Novosibirsk, 1965; Lipinskaja V.A. *Starozhily i pereselency. Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka* [Old-timers and immigrants. Russian Altai. XVIII – XX centuries]. – М., 1996; Minenko N.A. *Istoriya kul'tury russkogo krest'yanstva Sibiri v period feodalizma* [History of culture of the Russian peasantry Siberia during feudalism]. – Novosibirsk, 1986; Fursova E.F. *Traditsionnaya odezhda russkikh krest'yan-starozhilov Verkhnego Priob'ya (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Traditional clothes of Russian peasant Top Ob's oldest (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk, 1997; Shelegina O.N. *Ocherki material'noy kul'tury russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri (XIII – pervaya polovina XIX v.)* [Features of material culture of Russian peasants of Western Siberia (HHŠ – first half of 19th century)]. Novosibirsk, 1992; Shcheglova T.K. *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraja v XX veke. Ustnaya istoriya* [The village and the peasantry of the Altai region in the 20th century. Oral history]. Barnaul, 2008.
- (5) Bojarshinova Z.Ja. *Zapadnaja Sibir' nakanune prisoeдинeniya k Rossii* [West Siberia before joining Russia]. Tomsk, 1967, p. 21.

- (6) Skrynnikov R.G. *Sibirskaja jekspedicija Ermaka* [Siberian expedition of Yermak]. Novosibirsk, 1986, p. 3.
- (7) Cit. po: Kolesnikov A.D. *Iz istorii zaselenija Srednego Priirtysh'ja. Izvestija Omskogo otdela GO SSSR* [From the history of the settlement Middle Irtysh region]. Omsk, 1963, no. 5, p. 138.
- (8) *Poezdka v Sibir' i Povolzh'e. Zapiska P.A. Stolypina i A.V. Krivosheina* [A trip to Siberia and the Volga region. Note by P.A. Stolypin and A. Krivoshein]. St.-Petersburg., 1911, p. 18, 115.
- (9) *Sibir' v sostave rossijskoj imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow, 2007, p. 24.
- (10) Sigutov P.T. Nekotorye voprosy geografii sel'skogo naselenija Omskoj oblasti, *Izvestija Omskogo otdelenija GO SSSR* [News of Omsk branch of TH USSR]. Omsk, 1967, no. 7, p. 113.
- (11) *Tobol'skij filial Gosudarstvennogo arkhiva Tyumenskoy oblasti* [Tobolsk branch of the State archive of Tyumen region]. F. 417. Op. 1. D. 408. L. 52–54.
- (12) *Sibir' v sostave rossijskoj imperii...* [Siberia in the Russian Empire...], p. 28.
- (13) *Lichnyj arhiv avtora* [The author's personal archive].
- (14) Skljarov L.F. *Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reform* [Relocation and land in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. London, 1962, p. 152.
- (15) *Aziatskaja Rossija* [Asian Russia]. St.-Petersburg, 1914, vol. 1, p. 414.
- (16) Lipinskaja V.A. *Starozhily i pereselency...* [Old-timers and immigrants...], p. 7.
- (17) Budarin M.E. Podvig russkogo naroda v preobrazhenii Sibiri v period massovogo pereselenija (1894–1914 gg.), *Russkij vopros: istorija i sovremennost'* [Russian question: history and modernity]. Omsk, 1998, p. 55.
- (18) Zhigunova M.A. *Etnokul'turnye protsessy i kontakty u russkikh Srednego Priirtysh'ja vo vtoroy polovine XX v.* [Ethno-cultural processes and contacts with Russian Middle Irtysh region in the second half of the XX century]. Omsk, 2004, p. 73.
- (19) Shelegina O.N. *Jetapy adaptacii russkogo naselenija v Sibiri. Russkij vopros: istorija i sovremennost'* [Stages of adaptation of the Russian population in Siberia]. Omsk, 2006, pp. 253–255.
- (20) Anikin A.E. *Jetimologičeskij slovar' russkikh dialektov Sibiri* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk, 1997; Chekmareva L.P. K probleme iskazhenija russkoj dikcionnoj kul'tury zapadnosibirskogo regiona pod vlijaniem migracionnyh processo, *Rossija i Vostok: Istorija i kul'tura* [Russia and the East: history and culture]. Omsk, 1997, pp. 247–249.
- (21) *Tjumenskaja oblast': narody, jazyki, kul'tury* [The Tyumen region: peoples, languages, cultures]. Tjumen', 2007, p. 17.
- (22) Liven D. Rossija kak imperija: sravnitel'naja perspektiva, *Evropejskij opyt i prepodavanje istorii v postsovetskoj Rossii* [European experience and the teaching of history in post-Soviet Russia]. Moscow, 1999, p. 273.
- (23) Remnev A.V., Suvorova N.G. Kolonizacija Sibiri XVIII – nachala XX vekov: impersko-i naciostroitel'stvo na vostočnoj okraine Rossijskoj imperii, *Istorija. Antropologija. Kul'turologija* [History. anthropology. Culturology]. Omsk, 2003, p. 53.
- (24) Kryzhanovskij S.E. Zametki russkogo konservatora, *Voprosy istorii* [Questions of the history], 1997, no. 4, p. 113.

**RUSSIAN IMMIGRANTS IN SIBERIA:
ETHNIC AND CULTURAL ASPECT**

M.A. Zhigunova

Sector of Ethnography

Omsk branch of the Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Marx Avenue, 15/1, Omsk, Russia, 644010

The article is devoted to the history and ethnic and cultural specificity of Russian immigrants in Western Siberia. The author analyses the changes in their economy and way of life during the late 19th – early 21st centuries, modern ethnic and cultural preferences. The article considers the adaptation process and influence of various cultural traditions, the main factors that led to their extreme diversity.

Key words: Russian culture, Siberia, immigrants, adaptation, food, inter-ethnic contacts, tradition, modernity.

**ГЕНДЕРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАБАРДИНСКОГО ВРЕМЕННОГО СУДА
(1822–1858 ГГ.))***

А.Х. Абазов

Отдел исторических наук
Институт гуманитарных исследований Правительства
Кабардино-Балкарской республики
и Кабардино-Балкарского научного центра
ул. Пушкина, 18, Нальчик, Россия, 360003

В статье исследуется гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев в 20–50-е гг. XIX в. На основе анализа материалов Кабардинского временного суда дается характеристика наиболее типичных для того времени общественных отношений с участием женщин. Делается вывод, что административно-судебная реформа 1822 г. повлекла за собой существенные изменения правового статуса кабардинских женщин.

Ключевые слова: кабардинцы, соционормативная культура, гендерные отношения, Кабардинский временный суд.

Исследование трансформации гендерного элемента соционормативной культуры кабардинцев во второй четверти XIX в. имеет важное значение для понимания особенностей интеграции Кабарды в правовое пространство Российской империи. В этом плане соционормативная культура понимается как система институтов, принципов, норм поведения, адаптивных технологий в области права и морали (1). Целью работы является определение основных векторов трансформации гендерного аспекта соционормативной культуры кабардинцев в 20–50-е гг. XIX в. по материалам Кабардинского временного суда.

Вопросы регулирования взаимоотношений между мужчинами (*адыгэлл*) и женщинами (*адыгэ цыхубз*) являлись важным элементом традиционной соционормативной культуры кабардинцев. С.Х. Мафедзев отмечал, что «без их достаточно подробного знания трудно понять многие стороны как семейно-бытовой, так и общественной жизни [кабардинцев]» (2).

Взаимоотношения мужчин и женщин регулировались совокупностью морально-этических норм «*цыхум и нэмыс*» (совесть человека). Л.Х. Сабан-

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Женщины Северного Кавказа: прошлое приближает настоящее» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (мероприятие 1.1). Государственный контракт № 14.В37.21.0013.

чиева отмечала, что категория «*цӀыхум и нэмыс*» определяет «этический иммунитет личности, при котором устанавливается равенство всех людей перед хабзэ» (3). Некоторые аспекты регулирования гендерных отношений в традиционном кабардинском обществе закреплены в сводах обычаев и традиций, в частности, в «Постановлении о сословиях в Кабарде» (1785), «Народное условие, сделанное 1807 г., июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев» и «Полное собрание кабардинских древних обрядов» (1844) и т.п. Это дает основание говорить о том, что в течение длительного периода у кабардинцев были выработаны ряд устойчивых императивов, отражающих сущность гендерных отношений до начала российского влияния в регионе.

С учреждением Кабардинского временного суда в 1822 г. соционормативная культура кабардинцев подверглась существенным изменениям. Во-первых, стали активно внедряться принципы организации судебной системы, функционировавшие в первой половине XIX в. в большинстве регионов Российской империи. Во-вторых, на этом фоне существенно изменилось соотношение адата, шариата и российского законодательства в системе регулирования общественных отношений. В кабардинском временном суде по нормам обычного права разбирались все гражданские споры между кабардинцами, а также иски, подаваемые на них представителями других народов (4). По шариату рассматривались религиозные и семейные споры, а также дела, по которым не было достаточных улик, достоверных свидетельств и письменных доказательств (5).

Уголовные дела были отнесены к компетенции российских военных судов и рассматривались по законам Российской империи. Однако некоторые неумышленные убийства и ранения, которые не представляли особой важности, с дозволения властей разбирались по нормам обычного права кабардинцев (6). Все это качественно повлияло на трансформацию гендерных отношений у кабардинцев.

Судебные дела с участием женщин, находившиеся в производстве Кабардинского временного суда, можно условно разделить на две основные группы. К первой группе относятся дела, инициаторами которых были женщины. Ко второй – дела, в которых женщины не являлись истицами, но в которых напрямую затрагивались их права и интересы.

Материалы, в которых женщины являлись заявителями, составляют небольшую часть процессуальной практики Кабардинского временного суда. С его учреждением женщины приобрели право самостоятельно или через представителей обращаться в суд с исковыми заявлениями. В материалах суда женщины фигурировали в качестве заявительниц по следующим категориям дел: получения материальных компенсаций за убийства и ранения своих подвластных, об определении права и очередности наследования, вторичном закрепощении, о восстановлении нарушенных имущественных прав, связанных с владением крепостными крестьянами и рабами, праве пользо-

вания земельными участками, калыме и приданном и т.п. С исками в Кабардинский временный суд обращались в основном представительницы привилегированных сословий.

При исследовании трансформации гендерного фактора соционормативной культуры кабардинцев в 20–50-е гг. XIX в. наибольший интерес представляет дело Кабардинского временного суда о разделе имущества умершего в 1829 г. кабардинского князя Кучука Джанхотова, в котором в качестве основных истцов выступали его дочери княгини Химсад Туганова и Кабахан Наурузова (7). Решение этого спора затянулось на 15 лет (с 1831 по 1846 г.), поскольку дело было осложнено рядом обстоятельств и находилось под особым контролем высшего военного начальства в регионе (8).

На наследство К. Джанхотова помимо дочерей претендовали еще и его сын Пшемахо, две жены, сестра, вышедшая замуж за князя Ахлово, дочь брата Крым-Гирея, двоюродный брат Алхас Мисостов, сыновья двоюродного брата Алексея Мисостова – Петр, Михаил, Александр, Бекмурза. Спор обострился через несколько лет, когда не осталось прямых наследников после смерти Пшемахо. После этого Кабардинский временный суд начал длительные и многочисленные проверки соответствия предъявленных претензий на наследство каждым из участников процесса с нормами обычного права кабардинцев и гражданским законодательством Российской империи. В ходе многочисленных судебных разбирательств судьи несколько раз отказывал дочерям К. Джанхотова в исках, «ссылаясь на то, что они по обычаям не вправе получать наследственные доли из недвижимости отца» (9). На что сестры Химсад и Кабахан потребовали от суда, чтобы им выделили земли не по нормам обычного права кабардинцев, а по российским законам – за особые заслуги их отца перед российскими властями (10).

Другие наследники также приводили различные аргументы, доказывая свои права на наследство. В итоге администрация «признала наследственные права родственников умершего Кучука Джанхотова и с их согласия отвела земли под поселения казачьего полка» (11). Все наследники получили денежные выплаты в качестве компенсации за отчужденные родовые земли. В контексте нашего исследования этот случай подчеркивает статус женщины в решении сложных вопросов политического и правового характера. Несмотря на то, что подобные случаи в то время были единичными, сам факт признания равного положения мужчин и женщин со стороны членов Кабардинского временного суда является одним из важных маркеров трансформации гендерного фактора соционормативной культуры кабардинцев в 20–50-е гг. XIX в.

Наиболее ярким примером для нашего исследования является дело об убийстве прапорщика князя Хатажуки Наурузова (12). Следствие установило, что убийцей был прапорщик князь Бекмурза Докшукин. Однако по решению властей в виду особых заслуг Б. Докшукина это дело было изъято из подсудности полевого аудиториата (военное судебное учреждение. – *Авт.*) отдельного Кавказского корпуса и передано на рассмотрение посредничес-

кого (медиаторского) суда по нормам кабардинского обычного права или шариата. С таким решением были не согласны родственники убитого (в их числе была и вдова князя К. Наурузова), которые настаивали на разбирательстве дела по российским законам (13).

В материалах Кабардинского временного суда были зафиксированы также случаи, когда женщины выступали в качестве получателей материальной компенсации за убийства и ранения своих подвластных. Например, в 40-е гг. XIX в. та же княгиня К. Наурузова в своем исковом заявлении, поданном в Кабардинский временный суд, потребовала за кровь вольноотпущенника взыскать материальную компенсацию в размере 1000 руб. серебром, с чем убийца согласился в ходе разбирательства (14). Кроме этого К. Наурузова неоднократно подавала в Кабардинский временный суд иски по спорам о праве собственности на крестьян (15) и сама участвовала в качестве истицы в земельных спорах (16).

Обращает на себя внимание и категория бракоразводных дел, по которым помимо прочего регулированию подлежали и имущественные споры сторон. Наиболее типичными были споры, когда при разводе, инициированном женщиной или ее родственниками, возврату подлежала часть калыма – *уасэ Ихьэ* (17). Иногда в Кабардинский временный суд по этой категории дел поступали жалобы от кабардинцев на решения медиаторских судов (18). Члены Кабардинского временного суда в таких случаях проверяли все обстоятельства дела, соответствие принятого медиаторами решения действовавшим в тот момент нормам обычного права, после чего выносили собственное решение.

В особую категорию дел Кабардинского временного суда с участием кабардинских женщин относятся споры, связанные с так называемым вторичным закрепощением. Сущность вторичного закрепощения заключается в том, что в рассматриваемый период обнищавшие вольноотпущенники (азаты) под различными предложениями попадали в крепостную зависимость к своим бывшим владельцам. Зачастую в это время владельцы использовали каждый удобный случай для возобновления крепостнических отношений. Мотивация для предъявления исков была самой разнообразной, хотя в большинстве своем сводилась к невозможности вольноотпущенников доказать правомерность приобретения своего статуса.

Особенностью этой категории дел в контексте нашего исследования выступает то обстоятельство, что в Кабардинском временном суде споры решались как по искам женщин, так и в отношении женщин. В этом плане особый интерес представляет дело об определении статуса крестьянина А., который в начале 20-х гг. XIX в. был подарен князю К. Джанхотову. В материалах Кабардинского временного суда было зафиксировано, что К. Джанхотов назначил этого крестьянина на должность табунщика и через некоторое время в благодарность за преданную службу «даровал ему с семейством вольность», что было сопровождено «актом на арабском диалекте» (19).

После смерти К. Джанхотова вольноотпущенный А. остался жить в ауле К. Наурузовой. Спустя некоторое время она предъявила претензию в адрес семьи А., называя всех ее членов своими крепостными. Первоначально крепостница подала иск на имя начальника центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского, но «по рассмотрению дела он признал претензию княгини Наурузовой необосновательной и в иске ей отказал» (20). В 1844 г. княгиня Наурузова повторно обратилась с аналогичной просьбой уже к другому начальнику центра Кавказской линии князю Голицыну. 24 октября 1844 г. члены Кабардинского временного суда определили, чтобы А. «с семейством своим был вечно вольным и в назначенный срок переселился бы на жительство в аул княгини Наурузовой с тем, однако же, что если княгиня Наурузова будет делать ему какое-либо притеснение, то он вправе переселиться от нее, куда пожелает» (21).

Но К. Наурузова искала другие способы закрепить эту семью. В 1849 г. первый их владелец дворянин А. по настоянию княгини подал прошение на имя кавказского наместника. Однако в этом же году по решению Кабардинского временного суда, заверенного генерал-майором князем Эрстовым, А. было отказано в иске (22). В результате этой тяжбы, длившейся более двадцати лет, А. и все члены его семьи «получили вечную и потомственную свободу» (23).

В целом, вторичное закрепощение вольноотпущенников их бывшими владельцами (либо их прямыми наследниками или родственниками по боковой линии) во второй четверти XIX в. было нередким явлением. Не имея документа, подтверждавшего вольность («отпускную»), кабардинские азаты находились под постоянной угрозой вторичного закрепощения. В материалах Кабардинского временного суда по этой категории дел при вынесении судебных решений не прослеживалось каких-либо различий в социальном и правовом статусах мужчин и женщин, в каком бы качестве они не принимали участие в судебном процессе.

Значительный корпус материалов Кабардинского временного суда составляют дела о различного рода правонарушениях, совершенных женщинами, и дела, в которых объектом правонарушений были права и интересы женщин. При этом дела об убийствах и ранениях женщин рассматривались в Кабардинском временном суде вне зависимости от сословной принадлежности (24).

Особую группу судебных разбирательств составляли дела о нарушении женщинами норм половой морали. Отличительной чертой этого этапа развития соционормативной культуры кабардинцев от предыдущих является нивелирование сословного принципа определения размера материальной компенсации за их совершение. Например, до начала распространения российского законодательства в регионе вступление в половую связь владельца со своей крепостной не рассматривалось как преступление (25), а за изнасилование кабардинцем – представителем привилегированного сословия кре-

постной крестьянки, принадлежавшей другому владельцу, назначалась материальная компенсация в пользу последнего. Тогда как такие формы регулирования этих отношений во время функционирования Кабардинского временного суда уже не применялись в прежнем виде.

Во-первых, объектом правонарушения становилась половая свобода представительниц всех сословий кабардинского общества. Во-вторых, материальные компенсации в пользу владельца пострадавшей, если ею являлась крепостная крестьянка, были заменены штрафами, часть которых поступала в Кабардинскую общественную сумму.

Так, например, в середине XIX в. судьи по делу «об изнасиловании узденем (так называли представителей привилегированных сословий. – *Авт.*) Ц. крепостной» решили взыскать с правонарушителя штраф «в 40 руб. пополам владельцу и на пополнение Кабардинской общественной суммы» (26). Подобные случаи являются наглядными примерами изменения характера гендерных отношений в кабардинском обществе после включения Кабарды в состав Российской империи.

К этой же категории относились и дела о переводе по решению суда женщин, совершивших правонарушение, в низшую сословную группу. Для их обозначения кабардинцы использовали термин «*хабзэншэ*». «Хабзэншэ – это сложное кабардинское слово, состоящее из «хабзэ» – обычай, адат, и «ншэ» – нарушать, а в целом «адатонарушитель» (27). Категорию хабзэншэ в традиционном кабардинском обществе составляли «преимущественно девушки-*унаутки*, лишенные всех прав и личной собственности за нарушение этикета двора или оскорбление князя (курсив наш. – *А.А.*)» (28).

Кабардинский временный суд в своей практике часто использовал эту меру воздействия на правонарушителей для предупреждения и урегулирования межсословных конфликтов. За совершение неоднократных преступлений, неспособность преступника к исправлению и за неповиновение крепостных крестьян своим владельцам принимались решения о «продаже в рабство». С учреждением Кабардинского временного суда эти трансформации привели к нарастанию сословного антагонизма в кабардинском обществе. Участились случаи неповиновения крепостных крестьян своим владельцам. В свою очередь, владельцы, не прибегая к традиционным формам решения подобных конфликтов, предпочитали обращаться в Кабардинский временный суд с исковыми заявлениями против своих подвластных (29). Крепостным крестьянам объявлялось, что «ежели они по сим не будут повиноваться своему владельцу, то будут лишены холопских прав» (30).

Кроме того, в отношении женщин такой вид наказаний часто применялся за нарушение ими супружеской верности или неповиновение мужу. В адатах кабардинцев было зафиксировано, что «если холопка не слушается мужа своего и ведет жизнь распутно, тогда объявляют о сим родным ея, которые имеют право возратить калым за нее полученный, а ее взять обратно; если же они этого не пожелают, то *обрацают ее в унаут и продают* (курсив наш. – *А.А.*)»

и сверх калыма вырученную сумму делят пополам между родными ея и господином» (31). Эта норма часто применялась в практике Кабардинского временного суда. Например, «в 1844 г. уздень Алий К. занес во временный суд жалобу, что холопка его А. выходит из повиновения, ослушивается мужа своего и ведет распутную жизнь. О чем он жаловался еще в 1843 г.» (32).

В журнальном постановлении по делу о порабощении «волной кабардинки Н. узденем К.» было определено: «Послать родственника ее Казыра с крикуном Атажукинской фамилии Тату для увещания ее и объявления, что если она не исправится, то лишится прав холопки и будет обращена в унаут, то есть горничные» (33). Новаторством в соционормативной культуре кабардинцев этого периода является то, что вследствие перевода правонарушителя в более низшую сословную категорию владельцам запрещалось продавать их за пределы Кабарды и дробить семьи (34). При этом не утратила регулятивных функций норма, согласно которой при продаже сами крепостные «по своему выбору могли находить покупателя» (35).

В контексте нашего исследования необходимо выделить также дела по спорам, возникавшим при совершении сделок купли-продажи женщин-унауток. Во второй четверти XIX в. сделки по купле-продаже крепостных крестьян и унаутов подлежали обязательной регистрации в специальной книге, заведенной для этих дел при Кабардинском временном суде. Это правило было введено в Кабарде начальником центра Кавказской линии Голицыным в 1844 г. (36). Его несоблюдение являлось основанием для признания сделки недействительной, как, например, в деле «о продаже Ж. “холопки” Пхумахи Кушхову» (37).

Из содержания журнального постановления Кабардинского временного суда по этому делу следует, что кабардинец Тату К. купил у жителя аула Трамова Шаукары Ж. рабыню за 800 руб. ассигнациями. Одним из условий этого договора был 15-дневный испытательный срок. Если по его истечении покупатель не замечал «в рабыне каких-нибудь пороков», сделка считалась состоявшейся (38).

Однако через пять дней после приобретения унаутки Тату К. умер, а его сын Хатакшуко обратился в Кабардинский временный суд с иском о признании сделки недействительной и с требованием о возвращении уплаченной за «рабыню» суммы. В справке, приобщенной судом к материалам этого дела, было указано, что «о продаже и покупке этой женщины не было предъявлено [сведений] в кабардинском суде, а по введенному порядку в обряде, каждый продавец и покупатель обязаны предъявить в суд для занесения в книгу, на сей предмет заведенную» (39). На основании чего члены Кабардинского временного суда признали эту сделку недействительной и постановили «холопку Пхумахо возвратить кабардинцу Ж., а просителю К. предоставить право получить заплаченные продавцу деньги 800 руб. ассигнациями» (40).

Иногда Кабардинский временный суд затрагивал вопросы личной свободы женщин в ходе решения споров об имуществе и подвластных мигрировавших за пределы Кабарды кабардинцев в 20–50-х гг. XIX в. Согласно российским законам того времени жители, покинувшие Кабарду без разрешения начальства, считались «абреками». Они теряли свой социальный статус и все имущественные права на территории Кабарды. Их подвластные приобретали свободу. По этой категории дел в практике Кабардинского временного суда интересы женщин являлись объектом регулируемых отношений (41), однако гендерный фактор в данном случае не являлся определяющим. Подвластные «абреков» приобретали свободу вне зависимости от своей половой принадлежности. Для исследования особенностей трансформации гендерных отношений наибольший интерес представляют последствия, которые влекло за собой придание статуса «абрека» мигрировавшим за пределы Кабарды жителям. Приобретавшие свободу их подвластные становились полноправными субъектами общественных отношений.

Таким образом, с учреждением Кабардинского временного суда нововведения в сфере правовых отношений повлекли за собой существенные трансформации гендерного элемента соционормативной культуры кабардинцев. С одной стороны, это выражалось в том, что по некоторым категориям дел женщины становились полноправными участниками судебного процесса, что было нехарактерно для традиционного кабардинского общества, с другой – при разрешении некоторых конфликтов с применением традиционных форм был нивелирован их гендерный принцип. Кроме того, появились новые виды правоотношений, ранее не функционировавшие в Кабарде. В результате гендерные отношения в рассматриваемый период стали функционировать в новом формате соционормативной культуры, сочетавшей в себе элементы обычного права кабардинцев, шариата и российского законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Губогло М.Н.* Информационный бюллетень «От языка межнационального общения к общегражданскому языку солидарности. Этнологические очерки» // http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/mn_guboglo.html
- (2) *Мафедзев С.Х.* Статус женщины в системе адыгэ хабзэ // *Эльбрус*. – Нальчик, 1999. – № 2. – С. 198.
- (3) *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е гг. XIX в.). – Нальчик, 2005. – С. 101.
- (4) *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // *Сборник сведений о кавказских горцах* (далее – ССКГ). – Вып. IV. – Тифлис, 1870. – С. 1–72; *Кокиев Г.А.* Кабардинский временный суд // *История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева*. – Нальчик, 2005. – С. 602–608; *Букалова В.М.* Кабардинский временный суд // *Архив Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (Архив КБИГИ)*. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 57; *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX в.) // *Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института*. – Т. 19. – Нальчик, 1963. – С. 90–101; *Гарданов В.К.* Введение // *Мат-лы по обычному праву*

- кабардинцев (первая половина XIX в.). – Нальчик, 1956. – С. 10–20; *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX века. – Нальчик, 2000; *Абазов А.Х.* К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // *Архивы и общество.* – Вып. 3. – Нальчик, 2007. – С. 50–57.
- (5) См.: п. 21 «Наставления временному суду, учрежденному в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особых правил» // *Антология памятников права народов Кавказа.* – Т. 1. – Ростов-на-Дону. – 2009. – С. 144.
 - (6) *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. – Вып. 1. – Одесса, 1882. – С. 268.
 - (7) Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 406. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 49–52; Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). – Ф. И-40. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 16 об.; Цит. по: *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). – Нальчик, 1991. – С. 82–83.
 - (8) См.: *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев... – С. 82–84.
 - (9) Там же. – С. 83.
 - (10) Там же.
 - (11) Там же.
 - (12) ЦГА КБР. – Ф. И-23. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 15–16.
 - (13) Там же. – Л. 15.
 - (14) Архив КБИГИ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 191.
 - (15) Материалы по обычному праву кабардинцев... – С. 280–299.
 - (16) ЦГА КБР. – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 2124. – Л. 282. *CGA KBR [CSA KBR].* – F. I-16. – Op. 1. – D. 2124. – L. 282; Цит. По: *Букалова В.М.* Кабардинский временный суд... – С. 33.
 - (17) *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор... – С. 170.
 - (18) Документы по истории адыгов в 20–50-е гг. XIX в. (по мат-лам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик, 2011. – С. 45.
 - (19) Мат-лы по обычному праву кабардинцев... – С. 294.
 - (20) Там же. – С. 294.
 - (21) Там же. – С. 296.
 - (22) Там же.
 - (23) Там же. – С. 298.
 - (24) ЦГА КБР. – Ф. И-23. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 1.
 - (25) *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // *Сб. сведений о кавказских горцах.* – Вып. 4. – Тифлис, 1870. – С. 42.
 - (26) ЦГА КБР. – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 1262. – Л. 2 об.
 - (27) Архив КБИГИ. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 66. – Л. 25.
 - (28) *Кешоков А.* Некоторые вопросы истории Кабарды // *Сб. ст. по истории Кабарды.* – Вып. 1. – Нальчик, 1951. – С. 6.
 - (29) См. напр.: ЦГА КБР. – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 11; Цит. по: *Букалова В.М.* Кабардинский временный суд... – С. 25.
 - (30) Архив КБИГИ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 139.
 - (31) Архив КБИГИ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 45; Народное условие, сделанное июля 10 года 1807 после прекращения в Кабарде заразы в отмену прежних обычаев // *Правовые нормы...* – С. 59; Мат-лы по обычному праву кабардинцев... – С. 231; *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев... – С. 112; *Мусукаев А.И., Перциц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1992. – С. 35.

- (32) ЦГА КБР. – Ф. И-23. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 5. *CGA KBR [CSA KBR]*. – Ф. I-23. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 5; Цит. по: Букалова В.М. Кабардинский временный суд... – С. 14.
- (33) Мат-лы по обычному праву кабардинцев... – С. 231.
- (34) Из истории Кабардинского временного суда... – С. 30.
- (35) Крестьянская реформа в Кабарде... – С. 89; Цит. по: Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев... – С. 77.
- (36) Мат-лы по обычному праву кабардинцев... – С. 419.
- (37) Там же. – С. 312.
- (38) Там же.
- (39) Там же.
- (40) Там же.
- (41) ЦГА КБР. – Ф. И-23. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 1; Там же. – Д. 45. – Л. 7; Там же. – Д. 133. – Л. 1.

NOTES

- (1) Guboglo M.N. *Informacionnyj bjulleten' «Ot jazyka mezhnacional'nogo obshhenija k obshhegrazhdanskomu jazyku solidarnosti. Jetnologicheskie ocherki»* [The newsletter «From the language of international communication to all-civil language of solidarity. Ethnological sketches»], Available at: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/mn_guboglo.html
- (2) Mafedzev S.H. *Status zhenshhiny v sisteme adygje habzje* [The status of the woman in system the adige habze]. Jel'brus, Nal'chik, 1999, no. 2, p. 198.
- (3) Sabanchieva L.H. *Gendernyj faktor tradicionnoj kul'tury kabardincev (vtoraja polovina XVI – 60-e gg. XIX v.)* [The gender factor of traditional culture of Kabardians (the second half of XVI – the 60th of the XIX century)]. Nal'chik, 2005, p. 101.
- (4) Grabovskij N.F. *Ocherk suda i ugovolnyh prestuplenij v kabardinskom okruge. Sbornik svedenij o kavkazskih gorcev (SSKG)* [The sketch of court and criminal offenses in the Kabardian district. The collection of data on the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1870, no. 4, pp. 1–72; Kokiev G.A. *Kabardinskij vremennyj sud. Istorija Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva* [The Kabardian temporary court. The history of Kabardino-Balkaria in G.A. Kokiyev's works]. Nal'chik, 2005, pp. 602–608; Bukalova V.M. *Kabardinskij vremennyj sud. Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva KBR i KBNC RAN (Arhiv KBIGI)* [The Kabardian temporary court. Archive of the Institute of humanitarian researches of the Government of KBR and KBSC of RAS (Arhiv KBIGI)]. F. 1. Op. 5. D. 57; Kumykov T.H. *Iz istorii sudebnyh uchrezhdenij Kabardino-Balkarii (konec XVIII – XIX v.). Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [From the history of legal agencies of Kabardino-Balkaria (the end of the XVIII–XIX century). Scientific notes of the Kabardino-Balkarian researchs institute]. Nal'chik, 1963, vol. 19, pp. 90–101; Gardanov V.K. *Vvedenie. Materialy po obychnomu pravu kabardincev (pervaja polovina XIX veka)* [Introduction. The materials of a common law of Kabardians (the first half of the XIX century)]. Nal'chik, 1956, pp. 10–20; Dumanov H.M., Ketov Ju.M. *Adygje habzje i sud v Kabarde vo vtoroj polovine XVIII–XIX veka* [The adige habze and court in Kabarda in the second half of the XVIII–XIX century]. Nal'chik, 2000; Abazov A.H. *K voprosu o dejatel'nosti Kabardinskogo vremennogo suda. Arhivy i obshhestvo* [To a question of activity of the Kabardian temporary court. Archives and society]. Nal'chik, 2007, no. 3, pp. 50–57.
- (5) См.: p. 21 «*Nastavlenija vremennomu sudu, uchrezhdennomu v Kabarde dlja razbora del mezhdru kabardincami, vpred' do izdanija osobyh pravil*» *Antologija pamjatnikov*

- prava narodov Kavkaza* [«The manuals to the temporary court founded in Kabarda for analysis of affairs between Kabardians, until the edition of special rules». Anthology of monuments of the right of the people of the Caucasus]. Rostov-na-Donu, 2009, vol. 1.
- (6) Leontovich F.I. *Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Vostochnogo i Severnogo Kavkaza* [The adats of the Caucasian mountaineers. The materials of a common law of East and North Caucasus]. Odessa, 1882, no. 1, p. 268.
 - (7) *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK)* [The State archive of Stavropol Krai (SASK)]. F. 406. Op. 1. D. 119. L. 49–52; *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki (CGA KBR)* [Central state archive of Kabardino-Balkar Republic (CSA KBR)]. F. I-40. Op. 1. D. 1. L. 16ob.; Cit. po: Dumanov H.M. *Social'naja struktura kabardincev v normah adata (pervaja polovina XIX v.)* [The social structure of Kabardians in norms of an adat (the first half of the XIX century)]. Nal'chik, 1991, pp. 82–83.
 - (8) Dumanov H.M. *Social'naja struktura kabardincev...* [The social structure of Kabardians...], pp. 82–84.
 - (9) Tam zhe [Ibid.], p. 83.
 - (10) Tam zhe [Ibid.]
 - (11) Tam zhe [Ibid.]
 - (12) *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-23. Op. 1. D. 87. L. 15–16.
 - (13) Tam zhe [Ibid.]. L. 15.
 - (14) *Arhiv KBIGI* [Arhiv KBIGI]. F. 1. Op. 2. D. 6. L. 191.
 - (15) *Materialy po obychnomu pravu kabardincev...* [The materials of a common law of Kabardians...], pp. 280–299.
 - (16) *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-16. Op. 1. D. 2124. L. 282; Cit. po: Bukalova V.M. *Kabardinskij vremennyj sud...* [The Kabardian temporary court...], p. 33.
 - (17) Sabanchieva L.H. *Gendernyj faktor...* [The gender factor...], p. 170.
 - (18) *Dokumenty po istorii adygov v 20–50-e gg. XIX v. (po materialam CGA KBR)* [Documents of history of Adyghe in the 20–50th of the XIX century (of materials CSA KBR)]. Originator Z.M. Kesheva, Nal'chik, 2011, p. 45.
 - (19) *Materialy po obychnomu pravu kabardincev...* [The materials of a common law of Kabardians...], p. 294.
 - (20) Tam zhe [Ibid.], p. 294.
 - (21) Tam zhe [Ibid.], p. 296.
 - (22) Tam zhe [Ibid.]
 - (23) Tam zhe [Ibid.], p. 298.
 - (24) *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-23. Op. 1. D. 75. L. 1.
 - (25) Grabovskij N.F. *Ocherk suda i ugovnyh prestuplenij v Kabardinskom okruge. Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [The sketch of court and criminal offenses in the Kabardian district. The collection of data on the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1870, no. 4, p. 42.
 - (26) *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-16. Op. 1. D. 1262. L. 2 ob.
 - (27) *Arhiv KBIGI* [Arhiv KBIGI]. F. 1. Op. 5. D. 66. L. 25.
 - (28) Keshokov A. Nekotorye voprosy istorii Kabardy, *Sbornik statej po istorii Kabardy* [Collection of articles on the history of Kabarda]. Nal'chik, 1951, no. 1, p. 6.
 - (29) Sm., naprimer: *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-16. Op. 1. D. 115. L. 11; Cit. po: Bukalova V.M. *Kabardinskij vremennyj sud...* [The Kabardian temporary court...], p. 25.
 - (30) *Arhiv KBIGI* [Arhiv KBIGI]. F. 1. Op. 2. D. 6. L. 139.
 - (31) *Arhiv KBIGI* [Arhiv KBIGI]. F. 1. Op. 2. D. 6. L. 45; *Narodnoe uslovie, sdellanoe ijulja 10 goda 1807 posle prekrashhenija v Kabarde zarazy v otmenu prezhnih obychaev. Pra-*

vovye normy... [The national condition, made July of the 10th year 1807 after the termination in Kabarda infections in cancellation of former customs. Rules of law...], p. 59; *Materialy po obychnomu pravu kabardincev...* [The materials of a common law of Kabardians...], p. 231; Dumanov H.M. *Social'naja struktura kabardincev...* [The social structure of Kabardians...], p. 112; Musukaev A.I., Pershhič A.I. *Narodnye tradicii kabardincev i balkarcev* [The national traditions of Kabardians and Balkars]. Nal'chik, 1992, p. 35.

- (32) *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-23. Op. 1. D. 36. L. 5; Cit. po: Bukalova V.M. *Kabardinskij vremennyj sud...* [The Kabardian temporary court...], p. 14.
- (33) *Materialy po obychnomu pravu kabardincev...* [The materials of a common law of Kabardians...], p. 231.
- (34) *Iz istorii Kabardinskogo vremennogo suda...* [From the history of the Kabardian temporary court...]. – P. 30.
- (35) Krest'janskaja reforma v Kabarde... [The country reform in Kabarda], p. 89; Cit. po: Dumanov H.M. *Social'naja struktura kabardincev...* [The social structure of Kabardians...], p. 77.
- (36) *Materialy po obychnomu pravu kabardincev...* [The materials of a common law of Kabardians...], p. 419.
- (37) Tam zhe [Ibid.], p. 312.
- (38) Tam zhe [Ibid.].
- (39) Tam zhe [Ibid.].
- (40) Tam zhe [Ibid.].
- (41) *CGA KBR* [CSA KBR]. F. I-23. Op. 1. D. 19. L. 1; Tam zhe [Ibid.]. D. 45. L. 7; Tam zhe [Ibid.]. D. 133. L. 1.

GENDER ELEMENT OF STANDARD CULTURE OF KABARDIANS (ON MATERIALS OF KABARDIAN TEMPORARY COURT (1822–1858s))

A.H. Abazov

Department of Historical Sciences,
Institute of Humanitarian Researches
of the Government of the Kabardino-Balkar republic
and Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian Academy of Sciences
Pushkin St., 18, Nalchik, Russia, 360003

The article is devoted to the gender element of standard culture of Kabardians in the 20–50s of the XIX century. On the basis of the materials analysis of the Kabardian temporary court the author gives the characteristic of the most typical public relations of that time with participation of women. The author concludes that the 1822 administrative and judicial reform caused considerable changes of the legal status of Kabardian women.

Key words: Kabardians, standard culture, gender relations, Kabardian temporary court.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА БАЛКАНАХ (1920–1930-Е ГГ.)

А.А. Головкин

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Михлухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности предпринимательской деятельности русской эмиграции на Балканах в 1920–1930-е гг. В этой связи освещаются проблемы правового статуса эмигрантов, вопрос происхождения стартового капитала. Автором анализируются характер мелкого, среднего и крупного бизнеса на Балканах в среде русской эмиграции, а также роль общественных эмигрантских объединений в стимулировании предпринимательской деятельности. В заключение анализируется роль предпринимателей в процессе адаптации русских беженцев на Балканах.

Ключевые слова: русская эмиграция, Балканы, предприниматели, адаптация, бизнес, русское зарубежье, беженцы.

История предпринимательства в среде русской эмиграции является значимым аспектом проблематики Российского зарубежья 1920–1930-х гг. Ее изучение актуализировано спецификой современной социально-экономической истории России, возрождением традиций российского предпринимательства как в практической сфере, так и области деловой этики. Актуальность обращения к данной теме вызвана также потребностью современной России выработать новый подход в развитии партнерских отношений с зарубежной русской диаспорой, обладающей значительным интеллектуальным и экономическим потенциалом и готовой принять участие в инновационном развитии страны.

Данная проблема нашла отражение в современной отечественной и зарубежной историографии в трудах Е.И. Пивовара, В.Ф. Ершова, С.С. Ипполитова, М. Йовановича, В.И. Косика, М.К. Шацилло (1), а также в ряде диссертационных исследований (2), в которых анализируется история торго-

промышленной эмиграции и деятельность Российского торгово-промышленного и финансового союза за рубежом, становление мелкого и среднего бизнеса в среде российской диаспоры в 1920–1930-е гг. и др. Однако история предпринимательской деятельности русской эмиграции на Балканах в межвоенный период не получила в отечественной историографии комплексного освещения.

Между тем после окончательного разгрома Белой армии большевиками в октябре 1920 г. в результате трех волн массовой эмиграции на территории Балканского полуострова оказалось свыше 30 тыс. чел. (3). Королевство сербов, хорватов и словенцев (далее – Королевство СХС), откликнувшись на призыв генерала П.Н. Врангеля, первым дало согласие на размещение у себя свыше 20 тыс. беженцев.

Возобновление деловой активности российских предпринимательских кругов в 1920-е гг. на данных территориях было обусловлено несколькими причинами. Прежде всего этому способствовала сама историческая традиция дореволюционного предпринимательства, опыт выстраивания корпоративных отношений и деловой этики. Свою роль сыграли традиционные деловые связи дружественных России балканских государств (в том числе наличие совместных промышленных и банковских предприятий), и наконец, в целом лояльным отношением властей балканских стран к русским беженцам.

Правительства балканских государств столкнулись в те годы в своей деятельности с целым комплексом проблем. Прежде всего они занимались вопросами общего характера (например, признания и применения межгосударственных договоров и конвенций, которые были заключены с императорской Россией). Одновременно необходимо было решать и конкретные проблемы, связанные с правовым положением прибывших беженцев, наследственным, семейным правом, с вопросами судебной власти, с правом на трудовую деятельность и коммерческие операции и т.д. Во всех балканских государствах русские эмигранты после принятия ими нового гражданства получали большую часть гражданских прав. В Югославии этот вопрос был урегулирован ст. 9 Закона (4), в Болгарии – Болгарским законом о гражданстве (ст. 14 от 1912 г. (5), дополненная 31 мая 1929 г. специальной статьей о статусе русских беженцев (6). В Греции прием в подданство был в основном решен ст. 15, 16 и 17 Гражданского кодекса от 29 октября 1856 г. с дополнениями, содержащимися в законе от 26 июля 1911 г. и королевскими указами от 21 августа и 23 октября 1911 г., 20 сентября 1913 г. (7).

В принципе схожая модель – получение гражданских прав без получения права голоса – была применена и в Румынии с той лишь разницей, что для русских эта процедура оказалась более усложненной, чем для представителей других национальностей. Прежде всего это объяснялось тем, что румынские власти крайне сурово относились к бывшим подданным Российской империи из-за боязни возможных политических, социальных и нацио-

нальных проблем вследствие присоединения Бессарабии и Буковины в 1928 г., где проживало большое количество этнических русских (8).

В Королевстве СХС уже первые русские граждане, прибывавшие в страну в 1919 г., получили официальный статус «русских беженцев», что определило их юридическое положение как эмигрантов, не признавших советскую власть. Тем самым они были прямо защищены сербским законодательством, что в отличие от остальных иностранцев им давало больше возможностей для развития предпринимательской и хозяйственной деятельности (9). В других балканских государствах русские, наоборот, находились в том же положении, как и все остальные иностранные граждане. Исключением был только Константинополь, где особое положение беженцев было обусловлено тем, что город находился под управлением Антанты.

Особые правовые проблемы с точки зрения урегулирования статуса беженцев были связаны с соблюдением прежних договоров и соглашений, заключенных между Российской империей и балканскими государствами до начала Первой мировой войны, признанием и верификацией правовых актов и документов, имевшихся у беженцев и датированных периодом до 1914 г. (например, документы, связанные с наследством). В Югославии соблюдали все договоры, которые Королевство Сербия подписало с Россией (например, договоры о торговле и мореплавании от 15 февраля 1907 г.), как и старые правовые акты из области семейного и наследственного права (10). Греческие власти также признавали правовую силу договоров, подписанных с императорской Россией (в частности, торговый договор от 1850 г. и греческо-русское соглашение о наследстве 1913 г.), хотя на практике и возникали некоторые затруднения, связанные с реализацией прав, которые следовали из этих актов (11).

Напротив, в Болгарии и Турции после объявления войны России были отменены все старые соглашения, заключенные с Российской империей (12). Одновременно болгарские власти отказывались применять старые российские нормы в области семейного и наследственного права и вместо этого применяли болгарские законы, которые (по словам самих беженцев) были крайне похожими на соответствующие нормы дореволюционного российского законодательства (13). Румынские власти были исключением и по этому вопросу – они не соблюдали конвенций, заключенных до Первой мировой войны с Российской империей как из-за ситуации, возникшей после захвата Бессарабии и оккупации Северной Буковины в 1918 г., так и из-за незначительного числа беженцев. Даже старые российские паспорта румынские власти признавали выборочно, что объяснялось их враждебным отношением к России и к русским, вызванным опасениями за дальнейшую судьбу Буковины и Бессарабии (14).

Все остальные частные правовые проблемы, связанные с жизнью русских эмигрантов в балканских государствах (например, прием и соблюдение правовых норм, связанных с правом на трудоустройство, на занятие торговлей и ремесленной деятельностью или с судопроизводством), решались за-

конодательными актами и служебными инструкциями. Зачастую применение этих законов зависело от общего отношения власти к беженцам. Меньше всего проблем русские имели в те годы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (15); в Болгарии они, хотя и сталкивались с некоторыми дополнительными проблемами из-за применения к ним норм болгарского законодательства, все-таки были на практике в более привилегированном положении, чем остальные иностранцы (16). Напротив, в Греции дело доходило до серьезных нарушений прав беженцев, установленных межгосударственными договорами и соглашениями, подписанными между Грецией и императорской Россией (например, инцидент 1920 г., когда греческие банки отказались выплатить русской миссии в Афинах финансовое наследство покойного русского консула в Пирее М.К. Акимовича) (17).

При этом правительства балканских государств были довольно либеральны в вопросе получения русскими эмигрантами права на трудовую деятельность и трудоустройство, что естественным образом сказывалось на положительной динамике роста частных предприятий, открываемых русскими эмигрантами. Хотя в первые годы жизни в изгнании, которые были самыми критическими в процессе адаптации, проблемы с трудоустройством существовали по крайней мере у трех четвертей эмигрантов на Балканах.

Обращаясь к вопросу о происхождении стартового капитала, отметим, что капитал крупного и среднего эмигрантского предпринимательства на Западе возник главным образом из трех основных источников, имевших отношение к России. Один, доступный немногим, но, пожалуй, самый сомнительный, состоял в «приватизации» имущества российских финансовых средств, находившихся за рубежом (18). Помимо этого некоторым товариществам удалось вывезти капитал из России, а затем в результате сложных операций и судебных разбирательств восстановить юридическое лицо и развернуть коммерческую деятельность. Самым же распространенным и массовым способом первоначального накопления капитала был импорт сырья с территорий, которые в годы Гражданской войны контролировали различные антибольшевистские силы. Такого рода казенный капитал, несмотря на многочисленные злоупотребления в части управления им, существенно поддерживал многих эмигрантов, оказавшихся на чужбине в бедственном положении.

Частные фирмы (мелкий и средний бизнес), создававшиеся эмигрантами, как правило, принадлежали к сфере услуг, которая включала в себя пошив одежды, сапожное или столярное дело, прачечные услуги, выпечку хлеба, посредничество при найме и т.д. Внимание эмигрантов привлекала также розничная торговля.

Частичное финансирование предпринимательской деятельности эмигрантов взял на себя Всероссийский земский союз (ВЗС). В частности, российским гражданам для организации собственных предприятий предоставлялись кредиты, специалистам выдавались ссуды на приобретение инструментов. До марта 1921 г. включительно было открыто 300 предприятий под

эгидой ВЗС, на организацию которых была выдана ссуда в размере более 1 млн динар (19). К 1 января 1922 г. уже было выдано более 1000 ссуд (на сумму более 2 млн динар), которыми воспользовались 1883 чел. (20). При содействии ВЗС возникло более 80 сельскохозяйственных предприятий на территории Королевства СХС. Из-за недостатка средств представительству ВЗС приходилось удовлетворять лишь порядка 10% поступивших просьб, из чего можно судить о масштабах наличия предпринимательских способностей в эмигрантской среде.

Одно из первых русских крупных предприятий в Королевстве СХС сбыло создано в начале 1921 г. группой инженеров-путейцев. Речь идет о строительном, торговом и промышленном обществе с центром в Белграде. Во главе его стояли бывшие директора, начальники и председатели российских железных дорог. Председателем общества был Н.Н. Вейе. В руководящее ядро входили Я.А. Абрагамсон, П.И. Шестаков, И.И. Харитонович, А.К. Дексбах, Э.Б. Войновский-Кригер, Йорданов, В.Н. Печковский. Основной капитал составляли спасенные от большевиков средства Владикавказских железных дорог и деньги «отцов-основателей». В апреле 1922 г. в целях концентрации средств и усилий общество было переименовано в строительно-торговое общество «Техника» с управлением в старом составе, которое имело свои строительные филиалы в Македонии и Нише. В сентябре 1922 г. последовала новая реорганизация и новое название — строительное предприятие «Техника», при этом акционеры остались прежними. Следует добавить, что лично генерал П.Н. Врангель вложил в «Технику» около пяти миллионов динаров, выдвинув в качестве условия привлечение общества в качестве рабочей силы русских офицеров, прибывавших в массовом порядке на Балканы во второй половине 1921 г. (21).

Еще одной крупной («профессорской») компанией стало учрежденное в середине 1923 г. в Белграде Общество «Калория», занимавшееся проектированием и выполнением различных работ по обогреванию помещений, водопроводно-канализационных, электрических, вентиляционных. Главными его акционерами стали профессора технического факультета университета в Белграде Пио-Ульский и Красенский (22).

Имея высокий доход, крупные предприятия делали пожертвования Всероссийскому земскому союзу, который, в свою очередь, стимулировал предпринимательскую активность вновь прибывших эмигрантов. Предприниматели активно жертвовали также на церковные нужды. Так, главным донатором русского женского монастыря Успения Богородицы близ Мазурских островов, а в 1940 г. обители Благовещения на Афоне был А.М. Хлытчиев. В 1933 г. он стал акционером и до 1939 г. являлся директором крупного предприятия «Кална» в Южной Сербии (23).

Мелкий и средний бизнес на Балканах был представлен частными клиниками, русскими кафе и ресторанами, швейными, сапожными, кузнечно-слесарными, столярными, художественно-ремесленными мастерскими (24).

В Болгарии эмиграция активно занималась сельским хозяйством. Одна из фирм, например, производила сушеные сливы в городе Кюстендиле, а благодаря технологическим нововведениям она перешла в дальнейшем к производству мармелада из слив и яблок. В Варне несколько русских инженеров-специалистов открыли фирму по производству пищевого масла, положив таким образом начало производству этой отрасли, которая только начала развиваться в Болгарии. Наконец, благодаря приезду эмигрантов, происходивших из южных областей России, в Варне была открыта и специальная виноградарская фирма, занимавшаяся изготовлением вин (25). И это, по данным ВЗС, постепенно становилось «одной из самых популярных областей деятельности» в этом регионе (26).

Проиллюстрировать пример развития мелкого предпринимательства может история профессора Лебедева, который в свободное от лекций время занялся разведением ангорских кроликов. На техническом факультете ему платили по 4–5 тыс. динаров в месяц, но ему, видимо, и этой суммы не хватало на жизнь. За 11 тыс. динаров он купил четыре пары длинноухих. Многие коллеги тогда посчитали его сумасшедшим. Но через десять лет он стал владельцем фермы, на которой была уже тысяча кроликов, шерсть которых он поставлял в Англию. Хозяйство профессора оценивалось в 350 тыс. динаров (27).

Основные организации деловых кругов российской диаспоры на Балканах – Союз русских торговцев, промышленников и банкиров, Комитет русских коммерческих банков и др., в своей деятельности ставили не только корпоративные коммерческие цели, но и задачи сохранения традиций российского предпринимательства. Свидетельством тому может служить роль Съезда представителей русской промышленности в Париже 1921 г., в котором принимали участие и представители Балканского региона (в частности, Э.Б. Войновский-Кригер). Съезд сыграл важную роль в процессе институционализации деловой корпорации российской эмиграции и в разработке проектов будущего восстановления экономики России на основе принципов частной собственности и свободы предпринимательской деятельности.

Важнейшим направлением деятельности российской торгово-промышленной эмиграции на Балканах стало внедрение эмигрантских финансовых структур в европейское экономическое пространство – через банковскую систему, деятельность страховых обществ. Важную роль в этом деле сыграл Русско-славянский банк в Белграде, осуществлявший переводы крупного капитала из гибнущей Российской империи в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Образованные на базе вывезенного капитала крупные предприятия выполняли функции корпоративной взаимопомощи в среде русских эмигрантов. На счету подобных организаций были стипендии студентам, помощь инвалидам, содействие в организации трудоустройства прибывавших в страну соотечественников – и другие формы благотворительности. В качестве примера можно привести уже упоминавшееся строительно-торговое об-

щество «Техника» (с капиталом в более чем 6 млн динаров), специально привлекавшее на работу бывших военных.

Важно отметить также значимость экономических и общественно-политических прогнозов русской эмиграции как части наследия экономической и политической мысли зарубежной России, благодаря тому, что русская эмиграция в Белграде носила во многом характер «профессорской». Над своими теоретическими изысканиями и прогнозами относительно будущего России ученые работали в рамках всевозможных эмигрантских союзов и объединений, таких как Союз русских инженеров, Союз русских агрономов, ветеринаров и лесных инженеров, Русский научный институт в Белграде. Так, Союз русских агрономов уделял большое внимание проблемам обновления сельскохозяйственного производства в России после ожидающегося падения большевистской власти. На совещаниях читались доклады, велись дискуссии. Результатом стало решение Союза от 3 декабря 1922 г. «о формировании Оргбюро по разработке проблематики обновления и развития сельского хозяйства в национальной России». Денежные средства в размере 61 тыс. динаров для дальнейшей работы Бюро выделил Всероссийский земский союз (28).

При этом эмигрантский частный капитал, несмотря на все дискуссии о том, позволительно или нет было сотрудничать с советской властью, одним из первых стал налаживать экономические связи с Советской Россией. Эмигранты-бизнесмены выступали экспертами западных правительств и корпораций в решении сложных политических, правовых и имущественных проблем, вызванных международным признанием СССР. Этим они в конечном итоге послужили Родине, которая столь жестоко с ними обошлась.

В целом, российская торгово-промышленная эмиграция на Балканах в 1920–1930-е гг. проявила социальную устойчивость и высокие адаптационные возможности, а созданные ею организационные структуры стали центрами сохранения профессиональных традиций, деловой этики, достижений отечественной экономической науки. Укрепившись и развив свое дело в изгнании, российские предприниматели сыграли большую роль в жизни как самой эмиграции, так и государств, предоставивших им убежище.

Если в начале своей зарубежной деятельности русские предприниматели обеспечивали физическое выживание и социальную адаптацию лишь небольшой части беженцев, создавая для них рабочие места, то впоследствии эмигрантские деловые структуры превратились в экономические, национальные и культурные центры, вокруг которых группировались бывшие граждане России, оказавшиеся в изгнании. Сегодня многие компании, возглавляемые нашими соотечественниками за рубежом, не только продолжают традиции русского предпринимательства, но и вкладывают свои капиталы в российскую экономику.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Пивовар Е.И.* Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999; *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое Зарубежье в 1918–1945 гг. – М., 2000; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М., 1998; *Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России...». Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. – М., 2000; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 гг., – М., 2005; *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда?: Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е гг.). – М., 2007. – Ч. 1; *Шаццлло М.К.* Русские предприниматели в первые годы изгнания // Россия на рубеже XIX–XX веков: Мат-лы научных чтений памяти проф. В.И. Бovyкина, 20 января 1999 г. – М., 1999.
- (2) *Грибенчикова О.А.* Российское предпринимательство в эмиграции 1918–1929: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1997; *Серегина Д.М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2005; *Николаев Н.Н.* Реклама в бизнесе и социальном пространстве русского зарубежья XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
- (3) *Танин С.Ю.* Русский Белград. – М., 2009. – С. 69.
- (4) *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 гг. – М., 2005. – С. 188.
- (5) ГАРФ. – Ф. Р-5680. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 7.
- (6) ГАРФ. – Ф. Р-9116. – Оп. 1. – Д. 49.
- (7) ГАРФ. – Ф. Р-5680. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 1–4.
- (8) Там же. – Д. 65. – Л. 2–4.
- (9) *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 гг. – М., 2005. – С. 188.
- (10) Там же.
- (11) ГАРФ. – Ф. Р-9116. – Оп. 1. – Д. 45 – Л. 7–8.
- (12) Там же. – Д. 37. – Л. 1; Там же. – Д. 69. – Л. 9.
- (13) ГАРФ. – Ф. Р-5766. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 44.
- (14) ГАРФ. – Ф. Р-5680. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 2–4.
- (15) *Бочарова З.С.* «Не принявший иного подданства» проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2005. – С. 213.
- (16) ГАРФ. – Ф. Р-5766. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 43–47.
- (17) ГАРФ. – Ф. Р-5680. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 7–8.
- (18) *Сироткин В.* Зарубежные клондайки России. – М., 2003.
- (19) *Танин С.Ю.* Русский Белград... – С. 78.
- (20) Там же.
- (21) *Миленкович Т.* Русские инженеры в Югославии 1919–1941. – Белград, 1997. – С. 90.
- (22) Там же. – С. 91.
- (23) Там же.
- (24) *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах... – С. 392.
- (25) Очерк деятельности Всероссийского земского союза за границей (апрель 1920 г. – 1 января 1922 г.). – София, 1922. – С. 128.
- (26) Там же. – С. 117–118.
- (27) *Косик В.И.* Что мне до вас... – С. 82.
- (28) Там же. – С. 96–97.

NOTES

- (1) Pivovarov E.I. *Rossiya v izgnanii: sud'by rossiyskikh emigrantov za rubezhom* [Russia in Exile: The fate of the Russian emigrants abroad]. Moscow, 1999; Ershov V.F. *Rossiyskoe voenno-politicheskoe Zarubezh'e v 1918–1945 gg.* [Russian military-political Abroad in 1918–1945 years]. Moscow, 2000; Ippolitov S.S. *Rossiyskaya emigratsiya i Evropa: nesostoyavshiyasya al'yans* [Russian emigration and Europe: the failed alliance]. Moscow, 1998; Ippolitov S.S., Kataeva A.G. «*Ne mogu otorvat'sya ot Rossii...*» *Russkie knigoizdateli v Germanii v 1920-kh gg.* [I cannot break away from Russia... «Russian publishers in Germany in 1920». Moscow, 2000; Yovanovich M. *Russkaya emigratsiya na Balkanakh 1920–1940 gg.* [Russian emigration in the Balkans 1920–1940 years]. Moscow, 2005; Kosik V.I. *Chto mne do vas, mostovye Belgrada?: Ocherki o russkoy emigratsii v Belgrade (1920–1950-e gody)* [What am I to you, bridge in Belgrade?: Essays on Russian emigration in Belgrade (1920–1950's)]. Moscow, 2007, ch. 1; Shatsillo M.K. *Russkie predprinimateli v pervye gody izgnaniya, Rossiya na rubezhe XIX–XX vekov: Materialy nauchnykh chteniy pamyati professora V.I. Bovykina, 20 yanvarya 1999 g.* [Russia at the turn of the 19–20 centuries: Materials science readings in memory of Professor V.I. Bovykin, 20 January 1999]. Moscow, 1999.
- (2) Gribenchikova O.A. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo v emigratsii 1918–1929: Diss. ... k.i.n.* [Russian entrepreneurship in exile 1918–1929: Dissertation of Phd]. Moscow, 1997; Seregina D.M. *Rossiyskaya trgovno-promyshlennaya emigratsiya vo Frantsii v 1920–1939 gg.: Diss. ... k.i.n.* [Russian Commercial and Industrial emigration in France in 1920–1939 years: Dissertation of Phd]. Moscow, 2005; Nikolaev N.N. *Reklama v biznese i sotsial'nom prostranstve russkogo zarubezh'ya XX v.: Diss. ... k.i.n.* [Advertising in the business and social environment of the Russian diaspora in the 20th century: Dissertation of Phd]. Moscow, 2011.
- (3) Tanin S.Yu. *Russkiy Belgrad* [Russian Belgrade]. Moscow, 2009, p. 69.
- (4) Yovanovich M. *Russkaya emigratsiya na Balkanakh 1920–1940gg.* [Russian emigration in the Balkans 1920–1940 years]. Moscow, 2005, p. 188.
- (5) GARF. F. R-5680. Op. 1. D. 36. L. 7.
- (6) GARF. F. R-9116. Op. 1. D. 49.
- (7) GARF. F. R-5680. Op. 1. D. 44. L. 1–4.
- (8) Tam zhe [Ibid.]. D. 65. L. 2–4.
- (9) Yovanovich M. *Russkaya emigratsiya na Balkanakh 1920–1940 gg.* [Russian emigration in the Balkans 1920–1940 years]. Moscow, 2005, p. 188.
- (10) Tam zhe [Ibid.].
- (11) GARF. F. R-9116. Op. 1. D. 45. L. 7–8.
- (12) Tam zhe [Ibid.]. D. 37. L. 1; Tam zhe [Ibid.]. D. 69. L. 9.
- (13) GARF. F. R-5766. Op. 1. D. 146. L. 44.
- (14) GARF. F. R-5680. Op. 1, D. 65. L. 2–4.
- (15) Bocharova Z.S. «*Ne prinjavshij inogo poddanstva*» *prblemy social'no-pravovoj adaptatsii rossijskoj jemigratsii v 1920–1930-e gody* [“Otherwise approved citizenship” issues of social and legal adaptation of the Russian emigration in 1920–1930's]. St.-Petersburg, 2005, p. 213.
- (16) GARF. F. R-5766. Op. 1. D. 146. L. 43–47.
- (17) GARF. F. R-5680. Op. 1. D. 45. L. 7–8.
- (18) Sirotkin V. *Zarubezhnye klondayki Rossii* [Foreign Klondikes Russia]. Moscow, 2003.
- (19) Tanin S.Yu. *Russkiy Belgrad* [Russian Belgrade]. Moscow, 2009, p. 78.
- (20) Tam zhe [Ibid.].

- (21) Milenkovich T. *Russkie inzhenery v Jugoslavii 1919–1941* [Russian engineers in Yugoslavia 1919–1941]. Belgrad, 1997, p. 90.
- (22) Tam zhe [Ibid.], p. 91.
- (23) Tam zhe [Ibid.].
- (24) Yovanovich M. *Russkaya emigratsiya na Balkanakh 1920–1940 gg.* [Russian emigration in the Balkans 1920–1940 years]. Moscow, 2005, p. 392.
- (25) *Ocherk deyatel'nosti Vserossiyskogo zemskogo soyuza za granitsey (aprel' 1920 – 1 yanvarya 1922)* [Article of the All-Russian Zemstvo Union abroad (April 1920 – January 1, 1922)]. Sofia, 1922, p. 128.
- (26) Tam zhe [Ibid.], pp. 117–118.
- (27) Kosik V.I. *Chto mne do vas, mostovye Belgrada?: Ocherki o russkoy emigratsii v Belgrade (1920–1950-e gody)* [What am I to you, bridge in Belgrade?: Essays on Russian emigration in Belgrade (1920–1950's)]. Moscow, 2007, ch. 1, p. 82.
- (28) Tam zhe [Ibid.], pp. 96–97.

ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES OF RUSSIAN EMIGRANTS IN BALKANS (1920–1930S)

A.A. Golovkin

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the specificity of entrepreneurial activities of Russian emigrants in the Balkans in the 1920–1930s. The author analyses the problems of emigrants' legal status, the issue of initial capital. The article considers the peculiarities of small, medium and big businesses of Russian emigrants in the Balkans as well as the role of emigrants' public communities in boosting entrepreneurial activities. Besides, the author examines the role of entrepreneurs in the adaptation process of Russian refugees in the Balkans.

Key words: Russian emigrants, Balkans, entrepreneurs, adaptation, business, Russian diaspora, refugees.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

БАНКОВСКИЙ КРЕДИТ ПРОТИВ РОСТОВЩИЧЕСКОЙ РИБЫ В ЦЕННОСТНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Г.Г. Корноухова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье исследуется деловая культура мусульманских предпринимателей Российской империи с использованием ценностно-институционального подхода. Выявленные компоненты делового поведения – ростовщическая риба и банковский кредит – были наложены на общую ценностно-институциональную систему мусульманских предпринимателей, в результате чего наиболее сильную корреляцию продемонстрировал второй компонент. Это дает основание считать его более типичным элементом делового поведения мусульманских предпринимателей в отличие от взимания ростовщической рибы, являвшейся, таким образом, явлением исключительным для представителей делового мусульманского мира конца XIX – начала XX столетия.

Ключевые слова: Российская империя, татары, мусульманское предпринимательство, деловая культура, деловое поведение, духовные ценности, ислам, кредит, риба.

Деловая культура тюркских предпринимателей Российской империи эпохи капитализма была тесно связана с мусульманской религией, поскольку именно последняя формировала ее ценностно-институциональную основу. При этом сам ислам переживал серьезные изменения: все более очищаясь от наслоений традиционализма и мистицизма, он все активнее приобретал черты рационализма. В то же время следует учитывать, что новые нормы реформированного ислама усваивались неодинаково быстро различными социальными слоями мусульманского сообщества. Однако что касается предпринимателей – его крупных и средних представителей, то они явля-

лись не только его главными адептами, но и сами прикладывали известные усилия для распространения новых морально-ценностных установок (1).

В свою очередь, сформированный к настоящему времени ценностно-институциональный подход позволяет проанализировать деловую культуру конкретно-исторических этно-конфессиональных предпринимательских сообществ (2). В частности, анализу подлежит вопрос о процессе трансформации в сознании крупных и средних предпринимателей представлений об использовании банковских услуг в рамках развития своего дела, а также самого банковского предпринимательства как вида деятельности.

В первую очередь, с банком ассоциируется такая категория, как кредит. Ключевым в вопросе использования кредита в Коране является слово «риба», встречающееся в его тексте 8 раз. Всего же стихов, имеющих отношение к риба, в нем насчитывается 12. Коран не дает самого определения понятия «риба», содержатся лишь косвенные указания на один из распространенных в ту пору видов ростовщичества – удвоение суммы долга в обмен на отсрочку его выплаты: «О, вы, которые уверовали! Не пожирайте роста, удвоенного вдвойне...» (сура 3; аят 130) (3). Тем же, кто совершает подобную «мерзость», Коран обещает адские муки (сура 2; аят 275). Из этого следует, что выдача займа под проценты осуждается исламом и, соответственно, этот вид коммерческой деятельности не должен был иметь распространения среди мусульманского населения вообще и Российской империи в частности.

Согласно законам шариата для того, чтобы прибыль считалась богоугодной, необходимо, чтобы она была результатом труда и вложенного капитала. В противном случае средства не проходят процесс производительного использования и, соответственно, не делают общество богаче в реальном выражении. В связи с этим один из веских аргументов, направленных против ссудного процента, состоит в том, что заимодавец, не рискуя ничем, претендует на гарантированную прибыль за счет заемщика (4).

Между тем в источниках присутствуют свидетельства, доказывающие существование этого вида деятельности в деловой практике мусульманского населения Российской империи. Так, материал показывает, что ростовщичество имело широкое распространение в Уфимской губернии, в частности, в Ирехтинской волости, отличавшейся своим чисто мусульманским составом населения. Причем заимодавцами здесь были священнослужители, которые не стеснялись взимать высокие проценты, тем самым нарушая не только божественные, но и государственные правила, поскольку процент превышал установленный законом размер (5).

Восточнее, в «Священной Бухаре», также была отмечена практика взимания риба, при этом, судя по тексту источника, кредиторами также были священнослужители (6).

Что касается светских представителей предпринимательской сферы, то в отношении них подобные свидетельства обнаружены не были. Более того, в одной из работ, посвященных анализу деятельности представителей казан-

ских предпринимателей Казаковых, говорится, что «потомственные почетные граждане, купцы второй и первой гильдии Казаковы, входившие в элиту казанских татарских торговцев, никогда не давали деньги в рост» (7). То же сказано и о крупном казанском чаеоторговце Ахметзяне Сайдашеве.

В то же время существуют многочисленные упоминания о вхождении мусульманских предпринимателей в состав Совета и Правления банков. Так, на 1896 г. членом Совета Казанского Купеческого банка являлся татарский купец Мухаметжан Ибниаминович Галеев, в Совет Средне-Азиатского Коммерческого банка входил Ариф-Ходжа-Азис Хаджинов, а в состав Правления того же банка – Бакиджан Дадажанбаев, членом Правления Бакинского Общества Взаимного Кредита являлся азербайджанец Измаил-бек Сафар-Алиев (8).

Существуют свидетельства и об использовании мусульманскими предпринимателями банковского кредита. Более того, в Российской империи, согласно данным из дореволюционной тюркоязычной газеты «Вақыт», на официальных основаниях существовали 4–5 банков, находившихся «в мусульманских руках» (9).

Таким образом, предстоит выяснить, насколько практика существования ростовщичества и пользования банковским кредитом соответствовала этно-религиозным нормам российских мусульман конца XIX – начала XX столетия. Как было указано выше, и ростовщичество, а вместе с ним и банковский кредит, бескомпромиссно осуждались в Коране. Однако известно также, что религиозное реформаторство конца XIX в., открыв «ворота иджитхада», позволило пересмотреть некоторые положения исламского законодательства, приспособив их под современные нужды мусульманского общества. Последние же в условиях развития капитализма были чрезвычайно насущными – мусульманские предприниматели не могли не признавать, что запрет на рибя является препятствием в деле наращивания капиталов. Например, в Средней Азии очевидным в этом смысле было преимущественное положение евреев. С приходом в регион русских последовала ликвидация их тяжелых притеснений и, получив равное положение с мусульманскими жителями, еврейские торговцы стали более успешными благодаря ссудному проценту – еврейский капитал «подкармливался» в значительной мере ростовщичеством, запрещенным у мусульман (10).

Вопрос об использовании ссудного процента встал очень остро в мусульманском мире, и в силу своей злободневности побуждал мусульманских мыслителей искать на него адекватный ответ. Заметный вклад в разработку вопроса о кредите сделали татарский и башкирский богословы Муса Бигиев и Ризаэтдин Фахретдинов. В соответствии с требованием времени в своем произведении «Зақыт» Муса Бигиев признавал прогрессивную роль кредита, утверждая, что «ссуда играет чрезвычайно большую роль», и «помощь кредита сегодня повсюду очень значительна и в торговле, и в промышленности, и в земледелии» (11). Автор призывал использовать практику получения

кредита для развития предпринимательской деятельности, подчеркивая, что «в торговом мире помощь риба имеет очень давнюю историю». При этом Муса Бигиев ссылаясь на факт существования практики получения кредита с давних веков, в том числе и в так называемое «образцовое» время (вероятно, первые века существования ислама. – *К.Г.*). «Брал ли бедный человек кредит в образцовое время?» – спрашивает автор. И отвечает: «В те времена каждый богатый человек, каждая богатая компания, возможно, каждое богатое государство брало кредит». Далее он призывает: «Культуру тех дней надо использовать в качестве совета» (12).

Действительно, ростовщичество было распространенным явлением среди арабов до начала мусульманства и, судя по имеющимся материалам, продолжало сохраняться, хотя и в несколько меньших размерах. Во всяком случае известно, что к началу XI в. в таком крупном центре торговли, как Басра, каждый купец имел счет у своего персонального банкира и расплачивался на базаре чеками, именовавшимися хатт-и сарраф. А в другом крупном городе Исфагане на базаре присутствовало около 200 банков (13).

Однако при наличии факта существования системы кредитования населения в эпоху Средневековья предприниматели не имели необходимой духовно-нравственной опоры пользования кредитом, поскольку богословская мысль того времени отнюдь не оправдывала кредит, а, наоборот, была направлена на борьбу с судным процентом. Так, Ибн Каййим ал-Джаузийя (1292–1350) подробно рассматривал вопросы, связанные с запретом ростовщичества. По его мнению, в Коране ясно и недвусмысленно поставлен знак равенства между риба и ссудным процентом, поэтому все рассуждения о допустимости процента с точки зрения шариата не имеют никакой силы, равно как и всевозможные уловки, направленные на то, чтобы скрыть под другим названием ростовщические операции (14).

Мусульманские богословы Российской империи рубежа XIX–XX вв., всецело опиравшиеся на работы средневековых авторов при выстраивании своих логических выводов по различным вопросам мусульманской догматики, не могли не принять во внимание неутешительное заключение Ибн Каййим ал-Джаузийи. Вместе с тем, поскольку преимущество использования кредита было очевидно в эпоху развития капитализма и в представлении религиозных реформаторов речь шла о выживании мусульманских народов в христианском государстве (а для этого необходимо было действовать на равных с русским населением), российские мусульманские богословы рубежа XIX–XX вв. предоставили все же своим единоверцам право пользования банковским кредитом. Соответствующий вывод сделал богослов Ризаэтдин Фахретдинов, писавший в своем произведении «Религиозные и общественные проблемы» (Оренбург, 1914): «Участь купцов, воздерживающихся от взаимодействия с банками, будет означать поражение на поле борьбы за жизнь и банкротство на пути торговли и по этой причине несчастное будущее всего мусульманского мира. Поэтому, исходя из принципа выбора

меньшего из двух зол, сегодня нет сомнения в том, что, несмотря на ссудный процент, необходимо сотрудничать с банками» (15).

Существование самого банковского учреждения не противоречило кораническим нормам, поскольку в соответствии с домусульманским правом доходы государства должны были концентрироваться в байт ал-мал (дом имущества). В мусульманском государстве с первых лет его существования понятие казначейства также сохранилось. В первые годы хиджры все финансовые средства сосредоточились в руках Пророка. После его смерти право распоряжаться средствами из государственной казны стало принадлежать халифу. Байт ал-мал выполнял роль коммерческого банка. Купцы могли брать деньги из казначейства с целью приобретения товаров, а затем, продав товары в иной местности, возвращали долг в ближайший региональный байт ал-мал, где сумма долга возвращалась на счет того казначейства, которое выдало кредит. Однако при этом есть основания считать, что процент не выплачивался (16).

Таким образом, очевидно, что само существование банков как места концентрирования финансовых средств и выдача кредита нуждавшимся не входило в противоречие с религиозными нормами ислама. Единственное, что было не богоугодным, так это необходимость уплаты процентов банку. Однако в этом случае мусульманские богословы XIX – начала XX в. выдвигали тезис о допустимости греха ради выживания своего конфессионального сообщества в условиях конкуренции с иноверцами.

Также в мусульманской предпринимательской среде лояльное отношение приобрело использование определенных действий для обхода коранического запрета на продажу товара в кредит. Еще в начале XIX в. среди казанских деловых кругов получила распространение книга под названием «Рисала-и Мухаммад Афанди» анонимного автора, вторая часть которой была посвящена проблеме риба. Признавая греховность практики риба, автор описывает способ продажи товара в кредит под проценты, который мог помочь торговцу избежать адских мук, не упустив при этом своей материальной выгоды. Так, он описывает правовую уловку (хиля) в форме тройной сделки: А продает Б какой-либо предмет стоимостью в 12 курушей и за это получает от Б долговую расписку на эти самые 12 курушей. Б, в свою очередь, продает предмет В за 10 курушей, а В за ту же сумму перепродает ее вновь первому владельцу А. Результатом является то, что Б практически как кредит получает 10 курушей и остается должен А 12 курушей. Такие действия, говорится в трактате, остаются законными до тех пор, пока предметом торговли не являются золото или серебро. Также необходимым условием было соблюдение максимального 15-процентного размера суммы оплаты кредита (17).

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что в конце XIX – начале XX столетия религиозно-этические нормы не допускали осуществления продажи товара в кредит. Это вынуждало предпринимателей прибегать к совершению специально разработанных манипуляций, делающих факт кре-

дитования покупателя неявным. Что касается получения денежной ссуды, то здесь предусматривалось ее приобретение исключительно через банк. Обращение же к частному лицу и само ростовщичество осуждалось, не получая необходимого оправдания в отличие от банковского кредитования. Эти результаты анализа приводят к выводу о том, что в то время, как действия предпринимателей, пользовавшихся банковским кредитом и лично участвовавших в их учреждении и управлении, не противоречили нормам делового поведения мусульман, находя оправдание в трудах российских богословов, то действия духовных лиц, занимавшихся ростовщичеством, выходили за пределы существовавших этно-религиозных норм. Они не соответствовали ни тем, которые вновь утверждались в мусульманском обществе на рубеже XIX–XX вв., ни тем, которые имели отношение к ортодоксальному исламу, защищавшемуся так называемыми мусульманами-кадимистами. Это были скорее всего представители той части общества, чьи морально-нравственные устои были связаны с религиозными основами ислама в гораздо меньшей степени, чем об этом официально заявлялось. В свою очередь, стремление предпринимательской части населения выстраивать свое деловое поведение в соответствии с этно-конфессиональными морально-этическими нормами в вопросе об использовании кредита в своей деловой практике выглядит достаточно явным и убедительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. об этом: *Корноухова Г.Г.* Конфессионально-этические основы мусульманского предпринимательства в Российской Империи конца XIX – начале XX в. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2012. – № 2. – С. 62–76.
- (2) См. об этом: *Керов В.В.* Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2008. – № 3. – С. 51–64.
- (3) *Беккин Р.И.* Исламская экономическая модель и современность – М., 2009. – С. 39.
- (4) Там же – С. 25, 28.
- (5) См. об этом подробнее: *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. – Уфа, 2002. – С. 182.
- (6) *Риззатдин ибн Фахретдин.* Комментарии к изречениям пророка Мухаммеда. Оренбург, 1917: Юбилейный выпуск / Пер. с татарского М.Ф. Рахимкуловой – Оренбург, 1999. – С. 142.
- (7) *Девятых Л.И.* Из истории казанского купечества. – Казань, 2004. – С. 11, 66.
- (8) Русские банки: Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях / Сост. А.К. Голубев – СПб, 1896. – С. 46, 58, 65.
- (9) Вақыт (на татарском языке, арабская графика). – 1912. – № 965.
- (10) *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным мат-лам). – Елец, 1998. – С. 244.
- (11) *Бигиев М.* Зақыт. – Казань, 1916. – С. 12, 13 (на татарском языке, арабская графика).
- (12) Там же. – С. 13.

- (13) Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность... – С. 85.
- (14) Там же. – С. 69.
- (15) Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. – С. 116.
- (16) Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность... – С. 83.
- (17) Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / Пер. с немецкого. – Казань, 2008. – С. 238–240.

NOTES

- (1) Sm. ob jetom: Kornouhova G.G. Konfessional'no-jeticheskie osnovy musul'manskogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Imperii konca XIX – nachale HH v., *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»* [Bulletin of RPFU, series “History of Russia”], 2012, no. 2, pp. 62–76.
- (2) Sm. ob jetom: Kerov V.V. Konfessional'nye osnovy delovoj kul'tury i delovogo povedenija predprinimatel'skih soobshhestv v Rossii XVIII–XIX vv., *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»* [Bulletin of RPFU, series “History of Russia”], 2008, no. 3, pp. 51–64.
- (3) Bekkin R.I. *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'* [The Islamic economic model and the present]. Moscow, 2009, p. 39.
- (4) Tam zhe [Ibid.], pp. 25, 28.
- (5) Sm. ob jetom podrobnее: Rodnov M.I. *Krest'janstvo Ufimskoj gubernii v nachale HH v. (1900–1917 gg.): social'naja struktura, social'nye otnoshenija* [The peasantry of the Ufa province in the early twentieth century. (1900–1917 gg.): social structure and social relations]. Ufa, 2002, p. 182.
- (6) *Rizajetdin ibn Fahretdin Kommentarii k izrechenijam proroka Muhammeda. Orenburg, 1917: Jubilejnyj vypusk* [Comments to the sayings of the prophet Muhammad. Orenburg, 1917: the Anniversary edition]. Translation from old-tatarian M.F. Rahimkulova, Orenburg, 1999, p. 142.
- (7) Devjatyh L.I. *Iz istorii kazanskogo kupechestva* [From the history of the Kazan merchants]. Kazan', 2004, pp. 11, 66.
- (8) *Russkie banki: Spravochnye i statisticheskie svedenija o vseh dejstvujushchih v Rossii gosudarstvennyh, chastnyh i obshhestvennyh kreditnyh uchrezhdenijah* [Russian banks: Reference and statistical information on all the existing in the Russian government, private and public credit institutions]. Composer A.K. Golubev, St.-Petersburg, 1896, pp. 46, 58, 65.
- (9) *Vakyt*, 1912, no. 965. (na tatarskom jazyke, arabskaja grafika – in the Tatar language, Arabic graphics).
- (10) Litvinov P.P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917) (po arhivnym materialam)* [The state and Islam in the Russian Turkestan (1865–1917) (according to archival materials)]. Elec, 1998, p. 244.
- (11) Bigiev M. *Zakjat* [Zakat]. Kazan', 1916, pp. 12, 13. (na tatarskom jazyke, arabskaja grafika – in the Tatar language, Arabic graphics).
- (12) Tam zhe [Ibid.], p. 13.
- (13) Bekkin R.I. *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'...* [The Islamic economic model and the present...], p. 85.
- (14) Tam zhe [Ibid.], p. 69.
- (15) Baishev F.N. *Obshhestvenno-politicheskie i nrvstvenno-jeticheskie vzgljady Rizy Fahretdinova* [Socio-political and ethical views of the Robe Fakhretdinov]. Ufa: Kitap, 1996, p. 116.

- (16) Bekkin R.I. *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'...* [The Islamic economic model and the present], p. 83.
- (17) Kemper Mihajel' *Sufii i Uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskij diskurs pod russkim gospodstvom* [The Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan. Islamic discourse under Russian domination]. Kazan', 2008, pp. 238–240. Translated from German

**BANK LOAN AGAINST USURIOUS RIBA
IN THE VALUE-INSTITUTIONAL SYSTEM OF MUSLIM
ENTREPRENEURS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

G.G. Kornoukhova

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article examines the business culture of Muslim entrepreneurs of the Russian Empire by means of value-institutional approach. Identified components of business conduct – the usurious *riba* and the Bank loan were imposed on the total value-institutional system of Muslim entrepreneurs. As a result the most strong correlation demonstrated the second component. This gives grounds to consider it more typical element of business conduct Muslim entrepreneurs in contrast to the charging usurious *riba*. Thus that one was exceptional phenomenon for Muslim business world of the end of 19th – beginning of 20th century.

Key words: the Russian Empire, the Tatars, a Muslim entrepreneurship, business culture, business conduct, spiritual values, Islam, credit, *riba*.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ РУДН В 2012 Г.

Монографии

Блохин В.В., Соловьев Е.А. Россия на рубеже XIX–XX веков: от модернизации к катастрофе. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – 180 с. – 5,5 п.л.

Arlete Orlando Cavaliere Ruesch, Брагин В.Г., Жукова О., Комиссаров Б.Н., Мальковская И.А. Мосейкина М.Н. и др. Россия–Бразилия: транскультурные диалоги: Монография / Отв. ред. и сост. И.А. Мальковская – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 384 с. – 24 п.л. /1,5 п.л.

Справочная литература, рецензии

Арсланов Р.А. Лавров Петр Лаврович // Новая российская энциклопедия: В 12 т. – Т. 9. – Ч. 1. – М.: Энциклопедия, 2012. – С. 470–472. – 0,8 п.л.

Арсланов Р.А. «Что такое Россия?». Рецензия на кн.: *Линькова Е.В. Ф.И. Тютчев: становление национального консерватизма.* – М.: Изд-во РУДН, 2010. – 289 с. // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2012. – № 4. – С. 141–143. – 0,4 п.л.

Мосейкина М.Н. Взаимодействие диаспор – удачный пример сохранения духовно-культурных отношений между нашими народами, который должен быть востребован и сегодня. Рец. на книгу: *Коваль В.У.* Узаемасувязі беларускай і ўкраінскай дыяспар у міжваенны перыяд. – Мінск: РІВШ, 2012. – 314 с. // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2012. – № 3. – С. 138–142. – 0,5 п.л.

Научные статьи

Арсланов Р.А. А.И. Герцен и К.Д. Кавелин в общественной жизни России 40–60-х гг. XIX в. // Общественно-политическая мысль в России в XIX веке: к 200-летию А.И. Герцена. – История: электронный научно-образова-

тельный журнал. – 2012. – № 6 (14). – 1,6 п.л. // <http://mes.igh.ru/magazine/content.php?magazine=5153>

Арсланов Р.А. Стиль жизни и духовные ценности либеральной интеллигенции России сороковых годов XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2011–2012. – М: Изд-во ЭКОН-ИНФОРМ, 2012. – С. 5–17. – 1,0 п.л.

Блохин В.В. Основы мировоззрения Н.Г.Чернышевского // Общественно-политическая мысль в России в XIX веке: к 200-летию А.И. Герцена // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – № 6 (14). – 1,0 п.л. // <http://mes.igh.ru/magazine/content/raboti-chernishevskogo.html>

Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2012. – № 1. – С. 126–138. – 0,8 п.л.

Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Проблема режима Черноморских проливов в 1830–1840-х гг. // Жизнь во имя созидания. К 90-летию профессора А.С. Протопопова: Сб. мат-лов. – М.: РУДН, 2012. – С. 77–82. – 0,3 п.л.

Гребениченко С.Ф. В фарватере интеграции // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 1. – 1,5 п.л.

Гребениченко С.Ф. Этика профессионала // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога, ученого. К 50-летию профессора В. А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 41–44. – 0,3 п.л.

Гребениченко С.Ф. Зачем России вперед? // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога, ученого. К 50-летию профессора В.А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 169–178. – 0,5 п.л.

Гребениченко С.Ф. 20 лет СНГ: новое интеграционное ускорение // Ежегодник СНГ: проблемы, поиск, решения. – М.: РУДН, 2012. – С. 5–14. – 0,7 п.л.

Гребениченко С.Ф. Миграция из стран СНГ и иные факторы улучшения демографической ситуации в России // Ежегодник СНГ: проблемы, поиск, решения. – М.: РУДН, 2012. – С. 123–136. – 0,8 п.л.

Корноухова Г.Г. «Мусульмане найдут свое спасение через Коран и в Коране»: к проблеме достижения материального благополучия населения в азербайджанской богословской мысли конца XIX – начале XX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2011/2012. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2012. – С. 125–139. – 1,0 п.л.

Корноухова Г.Г. Конфессионально-этические основы мусульманского предпринимательства в Российской Империи конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2012. – № 2. – С. 62–76. – 1,0 п.л.

Котеленец Е.А. Ленин как политик и человек в новейших исследованиях // Вестник РУДН. Сер. «История России» – 2012. – № 2. – С. 35–48. – 0,5 п.л.

Козьменко В.М. Приоритетные рубежи интеграции России и Казахстана // Вестник РУДН. Сер. «История России» – 2012. – № 1. – С. 102–109. – 0,5 п.л.

Козьменко В.М. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920–1991 гг. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2012. – № 2. – С. 120–131. – 0,8 п.л.

Козьменко В.М. Декан новой формации // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога, ученого. К 50-летию профессора В.А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 47–48. – 0,2 п.л.

Козьменко В.М., Сагиндилов Р.Е. Сотрудничество России и Казахстана в области дипломатических отношений // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога, ученого. К 50-летию профессора В.А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 206–220. – 1,0 п.л.

Козьменко В.М. Россия в системе СНГ: формы сотрудничества // Ежегодник СНГ: проблемы, поиски, решения. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 49–59. – 0,7 п.л.

Козьменко В.М. Назовем орла орлом // Служение высшей школе и науке педагога, ученого. К 90-летию профессора А.С. Протопопова: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 30–34. – 0,2 п.л.

Кряжева-Карцева Е.В. Деятельность Русского теософического общества в Шанхае: к проблеме выявления специфики работы мистических обществ России в эмиграции // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2011/2012. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2012. – С. 41–48. – 0,4 п.л.

Кряжева-Карцева Е.В. Гибкое управление – залог успеха команды // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога, ученого: К 50-летию профессора В.А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 52–55. – 0,2 п.л.

Кряжева-Карцева Е.В. Я благодарна судьбе, что работаю с Вами // Жизнь во имя созидания. К 90-летию профессора А.С. Протопопова: Сб. мат-лов. – М.: РУДН, 2012. – С. 41–44. – 0,2 п.л.

Матулис Т.Н. Человек дела и светлой души // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога, ученого. К 50-летию профессора В.А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 60–63. – 0,2 п.л.

Матулис Т.Н. Линия жизни Ольги Алексеевны Крыловой // Система. Норма. Стиль. К 75-летию академика РАЕН, академика МАН ПО, доктора филологических наук, профессора Ольги Алексеевны Крыловой: Сб. мат-лов. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 328–330. – 0,2 п.л.

Матулис Т.Н. Не стареют душой ветераны // Жизнь во имя созидания. К 90-летию профессора А.С. Протопопова. – М.: РУДН, С. 41–43. – 0,3 п.л.

Мосейкина М.Н. Последователи Ф. Нансена в Верховном комиссариате по делам русских беженцев и их роль в деле расселения и трудоустройства эмигрантов в странах Латинской Америки (1920-е годы) // Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – Вып. 15. – СПб.: Русская эмиграция, 2012. – С. 70–74. – 0,5 п.л.

Мосейкина М.Н. Диаспорная идентичность в контексте истории русской эмиграции XX в. // Служение высшей школе и науке руководителя, педагога,

га, ученого. К 50-летию проф. В.А. Цвыка: Сб. мат-лов. – М.: РУДН, 2012. – С. 246–256. – 0,7 п.л.

Мосейкина М.Н. Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX – первой трети XX в. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* – Вып. 6 (I): В 2 ч. – Ч. I / Отв. ред. А.В. Голубев. – М.: ИРИ РАН, 2012. – С. 150–160. – 0,5 п.л.

Мосейкина М.Н. А.С. Протопопов: душа факультета, легенда Университета // *Жизнь во имя созидания. К 90-летию профессора А.С. Протопопова:* Сб. мат-лов. – М.: РУДН, 2012. – С. 41–44. – 0,3 п.л.

Якеменко Б.Г. Фальсификации российской истории – нужно ли с ними бороться, для чего и какими методами? // *Вестник РУДН. Сер. «История России».* – 2012. – № 4. – С. 131–135. – 0,5 п.л.

**PRINCIPAL SCIENTIFIC PUBLICATIONS
OF THE RUSSIAN HISTORY CHAIR
OF PEOPLES` FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA**

НАША БИБЛИОГРАФИЯ

ПОЛЕЗНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В ПЕРИОД НЭПА:

Рец. на кн.: *Юдина Т.В.* советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы новой экономической политики. – Волгоград: Изд-во ВОЛГУ, 2009. – 444 С.

В.Н. Парамонов

В истории нашей страны концессии – явление далеко не новое. Активное применение концессионных форм привлечения иностранного и отечественного капиталов в значительной мере помогло вывести и преобразовать дореволюционную Россию, которая к началу Первой мировой войны в небывало короткие сроки из полуфеодального превратилось в одно из наиболее промышленно развитых государств. В первые годы советской власти иностранные концессии также сыграли важную роль в ликвидации последствий хозяйственной разрухи и становлении экономики СССР.

Все это свидетельствует о том, что монография Т.В. Юдиной посвящена актуальной, недостаточно исследованной теме. Большинство работ, внешне схожих по названию, посвящено положению рабочих и служащих собственно на отечественных предприятиях. Отношения же на концессионных предприятиях в период НЭПа затрагиваются в них незначительно.

Работа актуальна и с прагматической точки зрения. Недостаточное развитие инфраструктуры российских экономических институтов, в том числе и институтов, связанных с привлечением иностранных инвестиций в экономику страны, важность выработки основных принципов политики по привлечению иностранного капитала в современную Россию вызывают необходимость обратиться не только к опыту зарубежных стран, но и к своей собственной истории. Опыт 1920-х гг. особенно ценен тем, что был накоплен в условиях, схожих с современными. Более того, исследования особенностей социально-экономического положения отдельных категорий населения, в частности советских рабочих и служащих на концессионных предприятиях СССР, являются востребованными в современных условиях Российской Федерации.

В этом отношении немаловажным фактом является то, что автор монографии Т.В. Юдина является достаточно известным отечественным исследователем истории концессионных предприятий СССР периода НЭПа, и настоящая книга стала итогом многолетнего изучения проблемы. Прежде всего следует выделить историографический обзор и уважительное отношение автора к предшественникам. Основной круг исследователей, занимающихся заявленной проблематикой, включен в историографический обзор. Конечно, можно было бы уделить больше внимания дискуссиям о роли концессий в период НЭПа, показать противоречивость тех или иных взглядов, но это может рассматриваться лишь в качестве пожелания.

Т.В. Юдина использует в своей работе разнообразные источники. Опубликованная статистика, законодательные и нормативные документы, периодическая печать, материалы из РГАСПИ, ГАРФ – все это придает монографии высокую информационную ценность.

Автор комплексно представила проблему социально-экономического положения советских концессионных рабочих и служащих. Четыре главы монографии посвящены самым разным аспектам жизни концессионных предприятий: нормативно-правовому регулированию трудовых и социальных прав советских, рабочих и служащих на концессионных предприятиях; организации труда и заработной платы; формированию социокультурной среды; конфликтным ситуациям и их разрешению.

В монографии довольно убедительно показана специфика деятельности профсоюзов на концессиях как института защиты трудовых и социально-экономических прав и интересов советских концессионных рабочих и служащих.

Положительной оценки заслуживает и тот факт, что автор останавливается не только на вопросах фактографического характера, но и на проблемах, требующих интерпретации, носящих дискуссионный характер, например, о возникновении на советских концессиях особой категории населения – «советских концессионных рабочих».

Представляет интерес обращение Т.В. Юдиной к истории повседневности концессионных предприятий, что пока крайне незначительно представлено в отечественной литературе. Автор аргументировано доказывает, что одним из направлений деятельности, осуществляемой концессионерами в соответствии с политикой советского правительства в годы новой экономической политики, стала работа по обеспечению благоприятного социально-экономического уровня жизни советских рабочих, занятых на концессионных предприятиях. В этой связи показан механизм решения данной задачи на примерах сравнительной характеристики заработной платы, прав рабочих на государственных и концессионных предприятиях и др.

Т.В. Юдиной доказывается, что привлечение иностранных предпринимателей в Советскую Россию в годы НЭПа способствовало улучшению социально-экономического положения части советского населения, занятого

на концессионных предприятиях. В работе определено значение коллективных договоров, направленных на обеспечение более высокого социально-экономического положения советских концессионных рабочих по сравнению с рабочими однородных государственных предприятий.

В работе аргументированно доказывается, что решение концессионерами социально-трудовых проблем путем государственного нормативно-правового и коллективно-договорного регулирования способствовало эффективному развитию предприятий, получению прибыли. Экономические и социальные результаты функционирования концессий в годы нэпа, выражавшиеся в материальном благосостоянии советских рабочих, повышении их культурного и образовательного уровня, защите и охране труда, свидетельствовали о социальной ответственности концессионеров за повышение уровня и качество жизни советских рабочих.

Обоснованными представляются выводы автора о том, что в современных условиях использование эффективных форм контроля и управления по преодолению произвола и формализма руководителей предприятий с участием иностранного капитала невозможна без участия профсоюзов; социальной стабильности в обществе, которая обеспечивается совместными усилиями государства, работодателей и профессиональных союзов; через систему коллективных договоров необходимо регулировать вопросы социально-трудовых прав рабочих и служащих предприятий с участием иностранного капитала.

Положительной оценки заслуживают рекомендации Т.В. Юдиной об обязательности для концессионеров в сфере современных социально-трудовых отношений целевых программ, разрабатываемых государством.

В работе немало говорится об условиях и уровне жизни рабочих концессионных предприятий. На наш взгляд, было бы целесообразно точнее определиться с понятиями «уровень жизни», «качество жизни», обосновать их критерии, показать, насколько они были выше или ниже дореволюционного уровня жизни российских рабочих на концессионных предприятиях. Приведенные в работе факты о размерах оплаты труда не столь убедительны, поскольку не увязываются с уровнем инфляции, ценами на продукты в разных регионах и другими параметрами уровня жизни не только в отдельной местности, но и в СССР, где располагалось концессионное предприятие. Анализ этих фактов бесспорно сказался бы на качестве данной работы.

В этой связи хочется пожелать автору продолжить исследование прав и положения концессионных рабочих в Российской империи, сравнения правового и экономического положения отечественных и иностранных рабочих на концессионных предприятиях Российской империи и СССР, что позволит значительно дополнить имеющиеся сведения об уровне жизни российских и советских рабочих, их социокультурном облике, разрешении трудовых конфликтов на предприятиях.

В целом монография Т.В. Юдиной производит благоприятное впечатление благодаря обширности и глубине анализа источников, обоснованным выводам, преодолению лакун в тематическом и хронологическом полях исследований предшественников. Этот труд позволяет быть востребованным при изучении экономической истории, изучении взаимоотношений власти и общественных организаций, власти и бизнеса, при дальнейшей разработке законодательной базы Российской Федерации по совершенствованию трудовых и социальных отношений на предприятиях с участием иностранного капитала.

**SOLUTION TO ECONOMIC AND SOCIAL PROBLEMS OF USSR
IN CONDITIONS OF NEW ECONOMIC POLICY**

**Review of: *Yudina T.V. Soviet workers and employ yees
at concession plants of USSR in years of New Economic Policy. –
Volgograd: VolGU Publishing House, 2009. – 444 p.***

НАШИ АВТОРЫ

Абазов Алексей Хасанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических наук Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

E-mail: alex_abazov@list.ru

Аругюнова Жанна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, кавалер Орденов Французской Республики «За Заслуги», «Академические Пальмы».

E-mail: jeannearout@mail.ru

Блохин Константин Владимирович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

E-mail: istory1@rambler.ru

Головкин Александр Андреевич – студент I курса магистратуры кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: 7141321@mail.ru

Гребениченко Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: grebenichenko@duma.mos.ru

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: marizh.omsk@rambler.ru

Кимерлинг Анна Семеновна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-исторических исследований Центра

фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: kimerlinganna@gmail.com

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: kornouh@mail.ru

Линькова Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: e.v.linkova@yandex.ru

Миронова Александра Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: miralex87@gmail.com

Парамонов Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии науки Самарского государственного университета.

E-mail: parvja@mail.ru

Пименова Ирина Ивановна – соискатель кафедры истории России РУДН, старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета Российского университета дружбы народов.

E-mail: pimenova_irina@mail.ru

Понька Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

E-mail: ponka@kmail.ru

Токтамысов Сакен Жаугаштович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Московской государственной академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки.

E-mail: stoktamysov@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Требования к рукописям, представляемым в редакционную коллегию периодического издания (научного журнала) «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “История России”»

Рукописи принимаются:

- в *электронной форме* на дискете, диске, в виде послания по электронной почте;
- в *формате* MS Word 14-м кеглем через 1,5 интервала;
- *тип файла* – DOC.

Объем – от 25 000 до 40 000 знаков, включая **сноски** и **межсловные интервалы** (пробелы).

Оформление дат: 1917 г., 1920-е гг., 1930–1940-е гг., XIX в., XVIII–XX в., 19th century, 1930s.

Сокращения: 1500 чел., 2 млн руб., 3000 тыс. долл.

Сноски **автоматические концевые:**

– в верхней строчке окна MS Word 1997–2000: Вставка ⇒ Сноска ⇒ Концевую ⇒ Автоматическая ⇒ Параметры ⇒ Концевые сноски ⇒ Формат номера ⇒ 1, 2, 3...

– или в Word XP: Вставка ⇒ Ссылки ⇒ Сноска ⇒ Концевые сноски ⇒ Формат номера – 1, 2, 3...

Сноски оформляются по ГОСТ 7.1-84, при повторном упоминании не повторяются выходные данные, возможно сокращение названия.

*Сноски оформляются **отдельно*** в русском и романском алфавите в виде транслитерации русского алфавита латиницей, а также в переводе на англ. яз. Правила и примеры оформления ссылок в романском алфавите на сайте: <http://metal.donntu.edu.ua/dl/links.pdf>

Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по **адресу:** <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» необходимо выбрать вариант BGN). Выходные данные (город, том, номер, страницы) переводятся на английский язык.

Таблицы – в файлах MS Word в составе основного текста.

Название статьи – на русском и английском языках.

Аннотация – на русском и английском языках от **300** до **500 знаков** на каждом языке.

Ключевые слова – до 10 слов и словосочетаний на русском и английском языках.

Об авторе – фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, ученое звание, должность, адрес электронной почты.

Место работы – официальное название, название подразделения (кафедры, отдела, центра), где работает автор; почтовый адрес с индексом (на русском и английском языках), адрес электронной почты для связи с автором (в одном файле с текстом статьи).

Все данные – в одном файле с текстом статьи.

Образец оформления рукописи и электронные адреса редколлегии см. на сайте: www.rudn.ru ⇒ наука ⇒ научные журналы ⇒ Вестник РУДН ⇒ сер. «История России».

Плата за публикации статей не взимается.

*Главный редактор серии
профессор В.М. Козьменко*

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ХРИСТИАНСТВО В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА XIX В.

Р.А. Арсланов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10- 2, Москва, 117198, Россия

В статье анализируется влияние православия на становление и развитие взглядов одного из крупнейших мыслителей России XIX в., основателя национальной формы либерализма К.Д. Кавелина. Автор показал противоречивый процесс «изживания веры» либеральным интеллигентом, обратив особое внимание на факторы, ведущие к переходу от православия к рациональному типу мышления. В статье исследуется также обращение Кавелина к этической стороне христианского учения, которую он надеялся использовать в целях адаптации либеральных ценностей к условиям России.

Ключевые слова: российский либерализм, интеллигенция, православие, секуляризация сознания, К.Д. Кавелин

Мировоззрение Кавелина складывалось под влиянием семейной обстановки, глубинных ментальных основ дворянского сознания и духовных вех эпохи 40–50-х гг. XIX в. Его личность формировалась в семье, принадлежавшей к старинному, но незнатному и небогатому дворянскому роду, по семейным преданиям – татарского происхождения. Отец Кавелина – Дмитрий Александрович (1778–1851 гг.) делал на первый взгляд достаточно успешную карьеру министерского чиновника. Однако, будучи от природы слабовольным человеком, склонным к тому же к мистицизму, он так и не смог реализовать себя ни в службе, ни в творчестве. Выйдя в отставку, он «начал впадать в апатию», пытаясь «найти убежище в религии». Но его религиозные устремления вылились, по словам биографа, «...во внешнее благочестие, доходившее до ханжества» (1).

<...> Позднее, описывая впечатления о новой встрече с Кавелиным, поэт констатировал: «Мы не поймем один другого: социальное страдание останется вечною фразой для меня, как для него искания Бога» (2).

<...> В начале 1840-х гг. Кавелин выступил и с критикой «западной науки» за ее формализм и пренебрежение подлинной, т.е. христианской истиной (3).

<...> (4).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. – 1886. – № 5. – С. 14.
- (2) Григорьев А.А. Воспоминания. – М., 1988. – С. 90. Grigor'ev A.A.
- (3) См.: Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии... – С. 481.
- (4) ОР РГБ. – Ф. 180. – Оп. 1. – Д. 567. – Л. 3–56.
<...>

NOTES

- (1) Korsakov D.A. K.D. Kavelin. Materialy dlja biografii iz semejnoj perepiski i vospominanij [Kavelin K.D. Materials for the biography of the family of correspondence and memories] // Vestnik Evropy. – 1886. – № 5. – P. 14.
- (2) *Vospominanija* [Memoirs]. – M., 1988. – P. 90.
- (3) Korsakov D.A. K.D. Kavelin. Materialy dlja biografii... [Kavelin K.D. Materials for the biography...]. – P. 14.
- (4) OR RGB. – F. 180. – Op. 1. – D. 567. – L. 3–56.
<...>

THE INFLUENCE OF THE CHRISTIANITY ON THE DEVELOPMENT OF SIGHTS OF RUSSIAN LIBERAL OF 19TH CENTURY

R.A. Arslanov

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

In the article R.A. Arslanov analyzes the influence of Orthodoxy on development of sights of K.D. Kavelin (1818–1885), one of the largest thinkers of Russia 19th century, the founder of the national form of liberalism. The author has shown the complex and rather inconsistent process of getting rid of his beliefs. Author paid attention on the factors leading to transition from Orthodoxy to rational type of thinking. In the article the author also shows Kavelin's reference to the ethical side of the Christian doctrine. Kavelin hoped to make it adequate to liberal values in Russia.

Key words: Russian liberalism, intellectuals, Orthodox Christianity, secularization of conscience, Constantine Kavelin.

Арсланов Рафаэль Амирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: ars_raf@mail.ru

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов
Научный журнал

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2013, № 2

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Н.В. Малаховская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «История России»:
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, к. 506, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Подписано в печать 27.05.2013. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл.-печ. л. 15,81. Тираж 500 экз. Заказ № 330

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
RUSSIAN HISTORY

2013, № 2

Managing editor *T.O. Sergeeva*

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *N.V. Malachovskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze Str., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Series «Russian History»:

Miklukho-Makhlaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12

E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze Str., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

18232

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «История
России»

Количество
комплектов:

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

18232

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН
Серия «История России»

Стои- мость	подписки	руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. _____ коп.	

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:	<input type="text"/>
	переадресовки	_____ руб. _____ коп.		

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ
